

Филлис Дороти Джеймс

Лицо ее закройте

Глава 1

1

Ровно за три месяца до убийства в Мартингейле миссис Макси устроила прием. Спустя годы, когда судебный процесс почти стерся в памяти – остались лишь скандальные подробности да заголовки на пожелтевших газетных страницах, которыми застилала полки в кухонном буфете, – Элеонора Макси вспомнила тот весенний вечер как первый эпизод трагедии. Память, капризная и своевольная, воскрешала картину ничем не примечательного ужина, окутывая ее аурой дурных предчувствий и тревоги. Теперь, в ретроспективе, он казался ритуальной встречей под одной крышей жертвы и подозреваемых. Прологом к сцене убийства. На самом деле на ужине присутствовали не все подозреваемые. Во-первых, Феликс Херн в тот уик-энд не был в Мартингейле. Но в воображении Элеоноры Макси он тоже сидел за столом, следя насмешливым и пытливым взглядом за гримасами и ужимками входящих в роль актеров.

Конечно же, вечер был заурядным и скучным. Трое гостей – доктор Эппс, викарий и мисс Лидделл, смотрительница приюта св. Марии для девочек, – слишком часто сиживали за одним столом, чтобы ждать друг от друга чего-нибудь новенького или испытывать от подобного соседства особый восторг. Кэтрин Бауэрз была непривычно молчалива, а Стивен Макси и его сестра Дебора Рискоу с трудом сдерживали раздражение: Стивен не приезжал домой из своей больницы больше месяца, и пожалуйста – именно в этот день устроили прием. Миссис Макси только что взяла в горничные мать-одиночку из приюта мисс Лидделл, и девушка первый раз прислуживала гостям. Но напряжение, сковавшее всех участников трапезы, вряд ли было вызвано присутствием Салли Джапп, ставившей блюда перед миссис Макси и убиравшей тарелки с завидной сноровкой, которую отметила не без удовлетворения мисс Лидделл.

Судя по всему, по крайней мере, один гость был безмятежно счастлив. Бернард Хинкс, викарий Чадфлита, был холостяком, и любая возможность увильнуть от сытной, но неудобоваримой стряпни своей сестрицы, которая вела его хозяйство, – она-то никогда не разъезжала по гостям! – оборачивалась для него

истинным праздником, так что ему было не до светской болтовни. Милый, приятный мужчина, он казался старше своих пятидесяти четырех лет, слыл нерешительным и робким во всех вопросах, за исключением веры. Теология была его главной, практически единственной страстью, случалось, правда, прихожане не всегда понимали его проповедей, хотя принимали их восторженно и считали, что он шибко умный, оттого и говорит непонятно. Однако в деревне знали, что священник никому не отказывает ни в помощи, ни в совете, и если предыдущий был малость туповат, то на теперешнего можно было положиться.

Для доктора Чарлза Эппса ужин означал отличную еду, общество очаровательных женщин, с которыми можно поболтать, и передышку от его нудной деревенской практики. Он овдовел, жил уже тридцать лет в Чадфлите, досконально знал почти всех своих пациентов и мог без ошибки сказать, кому грозит смерть, а кому нет. Он был уверен, что нет на свете такого врача, который способен повлиять на исход болезни, что мудрость состоит как раз в том, чтобы знать, когда твоя смерть причинит ближним твоим как можно меньше хлопот, а тебе – печали, считал также, что новейшие достижения медицины продлевают жизнь больному лишь на несколько никому не нужных месяцев к вящей славе того, кто его лечит. И все-таки он был совсем не глуп и обладал куда большими познаниями, чем полагал Стивен Макси, и совсем немного его пациентов предстали перед неизбежным концом раньше предписанного им часа. Он дважды принимал роды у миссис Макси, был домашним доктором и другом ее мужа, впрочем, Саймон Макси не мог долее поддерживать эту дружбу и ценить ее – он помутился в уме. Сейчас доктор сидел за столом семейства Макси и поддевал вилкой суфле из цыпленка с видом человека, который заслужил честным трудом свой ужин и не намерен поддаваться настроению прочих.

– Так вы взяли Салли Джапп с ребенком, Элеонора? – Доктору Эппсу никогда не возбранялось формулировать очевидное. – Милые создания эти обе крошки. Да и вам стало повеселее – снова малыш в доме.

– Хочется надеяться, что и Марта так считает, – сказала сухо миссис Макси. – Ей, конечно, без помощницы не обойтись, но она такой консерватор. Эта ситуация может оказаться ей не по душе.

– Да справится она с ней. Моральные соображения отступят, все же на кухне появилась лишняя пара рабочих рук. – Душевные колебания Марты Балтитафт не очень, видно, волновали доктора, что он и подтвердил взмахом короткопалой

руки. – Очень скоро она в младенце души чаять не будет. Джимми прелестный ребенок, какое кому дело, кто его отец.

В этот момент мисс Лидделл сочла необходимым довести до слушателей свое мнение умудренного опытом человека.

– Не думаю, доктор, что нам следует с такой легкостью относиться к этому явлению. Естественно, мы, христиане, должны быть милосердны, – при этих словах мисс Лидделл чуть заметно поклонилась в сторону священника в знак того, что не забывает, среди них – специалист в этой области, и она приносит извинения, что вторгается в нее, – но не могу отделаться от мысли: общество в целом слишком снисходительно к этим девицам. Моральные нормы в нашем обществе будут неуклонно падать, если к таким детям относиться с большей заботой, чем к рожденным в лоне семьи. А это уже имеет место! Бедные, достойные всяческого уважения матери не видят и половины заботы и ласки, которыми мы одариваем этих девчонок!

Она обвела взглядом сидящих за столом, побагровела и с новым рвением принялась за еду. Ну и что с того, что она их огорошила? Это надо было сказать. Ее святой долг. Она посмотрела на священника, ища поддержки, но мистер Хинкс, озадаченно взглянув на нее, снова занялся едой. «Уж больно святой отец усердствует над тарелкой», – с раздражением подумала мисс Лидделл, оставшись без союзника. Но тут она услышала голос Стивена Макси:

– Да, эти дети, без сомнения, ничем не отличаются ото всех остальных, разве что мы больше перед ними в долгу. Я тоже не считаю, что их матери такие уж замечательные. Но в конце концов, много ли найдется людей, соблюдающих законы морали, за нарушение которых они презирают этих девиц?!

– Очень много, доктор Макси, уверяю вас. – Мисс Лидделл по роду своей профессии не привыкла, чтобы ей перечили младшие. Стивен Макси, может, обещающий молодой хирург, но это вовсе не значит, что он специалист по оступившимся девицам. – Да мне страшно подумать, что мерзости, о которых мне приходится слышать по долгу службы, – в порядке вещей для современной молодежи.

– Поскольку я представитель современной молодежи, поверьте мне, мы частенько позволяем себе презирать тех, кто просто попал в беду. Эта девушка, по-моему, ведет себя совершенно нормально и достойна уважения.

– Да, она тихая, у нее прекрасные манеры. К тому же достаточно образованна. Закончила классическую^[1] школу! Я бы и помыслить не смела рекомендовать ее вашей матушке, если бы она не была самой безупречной воспитанницей приюта святой

Мари. Она сирота, ее воспитала тетка, но, надеюсь, эта подробность не разжалобит вас. Салли предстоит потрудиться, чтобы использовать выпавший ей шанс. Прошлое позади и забыто навсегда.

– Должно быть, нелегко забыть прошлое, когда оно оставляет о себе столь осязаемое напоминание, – сказала Дебора Рискоу.

Доктора Эппса утомлял этот разговор, у него грозило испортиться настроение и, может, даже пищеварение, потому он поспешил внести свою лепту. Отчего, к сожалению, собеседники еще более разошлись во мнениях.

– Она хорошая мать и славная женщина. Может, повстречает еще парня и выйдет замуж. Самое лучшее. Не нравятся мне такие семьи – мать-одиночка и ребенок, слишком уж они замыкаются друг на друге, и ничего путного из этого не выходит. Иногда мне кажется, – понимаю, мисс Лидделл, это звучит дико, – что самое лучшее – отдавать этих малышей со дня рождения в нормальную семью.

– За ребенка несет ответственность его мать, – изрекла мисс Лидделл. – Ее долг растить его и заботиться о нем.

– Все шестнадцать лет, без отцовской помощи?

– У нас действует закон об установлении отцовства, доктор Макси, мы прибегаем к его помощи, когда можем. К сожалению, Салли заупрямилась, не сказала нам фамилии отца, так что мы бессильны.

– На несколько шиллингов теперь далеко не уедешь. – Стивен Макси явно настроился продолжать эту тему. – Думаю, Салли даже не платят пособие на ребенка.

– Мы живем в христианской стране, дорогой мой брат, и расплата за грех – смерть, а не восемь шиллингов налогоплательщика.

Дебора произнесла эту фразу едва слышно, но мисс Лидделл услышала ее и поняла, что она предназначалась для нее. Миссис Макси почувствовала, что ей пора вмешаться. По крайней мере, двое из гостей полагали, что ей следовало сделать это раньше. Миссис Макси никогда ничего из-под своего контроля не выпускала.

– Я сейчас позову Салли, – сказала она, – давайте сменим тему. Рискую вызвать ваше недовольство, но хотела бы спросить вас о церковном празднике. Конечно, вам кажется, что я пригласила вас под каким-то надуманным предлогом, но мы на самом деле должны назначить дату.

Когда Салли появилась в столовой, разговор был столь скучным и мирным, что даже Кэтрин Бауэрз была довольна. На эту тему каждый мог разглагольствовать сколько

заблагорассудится.

Мисс Лидделл наблюдала, как Салли Джапп обходит стол. Можно было подумать, что беседа за ужином впервые возбудила в ней желание как следует разглядеть девушку. Салли была очень тоненькая. Тяжелые золотисто-рыжие пряди волос, выбившиеся из-под наколки, казались слишком тяжелой ношей для нежной головки. Руки еще детские, длинные, с острыми локтями, с красноватой кожей. Пухлые губы скромно поджаты, в зеленых глазах сосредоточенность. Ни с того ни с сего на мисс Лидделл накатила волна умиления. Салли и впрямь прекрасно справляется со своими обязанностями, просто прекрасно! Она подняла глаза, чтобы перехватить взгляд девушки, одарить ее улыбкой одобрения и поддержки. И встретила ответный взгляд. Секунды две они смотрели друг на друга. Потом мисс Лидделл вспыхнула и опустила глаза. Нет, она ошиблась! Да как же Салли осмелилась так смотреть на нее! В смятении и ужасе она пыталась понять, что ее поразило. Еще до того, как она изобразила на своем лице это самое одобрение, она прочитала в глазах девушки не покорную благодарность, олицетворением которой Салли Джапп из приюта св. Марии всегда была, а веселое пренебрежение, намек на какую-то тайну и неприязнь, столь явную и сильную, что это просто пугало. Потом зеленые глаза потупились, и непонятная Салли снова превратилась в послушную, покорную Салли, самую любимую заблудшую овечку, пользующуюся особым благоволением мисс Лидделл. Но тот момент не прошел бесследно. Мисс Лидделл просто дурно сделалось от мысли, озарившей ее. Ведь она дала Салли отличную рекомендацию. Девица вроде бы отвечала всем требованиям. Была, можно сказать, высокой пробы. Даже слишком хороша, чтобы батрачить в Мартингейле. Но назад ходу нет. Поздно решать, мудро она поступила или глупо. Самый печальный исход – позорное возвращение Салли в приют. Впервые мисс Лидделл поняла, что, порекомендовав свою лучшую воспитанницу в Мартингейл, она навлекла на свою голову неприятности. Но ей не дано было предугадать их размеры, равно как и то, что венцом их станет убийство.

Кэтрин Бауэрз, приехавшая в Мартингейл на уик-энд, за столом помалкивала. Она была девушкой честной и искренней, и, когда поняла, что она на стороне мисс Лидделл, ей стало не по себе. Слов нет, Стивен весьма благородно и великодушно заступился за Салли и ее подруг по несчастью, да еще с такой страстью заступился, но Кэтрин он разозлил, вот так она начала сердиться, когда ее друзья, не имевшие отношения к медицине, разглагольствовали о благородстве ее профессии.

Романтика вещь прекрасная, но что толку от нее тем, кто носит с подкладными суднами или имеет дело с правонарушителями. Ее так и подмывало сказать это вслух, но присутствие Деборы, сидевшей напротив, лишало ее дара речи. Ужин, как и все неудачные светские мероприятия, длился бесконечно. «Ну как можно, – думала Кэтрин, – так долго пить кофе, и пора бы уж мужчинам раскуривать трубки». Наконец все кончилось. Мисс Лидделл заспешила в свой приют, заметив, что ей спокойнее, когда мисс Поллак не остается слишком долго одна. Мистер Хинкс, пробормотав что-то о том, что ему надо подготовиться к завтрашней службе, растворился в весеннем воздухе, словно бесплотный дух. Дебора Макси и доктор Эппс безмятежно болтали о музыке, пристроившись у камина в гостиной. Кэтрин предпочла бы говорить о чем-нибудь другом. Лучше телевизор поглядеть, но телевизор в Мартингейле только у Марты в комнате. Если уж говорить, то о медицине. Доктор Эппс, естественно, воскликнул бы: «Конечно вы ведь санитарка, мисс Бауэрз; повезло Стивену – рядом с ним человек, который живет теми же профессиональными интересами, что и он». Потом они втроем станут болтать, к ним подсядет Дебора, но на этот раз ей придется помалкивать – пусть знает, что мужчины устали от хорошеньких бестолковых женщин, хотя они и в роскошных нарядах, и что Стивену на самом деле нужен единомышленник, коллега, способный беседовать с его друзьями толково, со знанием дела. То были заманчивые мечты, и, как большинство мечтаний, они не имели ни малейшего отношения к реальности. Кэтрин сидела, протянув руки к тонким язычкам пламени в камине, и старалась выглядеть непринужденной, пока другие говорили о композиторе с каким-то нелепым именем Питер Уорлок; она о нем ничего не знала, вроде очень давно жил, но не помнила когда. Дебора, естественно, заявила, что не понимает его, но, как всегда, ее невежество выглядело милым. Потом завела с Кэтрин разговор (как поживает миссис Бауэрз, видите ли, ей интересно), до чего же высокомерная особа. Но тут, к счастью, вошла новая горничная сообщить доктору Эппсу, что у женщины с дальней фермы начались схватки. Доктор поднялся с явной неохотой, встряхнулся, словно лохматый пес, и раскланялся.

Кэтрин сделала последнюю попытку.

– Сложный случай, доктор? – спросила она бодро.

– Да нет, мисс Бауэрз. – Доктор Эппс обвел рассеянным взглядом гостиную в поисках своей сумки. – У нее уже трое. Милая женщина, хрупкая, просто ей легче, когда я подле нее. А почему – одному Господу известно! Она может родить, как

говорится, не моргнув глазом. Всего доброго, Элеонора, благодарю за прекрасный ужин. Я собирался подняться к Саймону перед уходом, но, если позволите, загляну завтра. Вам, верно, надо новую порцию снотворного. Я захвачу с собой.

Он раскланялся и, тяжело ступая, направился в сопровождении миссис Макси в холл. Вскоре собравшиеся услышали, как на подъездной аллее взревел мотор его машины. Эппс предпочитал маленькие быстрые машинки, из которых выбирался с превеликим трудом, за рулем он смахивал на хитрого старого медведя, отправившегося на пирушку.

– Давайте пройдемся в конюшни, – предложила Дебора, когда звук мотора замер вдали. – Посмотрим на Боукока и его лошадей. Конечно, если Кэтрин согласна прогуляться.

Кэтрин очень даже не прочь была прогуляться, но не с Деборой. Поразительно, почему Дебора не замечает или делает вид, что не замечает, что им со Стивеном хочется остаться вдвоем. Но уж если Стивен не объяснил ей, то Кэтрин тем более не станет это делать. Скорее бы им пожениться, развязался бы он со своими родственниками. «Вампиры, а не люди», – думала Кэтрин, которой доводилось встречаться с такой породой во время своих «вылазок» в мир современной литературы. Дебора, ни сном ни духом не ведавшая о своих жутких наклонностях, вышла через балконную дверь и пошла по лужайке.

Конюшни раньше принадлежали Макси, а теперь были собственностью Сэмюэля Боукока; они находились в двухстах ярдах от дома, по другую сторону лужайки. Старина Боукок чистил упряжь при свете фонаря, насвистывая сквозь зубы. Коренастый шатен с лицом гнома, раскосыми глазками и большим ртом; он встретил Стивена с нескрываемой радостью. Они пришли посмотреть на трех лошадей, с которых Боукок начал свой небольшой бизнес. «И чего ради Дебора суетится вокруг этих лошадей, – думала Кэтрин, – смешно же это – прижимается к мордам, сюсюкает с ними, точно они люди. Это в ней инстинкт материнский бурлит впустую, – думала она со злостью. – Лучше бы свою энергию в палате, на больных ребятишек тратила. Хотя что с нее проку?» Кэтрин хотелось поскорее вернуться в дом. Конюшня сияла чистотой, но остался терпкий запах лошадей – видно, их сегодня здорово нагоняли, – почему-то он подействовал на Кэтрин возбуждающе. Один раз тонкая смуглая рука Стивена оказалась совсем близко от ее руки на шее лошади. Непреодолимое острое желание дотронуться до нее, ударить ее, даже поцеловать заставило Кэтрин закрыть глаза. А потом, в темноте, всплыли другие сладостные, смущающие воспоминания – та же рука проводит полукруг у нее на

груди, она кажется еще смуглее на фоне белизны, медленно и нежно движется эта рука, предвестница наслаждения. Кэтрин, почти шатаясь, вышла в весенние сумерки, за спиной звучали медленная, нерешительная речь Боукока и энергичные голоса Макси, наперебой отвечающие ему. И снова подступил этот смертельный ужас; с тех пор как она влюбилась в Стивена, с ней такое случалось. Он накатывал неожиданно, парализуя волю и здравый смысл. В эти минуты все становилось нереальным, и она почти физически ощущала, что ее надежды рушатся как песочные замки. Причиной своих несчастий и двусмысленного положения она считала Дебору. Дебора – ее враг. Дебора-то была замужем, ей-то улыбнулось счастье. Дебора, хорошенькая, эгоистичная и пустая. Кэтрин прислушивалась в сгущающихся сумерках к голосам, в ней клокотала ненависть, доводя ее до одурения.

Когда они вернулись в Мартингейл, она взяла себя в руки, мрак и ужас отступили. Теперь она снова чувствовала себя спокойно и уверенно. Рано пошла спать и, вконец успокоившись, почти поверила, что он придет к ней. «Нет, он не посмеет этого сделать в отчем доме, – убеждала она себя, – это было бы безумием с его стороны, а с ее – смертельным оскорблением для тех, кто оказал ей гостеприимство». Но тем не менее она ждала его в темноте. Через какое-то время она услышала звук шагов по лестнице – его и Деборы. Брат и сестра тихонько смеялись. Они даже не замедлили шага, проходя мимо ее дверей.

2

Наверху, в спальне с низким потолком и белыми стенами, где он спал с пеленок, Стивен лег на кровать.

– Устал, – сказал он.

– Я тоже. – Дебора зевнула и присела к нему. – Мрачноватый ужин получился. Зря его мама устраивала.

– Они все чудовищные лицемеры.

– А кем же им еще быть? Так уж их воспитали. Эппи и мистер Хинкс, по-моему, их не хотели обидеть.

– Зато я выглядел довольно глупо, – сказал Стивен.

– Ты разбушевался, точно сэр Галаад^[2], бросился на защиту обиженной горничной, только она скорее грешница, а не обиженная.

– Она тебе не нравится? – спросил Стивен.

– Дорогой мой, да я и не задумывалась над этим. Она работает у нас, и ладно.

Понимаю, я кажусь тебе ретроградкой, ты ведь у нас прогрессивных взглядов, но я не это имела в виду. Она мне безразлична, совершенно безразлична, равно как и я, полагаю, ей.

– Мне жаль ее. – В голосе Стивена прозвучала резкая нота.

– Это было и слепому видно во время ужина, – сказала холодно Дебора.

– Меня доконало их проклятое самодовольство. И эта Лидделл. Как можно было назначать старую деву смотрительницей приюта святой Марии?

– Не понимаю, а почему бы и нет? Может она женщина и не очень далекая, но добрая и честная. К тому же ее подопечные, по-моему, уже пострадали от чрезмерного увлечения сексом.

– О, Дебора, ради всех святых, не злословь!

– А что ты хочешь – чтобы я умилялась? Мы видимся с тобой раз в две недели. Мне лично тяжело высиживать на этих маминых приемах, наблюдать, как Кэтрин и мисс Лидделл пересмеиваются, потому что уверены, что ты без ума от этой смазливой горничной. От подобной пошлости Лидделл получает особое наслаждение. Завтра же весь разговор за столом станет достоянием местных жителей.

– С ума они сошли, что ли? Я видел девушку мельком, не помню, говорил ли с ней. И взбредет же такое!

– И я так считаю. Бога ради, милый, попридержи свои рыцарские чувства, пока ты дома. Неужели нельзя сублимировать свои социально-общественные порывы в больнице, чтобы не выплескивать их дома? Не очень-то приятно наблюдать, как ты бурлишь, особенно тем из нас, у кого оные отсутствуют.

– Я сегодня не в себе, – сказал Стивен. – Не знаю, как мне быть.

Дебора, как всегда, моментально поняла, о чем говорит брат.

– Она страшная зануда, правда? Почему бы тебе не подвести черту под вашим романом? Изящно, конечно. Думаю, с некоторыми романами не стоит тянуть.

– Ты отлично знаешь, что это именно такой роман, вернее, был роман. Но что я должен сделать?

– Для меня это никогда не составляло особого труда. Вся хитрость в том, чтобы заставить другого поверить, что инициатива исходит от него. А спустя несколько недель я почти верю в это сама.

– А если не сработает?

– Люди умирают, и черви съедают их, но умирают они не от любви.

Стивену хотелось спросить, когда ей удастся убедить Феликса Херна – если вообще удастся – в том, что это он первый решил расстаться с Деборой. В подобных делах, как и в прочих других, Дебора проявляет завидную жестокость.

– А я малодушничая в таких ситуациях – сказал он. – Мне трудно отделаться от человека, даже если он меня раздражает.

– Вот именно, – подхватила сестра. –

И это твоя беда. Слишком слабый и слишком впечатлительный. Пора тебе жениться. Мамочка просто мечтает об этом, правда. На ком-нибудь с состоянием, если подвернется, но чтоб не до омерзения богатой была, а в меру.

– Без сомнения. Но на ком?

– Действительно, на ком же? Неожиданно Дебора утратила интерес к теме Она вскочила, подошла к окну и облокотилась о подоконник. Стивен смотрел на ее профиль, такой похожий на его и при этом загадочно другой, вырисовывающийся на темном фоне ночи. Горизонт прорезали вены и артерии угасающего дня. Из сада доносилось благоухание – мощная бесконечно сладостная волна запахов английской весенней ночи. Лежа в прохладной темноте, он прикрыл глаза и отдался покою Мартингейла. В подобные минуты ему становилось понятно, почему мама и сестра так хлопчут, чтобы сберечь ему наследство. Он первый в их роду занялся медициной. Поступил как счел нужным, а близкие согласились с его выбором. С таким же успехом он мог бы выбрать еще менее перспективное ремесло, хотя трудно себе представить, какое именно. Со временем, если он уцелеет в этой мясорубке, в бешеной погоне и в конкуренции, и ему повезет, он станет консультантом. Может, даже преуспеет и будет сам содержать Мартингейл. А пока что они из кожи вон лезут, экономят на чепухе, но ни в чем не отказывают ему, сами ковыряются в саду и огороде, чтобы сберечь три шиллинга – часовую оплату старого Первиса. Нанимают неумелых девчонок помогать Марте. Все это особо его не стесняло, зато служило доказательством, что он, Стивен Макси, стал преемником своего отца, так же как тот стал преемником своего. Если б можно было наслаждаться красотой и покоем Мартингейла, не обременяя себя чувством долга и ответственности!

На лестнице раздались медленные, осторожные шаги, потом в дверь постучали. Пришла Марта с вечерним горячим молоком. Когда Стивен был маленьким, старая няня решила, что горячее молоко на ночь избавит от кошмарных снов – они с Деборой какое-то время, впрочем совсем недолго, очень от них страдали.

Потом кошмары сменили более ощутимые отроческие страхи, но горячее молоко так и вошло в привычку. Марта вслед за своей сестрой твердо верила, что от ночных – настоящих и воображаемых – опасностей может защитить лишь одно-единственное средство. Она осторожно поставила маленький поднос с веджвудской кружкой, из которой пила Дебора и старой кружкой, изготовленной ко дню коронации Георга V, которую Стивену купил еще дед.

– Принесла вам еще овалтин^[3], – сказала Марта. – Я так и подумала, что вы здесь. Она говорила приглушенным голосом, точно заговорщица. Стивен забеспокоился вдруг она угадала, что речь шла о Кэтрин? Точно как с их старой милой нянькой – та приносила питье на ночь и охотно задерживалась поболтать. Нет, так, да не совсем. Марта, конечно, преданная, но зажатая, с ней труднее. Это подделка, не то простое чувство, которым дышишь, как воздухом. Памятуя об этом, тем не менее он счел, что Марта заслужила похвалы.

– Дивный ужин был, Марта, – сказал он.

Дебора отвернулась от окна, обвила пальцами с алыми ногтями кружку с дымящимся молоком:

– Жаль, что разговоры, которые велись за столом, были намного хуже вашей стряпни. Мисс Лидделл прочитала нам лекцию о социальных последствиях нарушения закона. Как вам Салли, Марта?

Стивену этот вопрос показался глупым. Что это с Деборой?

– Вроде неплохая девушка, – сказала Марта, – но рано еще судить, конечно. Мисс Лидделл ее нахваливала.

– По словам мисс Лидделл, – сказала Дебора, – Салли воплощение всех добродетелей, за одним исключением, но и оно – оплошность природы, которая в темноте не разобралась, что девица окончила классическую школу.

К удивлению Стивена, в голосе сестры зазвенели горькие ноты.

– Не думаю, что все эти науки так уж нужны горничной. – Марта давала понять, что она прекрасно обходится и без них. – Надеюсь, она понимает, как ей повезло. Мэм даже отдала ей колыбель, в которой вы оба спали.

– Теперь же мы в ней не спим. – Стивен старался говорить как можно менее раздраженно. Господи, ну сколько можно обсуждать эту Салли Джапп! Но зря он Марту остановил. Такое впечатление, что осквернили не колыбель, а лично ее, Марту.

– Мы ведь ее берегли, доктор Стивен.

Для внуков берегли.

– Черт побери! – сказала Дебора. Она вытерла пальцы,

закапанные молоком, и поставила кружку на поднос. – Нечего внуков считать, пока их нет. Лично я не собираюсь открывать счет, а Стивен даже не помолвлен – не то что собирается обзаводиться детишками. Не исключено, что он женится на грудастой практичной санитарке, которая предпочтет купить новенькую, стерильную кроватку на Оксфорд-стрит. Спасибо, Марта, дорогая, за молоко. – Дебора улыбнулась: – эти слова означали, что Марте пора уходить.

Они обменялись пожеланиями на сон грядущий, и те же осторожные шаги прошаркали вниз по лестнице. Когда они стихли, Стивен сказал:

– Бедняжка Марта. Мы привыкли к ней, принимаем все как должное, а ведь на ней весь дом, ей трудно. По-моему, пора нам подумать, как ее отпустить и выплачивать ей пенсию.

– С чего это? – Дебора стояла у окна.

– По крайней мере сейчас у нее есть хоть какая-то помощница, – начал уступать Стивен.

– Хоть бы Салли не мешала ей. Мисс Лидделл сказала, что ребенок просто на удивление хорош. Но если младенец не питит из трех ночей – две, он уже хорош. Да к тому же пеленки. Вряд ли от нее много толку, если каждое утро ей приходится стирать пеленки.

– Но ведь все матери стирают пеленки, – сказал Стивен, – и тем не менее находят время для другой работы. Мне нравится эта девушка, вот увидишь, она будет Марте подспорьем, если ее оставят в покое.

– Смотри, какой рьяный заступник нашелся! Жаль только, что ты будешь торчать в своей больнице, когда начнутся неприятности.

– Какие еще неприятности? Что с вами со всеми происходит? С чего вы взяли, что девушка причинит вам неприятности?

Дебора направилась к дверям.

– Потому что, – сказала она, – она уже их причиняет, не так ли? Спокойной ночи.

Глава 2

1

Несмотря на столь нескладное начало, первые недели пребывания Салли Джапп в Мартингейле прошли прекрасно. Придерживалась ли она того же мнения – неизвестно. Да никто и не спрашивал ее об этом. В деревне единодушно решили, что она везучая. Может, она и не испытывала должной

благодарности, что частенько случается с баловнями судьбы, но ей удавалось скрыть свое равнодушие под маской кротости, почтительности и готовности учиться, а большинство людей с радостью принимают это за чистую монету. Но Марту Балтитафт было не обмануть, да и семейство Макси, призадумайся всерьез, тоже не попало бы на удочку. Но они были слишком заняты собственными проблемами и слишком обрадовались тому, что нежданно-негаданно забот по дому стало меньше; вот и не заметили, что беда у ворот.

Марте пришлось согласиться, что первое время малыша не было слышно. Она объясняла этот факт твердыми правилами, установленными в приюте мисс Лидделл, потому как в голове у нее не укладывалось, что девицы дурного поведения могут быть отличными мамами. Первые два месяца Джеймс был спокойным, довольствовался тем, что его кормили в положенное время, не возвещал слишком громко о том, что проголодался, а в перерывах между кормлениями спал, пребывая в млечном благодусии. Но это не могло длиться бесконечно. С наступлением эры, как говорила Салли, «смешанного питания» Марта прибавила к своим претензиям еще несколько существенных жалоб. На кухне, казалось, все было подчинено Салли. Джимми на всех парах мчался к тому периоду детства, когда еда становится не столько приятной необходимостью, сколько возможностью проявить свой нрав. Он выгибал дугой крепкую спину в высоком стуле, на который его водружали, подоткнув для надежности со всех сторон подушками, – выгибался, неистово сопротивляясь, пуская молочные пузыри и выплевывая овсяную кашу сквозь стиснутые губы в знак тотального отрицания, а потом вдруг уступал, становясь прелестным, невинным и послушным. Салли со смехом покрикивала на него, в приливе нежности тискала, ласкала и целовала, не обращая внимания на то, как Марта неодобрительно бурчит что-то. Малыш, с шапкой мелких кудряшек, орлиным носиком, почти не видным из-за пухлых, алых и наливных, как яблоки, щек, казалось, подчинил себе все на кухне Марты, точно коронованный, властный, миниатюрный цезарь. Салли подолгу играла с ребенком, и Марта частенько наблюдала по утрам такую картинку: светловолосая голова Салли склонилась над малышом, потом вдруг над ней появляется толстая ножка или ручка – знак того, что долгие часы сна Джимми канули в Лету. Сомнений не было – он становился все привередливее. Пока что Салли удавалось справляться с порученной ей работой, удовлетворяя требования как сына, так и Марты. Миссис Макси иногда интересовалась, не слишком ли перегружена Салли, и тотчас же успокаивалась, получив ответ.

Дебора ничего не замечала, а если и замечала, то хранила молчание. Как бы то ни было, понять, переутомляется Салли или нет, было трудно. Ее всегда бледное личико под тяжелой копной волос и тонкие, точно ломкие веточки, руки делали ее на вид слабой и немощной, но Марта считала это впечатление крайне обманчивым.

– Крепкий орешек и хитра, как стадо обезьян. – Таков был ее приговор.

Весна потихоньку сменилась летом. Яркой листвой зазеленели копьевидные буки, залив узорчатой тенью дороги. Священник встретил Пасху, как всегда, праздничной требой – себе на радость, а паства, как обычно, покритиковала его за убранство церкви – слишком скромно. Мисс Поллак из приюта св. Марии мучилась бессонницей, доктор Эппс прописал ей лекарство, а две воспитанницы приюта собрались замуж за малосимпатичных, но явно раскаявшихся отцов своих младенцев. Мисс Лидделл приняла на их место еще двух согрешивших матерей. Сэм Боукок разрекламировал своих лошадей в пригороде Чадфлита, и, к его удивлению, много парней и девиц в новехоньких огромных галифе и ярко-желтых перчатках заявили о своей готовности платить по семь шиллингов шесть пенсов в час за то, что станут ездить верхом по деревне под его руководством. Саймон Макси лежал в своей узкой постели, состояние его не менялось. Стали длиннее вечера, зацвели розы. Сад в Мартингейле наполнился их ароматом. Когда Дебора срезала цветы, чтобы поставить в доме, ей казалось, что сад и Мартингейл словно чего-то ждут. Дом летом всегда становился особенно красив, но нынче, она чувствовала, он будто затаился в этом ожидании, быть может, в ожидании чего-то неприятного, чуждого его прохладной безмятежности. Неся розы в дом, Дебора постаралась освободиться от этого странного наваждения, сказав себе, что самое страшное, что предстоит Мартингейлу, – это ежегодный церковный праздник. В голове вдруг мелькнули слова: «смерть на пороге», но она одернула себя – отцу ведь не стало хуже, может быть, даже немного лучше, дом не может не знать. Она понимала, что любовь ее к Мартингейлу не поддается разуму, иногда она пыталась охладить эту свою привязанность, твердила себе, что наступит время – и «нам придется его продать», словно сам звук слов мог служить охранной грамотой, талисманом.

Ежегодно в июле в Мартингейле церковь св.

Седа^[4] устраивала праздник своего святого, еще со времен прапрадеда Стивена. Проводил его комитет, в который входили викарий, миссис Макси, доктор Эппс и мисс Лидделл. Их

административные обязанности никогда не были слишком сложными, поскольку праздник, как и церковь, для поддержания которой его и устраивали, оставался неизменным из года в год – символ незыблемости среди хаоса. Но члены комитета относились к своей миссии весьма серьезно и в июне – начале июля частенько встречались в Мартингейле, чтобы в саду за чашкой чая принять решения, которые они уже принимали в прошлом году, слово в слово, в том же самом приятном окружении. Единственный человек в этом комитете, кто действительно болел душой, был священник. Человек мягкий и добрый, он стремился в каждом увидеть его самые лучшие качества, при каждом удобном случае приписать ему благородные порывы. Он посвятил свою жизнь этому поиску, с самого начала уразумев., что благотворительность – в равной мере политика и добродетель. Но раз в год мистеру Хинксу приходилось сталкиваться с некоторыми неприятными фактами, касающимися его церкви. Его волновало, что праздник этот взбудоражит, окажет отрицательное действие на суматошных жителей пригорода Чадфлита, боялся, что он станет скорее социальным, чем духовным событием. Он предложил начать и закончить праздник молитвой и гимном, но это нововведение поддержал один-единственный член комитета, миссис Макси, больше всего опасавшаяся, что он затянется до бесконечности.

В этом году миссис Макси будет помогать услужливая Салли. Охотников участвовать в празднике была уйма, хотя некоторые из них норовили извлечь из него максимум удовольствия, приложив минимум энергии, но хлопоты не ограничивались успешной организацией самого праздника. Большинство членов комитета непременно будут приглашены на ужин в Мартингейл; Кэтрин Бауэрз сообщила письмом, что в субботу, на которую приходится праздник, у нее выходной, и интересовалась, не будет ли с ее стороны бесцеремонностью, если она приедет на «один из ваших прелестных уик-эндс, чтобы побыть вдали от грохота и пыли жуткого города». Письмо подобного рода не было первым. Кэтрин всегда больше рвалась к детям, чем дети – к Кэтрин. При других обстоятельствах ничего особенного в этом и не было бы. Только Стивену эта встреча совсем ни к чему, тем более что бедняжка Кэти спала и видела, как бы поудачнее пристроить замуж свою единственную дочку. Сама-то она вступила, как считалось, в неравный брак. Кристиан Бауэрз был художником – таланта у него было больше, чем денег, и никаких претензий, кроме как на гениальность. Миссис Макси он сразу же не понравился, но, в отличие от его супруги, она поверила в его талант. И купила для Мартингейла одно из его ранних

полотен с лежащей обнаженной женщиной, оно висит теперь у нее в спальне и доставляет ей наслаждение, вот она и расплывается за него сердечным гостеприимством, которое она оказывает время от времени его дочери. Для миссис Макси полотенно это служило наглядным примером безрассудства неудачного брака. Но поскольку радость, которую она получала, любясь им, не угасала и поскольку когда-то она училась вместе с Кэти Бауэрз в одной школе и дорожила старой дружбой, она понимала, что Кэтрин следует пригласить в Мартингейл если не для ее детей, то для нее самой.

Но ее беспокоили другие обстоятельства. Миссис Макси не придавала особого значения так называемой общей атмосфере. Она сохраняла невозмутимость, руководствуясь, здравым смыслом, обращая внимание на те трудности, которые были слишком явными, чтобы их не замечать, и не замечала все прочие.

То, что происходило в Мартингейле, невозможно было не видеть. Конечно, некоторых событий следовало ожидать. Миссис Макси, при всей своей невозмутимости, не могла не понимать, что Марта и Салли с трудом уживаются на кухне. И что временами Марте бывает несладко. Но чего она никак не ожидала, так это того, что по прошествии нескольких недель ситуация станет просто невыносимой. После длинной вереницы необученных и необразованных горничных, которые нанимались в Мартингейл, потому что другого выхода у них не было, Салли являла собой образец сообразительности, ловкости и изящества. Ей можно было отдавать распоряжения с полной уверенностью, что они будут выполнены, тогда как другим приходилось вдалбливать до головной боли, и пока наконец те соображали, чего от них ждут, самой легче было все сделать.

Не нуждайся Саймон Макси в круглосуточном уходе, на Мартингейл, наверно, снизошло бы ощущение блаженного безделья, как в довоенную бытность. Доктор Эппс предупредил, что долго они не выдержат, надо будет или сиделку приглашать, или положить его в больницу. Миссис Макси отвергла оба варианта. Первый – очень дорого обойдется, сиделка всех стеснит, да и неизвестно, на сколько времени она понадобится. Второй означал, что Саймон Макси обречен встретить смерть на чужих руках, а не в стенах родного дома. Частная больница или отдельная палата семье не по карману. Значит, речь идет о койке в местной больнице для хроников, в здании барачного типа, где палаты переполнены, а медперсонала не хватает. Еще до начала финишной прямой Саймон Макси спросил у нее однажды шепотом:

– Ты не позволишь им меня забрать, Элеонора?

– Конечно же нет, – ответила она.

И он заснул, заручившись ее обещанием, которое, они оба понимали это, выполнить будет непросто. Жаль, что Марта забыла, как она надрывалась до появления Салли. Теперь-то у нее есть время и силы критиковать помощь, которую она с такой готовностью согласилась принять. Но она перешла в открытое наступление. Раньше втихомолку злилась, а ворчать вслух себе не позволяла. Обстановка на кухне накалилась, думала миссис Макси, после праздника надо будет навести порядок. Но пока она не торопилась, до праздника оставалась всего неделя, и ее главной заботой было, чтобы он удался.

2

В четверг перед праздником Дебора отправилась в Лондон за покупками, перекусила с Феликсом Херном у него в клубе и пошла с ним на Бейкер-стрит на дневной сеанс посмотреть фильм Хичкока. Эта приятная программа закончилась чаем в ресторане «Мейфэр», славящемся отличной кухней. Уплетая сэндвичи с огурцами и фирменные шоколадные эклеры, Дебора думала: день получился шикарный, хоть вкусы у Феликса пошловаты. Но он держался просто великолепно. В том, что не заводись с мужчиной роман, есть свои преимущества. Если бы они были любовниками, пришлось бы тащиться к нему домой в Гринвич, – он бы не упустил случая, любовная связь накладывает точно такие же жесткие и неукоснительные обязательства, как и брачный союз.

Заниматься любовью, что и говорить, дело приятное, но ей было больше по вкусу легкое, ни к чему не обязывающее общение, которым они сейчас наслаждались. Не хотела она снова влюбляться. Месяцы сокрушительных страданий и отчаяния вылечили ее от этого наваждения. Она рано вышла замуж, и не прошло года, как Эдвард Рискоу умер от полиомиелита. Теперь же надежным фундаментом жизни она полагала брак, строящийся на дружеских отношениях, общих взглядах и сексе, который доставлял бы радость обоим, к тому же считала, что выходить замуж надо так, чтобы не слишком много тратить на эту затею душевных сил. Феликс, она подозревала, был влюблен в нее – настолько влюблен, что с ним было интересно, но он не докучал своей страстью, и она лишь изредка всерьез задумывалась над надвигающимся на нее предложением руки и сердца. Даже странно, что он до сих пор не сделал его. Нет, он не избегал женщин, она знала это. Почти все считают его

убежденным холостяком, чудаковатым, немного педантом и бесконечно забавным. Они могли бы позволить себе и куда более резкие замечания, но за ним – его военное прошлое, и со счетов это не сбросишь. Мужчина не может быть неженкой или дураком, раз у него французские и английские награды за участие в Соппротивлении. Он был среди тех, чье физическое мужество, эту самую почитаемую и самую славную добродетель, испытывали в застенках гестапо. И больше не надо было подвергать его проверке. Сейчас как бы не принято думать об этом, но начисто его прошлое не вычеркнуть из памяти. Никто не знал, что делал Феликс Херн во Франции, но ему прощались его чудаковатые привычки, а он, судя по всему, получал от них удовольствие. Он нравился Деборе, был умным, забавным и отчаянным сплетником. Его, точно женщину, интересовали все перемены, все события, он до тонкостей разбирался в человеческих отношениях. Самые заурядные житейские мелочи ему были интересны, вот и сейчас он слушал рассказ Деборы о Мартингейле и живо реагировал на каждое ее слово.

– Так что сами понимаете, какое блаженство для меня немного передохнуть, но уверена, долго оно не продлится. У Марты скоро лопнет терпение. Я ее не виню. Она терпеть не может Салли, да и я тоже.

– Почему? Салли сделала ставку на Стивена?

– Не говорите пошлостей, Феликс. Неужели, по-вашему, я могу опуститься до ревности к прислуге? Хотя, судя по всему, он действительно ей нравится, и она пускается на разные хитрости. Всякий раз, когда Стивен приезжает, она обращается к нему за советами насчет ребенка, хотя я старалась втолковать ей, что он хирург, а не детский врач. А бедняжка Марта слова не может сказать о Стивене – Салли тут же бросается его защищать. Сами убедитесь в субботу.

– А кто еще будет, кроме интриганки Салли Джапп?

– Конечно же, Стивен. И Кэтрин Бауэрз. Вы ведь познакомились с ней в ваш последний приезд в Мартингейл.

– Да, конечно. Глаза навывкате, но личико смазливенькое и умненькое, она умнее, чем вам со Стивеном хотелось бы думать.

– Если она произвела на вас такое неизгладимое впечатление, – парировала Дебора весело, – у вас есть шанс в этот свой приезд выразить ей свое восхищение, а Стивену устроить отставку. Он переборщил с ней, и теперь она липнет к нему как банный лист, а ему это уже осточертело.

– Невероятно, до чего хорошенькие женщины бывают жестоки, когда хотят кого-то унижить! А под «переборщил» вы имеете в виду, что он соблазнил ее? Да, как правило, это ведет к

осложнениям, но он сам должен найти выход из положения, как это сделал его более везучий предшественник. Я все равно приеду. Я люблю Мартингейл и ценю хорошую кухню. К тому же есть у меня подозрение, что нас ждет в эти выходные сюрприз. Дом, переполненный ненавидящими друг друга людьми, грозит взорваться.

– Что вы, положение не столь катастрофично!

– Но на грани того Стивен не выносит меня. Он не удосуживается даже это скрывать. Вы не выносите Кэтрин Бауэрз. Она не выносит вас и, не исключено, эти же чувства испытывает и ко мне. Марта и вы не выносите Салли Джапп, а она, бедняжка, не исключено, проклиняет вас всех. И это трогательное существо мисс Лидделл будет там, а ее ненавидит ваша матушка. Предстоит шабаш подавляемых страстей.

– Можете не приезжать. Будет даже лучше, если вы не приедете.

– Но, Дебора, ваша матушка уже пригласила меня, и я принял приглашение. Я послал ей на прошлой неделе в высшей степени учтивое письмо, – знаете, как я умею, – и сейчас помечу в своей черной записной книжке, что дело это – одно из самых важных.

И он наклонил гладкую светловолосую голову над записной книжкой. Его бледное лицо, такое бледное, что линия лба, где начинались волосы, была почти невидимой, было повернуто к ней профилем. Она отметила, как выделяются на бледном лбу брови и сетки морщин вокруг глаз. Должно быть, у него были красивые руки, подумала Дебора, до того, как гестапо поиграло с ними. Ногти с тех пор не росли. Она попыталась представить себе, как эти руки двигаются по прикладу ружья, держатся за узлы парашюта, сжимаются в кулаки, когда он сопротивляется или упорствует. Не получилось. Казалось, не осталось ничего общего у Феликса, пострадавшего за дело, которому верил, с этим уступчивым, искушенным, язвительным Феликсом Херном из семьи издателей Хернов и Иллингвортов, также как не было ничего общего между девчонкой, вышедшей замуж за Эдварда Рискоу, и той женщиной, какой она теперь стала. Внезапно на Дебору снова накатила ее *malaise*^[5] – тоска и печаль. Она с тоской наблюдала, как Феликс записывает на субботу предстоящее свидание своей изуродованной рукой, ровным почерком, точно назначает свидание со смертью.

3

После чая Дебора решила навестить Стивена, отчасти потому что не хотела ехать домой в час пик, но главное, потому что она

почти всегда во время своих приездов в Лондон посещала больницу св. Луки. Она предложила Феликсу составить ей компанию, но он отказался, объяснив, что от запахов лекарств ему становится плохо, и посадил ее в такси, как всегда рассыпавшись в благодарностях за встречу. Он был педантично постоянен в этом. Дебора торопилась отделаться от малоприятных подозрений, что его утомила ее болтовня; слава Богу, наконец-то она едет – машина удобная, быстрая, она повидает Стивена. К ее огорчению, в больнице его не оказалось. Непохоже на него. Колли, дежурный по вестибюлю, сказал, что мистеру Макси позвонили и он вышел с кем-то повстречаться, предупредив, что отлучается ненадолго. Его заменяет сейчас доктор Донвелл. Мистер Макси скоро должен вернуться. Его нет почти уже час. Может, миссис Рискоу пойдет в ординаторскую?

Дебора поболтала немного с Колли, которому симпатизировала, и поехала в лифте на четвертый этаж. Мистер Донвелл, робкий прыщеватый молодой регистратор, про-бормотал слова приветствия и тут же ретировался в палаты, оставив Дебору наедине с четырьмя грязными креслами, неаккуратной кипой медицинских газет и неубранной после чая посудой. Похоже, они снова ели швейцарские булочки и, как обычно, под пепельницу пустили блюдце. Дебора начала было собирать тарелки, но, сообразив, что занятие это пустое, ведь она не знает, куда их девать, взяла газету и подошла к окну, решив возле него поджидать Стивена и почитать что-нибудь интересное и доступное из медицинских статей. Из окна были видны центральный вход в больницу и улица, ведущая к ней. Вдали блестела излучина реки и башни Вестминстера. Непрерывный гул машин, здесь не такой навязчивый, служил приглушенным фоном больничных звуков – хлопали дверью лифта, звонили телефоны, кто-то торопливо шел по коридору. К входным дверям поликлиники вели пожилую женщину. С высоты четвертого этажа фигуры внизу казались укороченными. Дверь в поликлинику беззвучно закрылась и так же беззвучно открылась. И вдруг она увидела их. Сначала – Стивена, потом огненно-рыжую голову на уровне его плеча. Она^ не могла ошибиться. Они остановились возле угла здания. Похоже, разговаривали. Темноволосая голова наклонилась к рыжей. Минуту спустя они попрощались за руку, потом Салли повернулась в сиянии солнечных лучей и быстро двинулась прочь, даже не оглянувшись. Дебора ничего не упустила. На Салли был ее серый костюм. Ширпотреб, конечно, небось на распродаже купила, но сидит на ней превосходно и прекрасно оттеняет сияющий каскад волос, свободных от наколки и шпилек.

«Она не глупа, – думала Дебора. – Соображает, что надо носить скромное платье, если хочешь так распустить волосы. Соображает, что не надо носить зеленое, как большинство рыжих делают. Соображает, что лучше попроситься, не заходя в больницу отказавшись от приглашения на ужин, во время которого непременно получится какая-нибудь накладка». Потом Дебора удивлялась, как это она запомнила, в чем Салли была одета. Словно впервые глянула на нее глазами Стивена, и увиденное напугало ее. Вечность прошла, пока она услышала стук дверцы лифта и его быстрые шаги по коридору. И вот он рядом. Она не отошла от окна, пусть знает, что она их видела. Ужасно, если он ей ничего не объяснит, даже хорошо, что так все вышло. Она не знала, каких ждет от него объяснении, но его слова поразили ее.

– Ты видела это раньше? – спросил он. На его протянутой ладони лежал мешочек сделанный из мужского носового платка, углы которого были завязаны в узел. Он высвободил один уголок, встряхнул, из мешочка высыпались три-четыре крошечные таблетки Серо-коричневые, не спутаешь ни с чем.

– Это папины таблетки? – Такое впечатление, что он ее в чем-то обвиняет. – Откуда они у тебя?

– Салли нашла и принесла мне. Наверно, ты нас видела из окна.

– Кому она ребенка пристроила? – Глупый, не относящийся к делу вопрос вырвался раньше, чем она успела подумать.

– Ребенка? Ах, Джимми! Не знаю. Оставила у кого-нибудь в деревне, или с мамой, или с Мартой. Она приехала показать мне таблетки, позвонила с Ливерпул-стрит и попросила о встрече. Нашла их в постели отца.

– Как это в постели?

– Под прокладкой на матрасе. Внизу, сбоку. У него сбилась простыня, она стала ее расправлять, принялась натягивать прокладку, тут и заметила маленький сверток в углу матраса. Отец, наверно, несколько недель их собирал, а может, и месяцев. Догадываюсь о причине.

– Он знает, что она их нашла?

– Салли думает, что не знает. Он лежал на боку, спиной к ней, пока она поправляла постель. Она положила платок с таблетками в карман и продолжала свое дело как ни в чем не бывало. Конечно, они могли там давным-давно лежать, он ведь на снотворных уже полтора года, а то и больше, не исключено, что он забыл о них. Может, он потерял даже силы и желание пить их. Мы же не знаем, что у него на уме. Беда в том, что не хотим даже попытаться узнать. Исключение составляет Салли.

– Стивен, это неправда! Мы пытаемся. Мы сидим с ним, ухаживаем, делаем все, чтобы он чувствовал, что мы рядом. Но он лежит без движения, ничего не говорит, похоже, не замечает никого. Это уже не отец. Контакт с ним потерян. Я пыталась, клянусь, пыталась, но бесполезно. Нет, он этого не сделает! Не представляю, как он собрал их, как решился на такое.

– Когда ты даешь ему их, ты следишь, проглотил ли он их?

– Нет, по-настоящему не слежу. Ты же знаешь, как он злится, если мы надоедаем ему со своей опекой. А теперь уж и не пойму, раздражает его или нет, но мы даем ему таблетку, потом наливаем воду и подносим к губам. Должно быть, он спрятал их несколько месяцев назад. Не поверю, что он в состоянии сделать это сейчас. Марта бы заметила. Она чаще всех к нему поднимается, и самое тяжелое на ней.

– Значит, ему удалось обмануть Марту. Господи, Дебора, как я не догадался, ведь я считаю себя врачом. Гробовщик я, и только, гожусь лишь на то, чтобы обмерять своих клиентов, коль скоро не в состоянии видеть в своих пациентах живых людей. А для Салли он все еще живой человек.

Дебора не удержалась и тут же парировала – как раз они-то с мамой и Мартой стараются, чтобы Саймону Макси было удобно, чисто и сытно, им это немало стоит, а вот какие такие заслуги у Салли – ей непонятно. Но уж если Стивен начинает бить себя в грудь, его не остановишь. Ему потом на душе легче делается, даже если окружающим мало удовольствия выслушивать его монологи. Она молча наблюдала, как он нашарил в ящике стола пузырек из-под аспирина, тщательно пересчитал таблетки, их было десять, бросил в пузырек, сделал на нем наклейку, записав название препарата и дозу приема. Все это он проделал автоматически, как человек, привыкший, чтобы лекарство не оставалось без наклейки. На языке у Деборы вертелись вопросы, которые она не решалась задать – «Почему Салли пришла к тебе? Почему не к маме? Она действительно нашла эти таблетки или же просто придумала удобный предлог повидаться с тобой наедине? Нет, должно быть, она нашла их. Такое ведь не придумаешь. Бедный отец! Что Салли сказала? Какое мне дело до всего этого и до Салли? Я ненавижу ее, потому что у нее есть ребенок, а у меня нет. Наконец я решилась сказать это, но от того, что я призналась, мне не легче. Этот мешочек из носового платка. Сколько же времени ему пришлось потратить, чтобы завязать его! Такое впечатление, будто его ребенок делал. Бедный отец! Когда я была маленькой, он был таким высоким! Неужели я боялась его? Господи, ну почему я не испытываю к нему никакой жалости?! Как мне хочется пожалеть его.

Интересно, о чем сейчас думает Салли? Что ей сказал Стивен?» Он отвернулся от стола и протянул пузырек.

– Возьми домой. Поставишь в его аптечку. Не говори пока ничего маме и доктору Эппсу. По-моему, разумнее будет отменить таблетки. Сейчас я возьму в аптеке другое лекарство, то же самое, только в растворе, а не в таблетках. Перед сном – одну чайную ложку, с водой. Я сам прослежу. Просто скажешь Марте, что я отменил таблетки. Когда к нему придет доктор Эппс?

– Придет вечером к маме с мисс Лидделл. Наверно, подыметесь к отцу. Но не думаю, что он о них спросит. Ведь отец их принимает уже очень давно. Когда они кончаются, доктор дает новую порцию.

– А сколько сейчас таблеток дома, не знаешь?

– Есть новый пузырек, еще не распечатанный. Мы должны были открыть его сегодня вечером.

– Оставь его в аптечке, а ему дай в растворе. Я переговорю с Эппи в субботу. Приеду завтра поздно вечером. Пойдем-ка со мной в аптеку и отправляйся домой. Я позвоню Марте, попрошу ее оставить тебе ужин.

– Хорошо, Стивен. – Дебора не огорчилась, что не остается на ужин в больнице. Радостное настроение дня улетучилось. Пора возвращаться домой.

– И я посоветовал бы тебе ничего не говорить Салли.

– У меня и в мыслях не было. Надеюсь, она тоже попридержит язык. Не хотелось бы, чтобы это обсуждала вся деревня.

– Ну зачем ты так, Дебора, ты ведь сама не веришь, что Салли кому-то скажет. На нее можно положиться. Она приняла случившееся близко к сердцу. Очень даже.

– Не сомневаюсь.

– Не на шутку переполошилась. Она очень предана отцу.

– Эту преданность она перенесла и на тебя.

– О, Господи, что ты хочешь сказать?

– Просто мне интересно, почему она не рассказала о таблетках маме или мне.

– Ты не очень-то располагаешь к откровенности, во всяком случае, ее, не так ли?

– А чего ты, собственно, ждешь от меня? Чтобы я стала ее подругой? Пока она выполняет свою работу добросовестно, я и не думаю о ней. Она мне не нравится, думаю, и я ей.

– Она тебе не просто не нравится, – сказал Стивен. – Ты ненавидишь ее.

– Она жаловалась тебе?

– Конечно нет. Будь великодушна, Дебора. Тебя словно

подменили.

«Подменили, – подумала Дебора. – Да откуда ты знаешь, какая я на самом деле?» Но в последних словах Стивена звучал призыв к миру, и она протянула ему руку:

– Прости. Не знаю, что со мной в последнее время. Уверена, Салли поступила так, решив, что это самое мудрое решение. Не стоит нам ссориться. Так, значит, тебя ждать завтра вечером? Феликс может приехать только в субботу утром, а Кэтрин ждут к ужину.

– Не волнуйся. Я приеду последним автобусом. Мы покатаемся на лошадях до завтрака, если пригласишь составить тебе компанию.

Хотя их прогулки давно стали приятной привычкой, официальный тон, с каким он сделал это предложение, не ускользнул от Деборы. Слишком шаткий мостик переброшен через пропасть между ними. Стивен тоже, Дебора догадывалась, чувствует, что под ногами похрустывают льдинки. Никогда с момента смерти Эдварда Рискоу Стивен не был таким чужим, и никогда он не был ей так нужен.

4

Наконец около половины восьмого Марта услышала скрип колес коляски Джимми на подъездной аллее. Она давно уже прислушивалась. Джимми тихонько ныл, лишь мерное покачивание коляски и мамины уговоры удерживали его от воплей.

Скоро в окне мелькнула Салли, подкатила коляску к кухне и тотчас появилась в дверях с малышом. Девушка с трудом скрывала переполнявшие ее чувства. Она была возбуждена, но, судя по всему, довольна собой. Вряд ли она так ликует из-за того, что Джимми прокатился лесной тропой, подумала Марта.

– Что-то поздно ты, – сказала Марта. – Ребенок небось проголодался, бедняжка.

– Но ему не придется больше ждать, верно, дорогуша? Молоко, наверно, вскипятили?

– Заруби себе на носу, Салли, я здесь не для того, чтобы ждать, когда ты явишься. Тебе нужно молоко, сама и кипяти. Прекрасно знаешь, когда надо кормить ребенка.

На том и замолчали; Салли вскипятила молоко и торопилась его остудить, держа Джимми на руках. Только когда Салли собралась нести малыша наверх, Марта заговорила.

– Салли, – сказала она, – ты что-нибудь брала из постели хозяина, когда застилала ее утром? Что-нибудь из его вещей?

Говори правду!

– По вашему тону ясно, что вы все знаете. Неужели вы знали про те таблетки? И молчали?

– Конечно, знала. Я ведь ему пять лет прислуживаю. Кому ж еще, как не мне, знать, что он делает и что у него на уме? Небось решила, что он может их выпить. Не волнуйся. Не смей свой нос совать. Доведись тебе лежать вот так, годами, в постели, может, и тебе было бы утешением, что у тебя кое-что припрятано, скажем, несколько таблеток, которые избавят тебя от страданий. Припрятано кое-что, о чем никто и не подозревает, пока какая-нибудь дура набитая, сучка, да и только, другим словом не назовешь, не пронюхает. Уж такая умная, дальше некуда! Да он и не стал бы их принимать. Он джентльмен! Тебе и этого не понять. Верни-ка мне лучше таблетки. А если хоть кому проболтаешься или притронешься к его вещам, я тебя в два счета выставлю. Тебя и это отродье. Уж я найду способ, будь уверена!

Она протянула руку к Салли. Голоса она ни разу не подняла, но ее спокойная уверенность еще больше пугала, чем гнев, И в голосе Салли, когда она отвечала, дрожали истерические нотки.

– Боюсь, вас ждет неудача. Нет у меня таблеток. Сегодня днем я отдала их Стивену. Да, Стивену! Слушаю, что вы мелете, и радуюсь, что отдала их. Хотела бы я посмотреть на Стивена, когда он узнает, что вы все давным-давно знали. Дорогая, преданная старушка Марта! Такая преданная семейству Макси! Да плевать вы хотели на всех них вместе взятых, старая лицемерка, разве что для хозяина сделали исключение. Посмотрели бы на себя со стороны! Моет его, ласкает, кудахчет над ним, точно над ребенком. Я от смеха готова лопнуть, только уж больно жалкое зрелище. Срамотища! Его счастье, что у него крыша поехала. Да любой бы свихнулся, окажись у вас в лапах!

Она ушла, прижав малыша к бедру; Марта услышала, как грохнула дверь.

Она наклонилась над раковиной, вцепилась в нее дрожащими пальцами. Ее сотряс внезапный приступ рвоты, но легче от этого ей не стало. Она приложила руку ко лбу – привычный жест отчаяния. Посмотрела на пальцы, мокрые от рвоты. Она пыталась взять себя в руки, но в ушах звучал тонкий, детский голосок: «Да любой бы свихнулся, окажись у вас в лапах... окажись у вас в лапах... окажись в лапах». Когда дрожь улеглась и тошнота прошла, ее охватила ненависть. Она начала строить коварные планы мести. Представляла, как Салли опозорена и ее с ребенком выгоняют из Мартингейла, раскусив ее – лживую,

злую, порочную. Да чтоб она сдохла, эта Салли, мечтала Марта – а мечтать кто запретит?

Глава 3

1

Погода в последние недели все время менялась, разве что только снег не шел; а сейчас стала теплой, обычной для летней поры. Может, в день праздника будет сухо, а то и солнечно. Натягивая галифе – она собиралась на прогулку со Стивеном, – Дебора увидела из окна красные и белые палатки и разбросанные по лужайке не до конца еще сколоченные прилавки, которые предстояло украсить гофрированной бумагой и флажками. Чуть дальше на поляне уже обнесли площадку для детских спортивных соревнований и танцев. Под вязами установили старенькую машину с громкоговорителем, и змейки проволоки, вьющиеся по дорожкам и цепляющиеся за деревья, свидетельствовали о попытках местных заядлых радиослушателей установить усилительную систему для музыки и разного рода объявлений. Дебора отдохнула за ночь и теперь стоически переносила эту суету. По опыту своему она уже знала – закончится праздник, и глазу предстанет совсем иное зрелище. Как бы люди ни старались вести себя аккуратно, – правда, многим доставляет удовольствие, когда вокруг коробки из-под сигарет, огрызки фруктов, – по меньшей мере неделю потом приходится пыхтеть, чтобы сад перестал казаться поруганным. Цепочки флажков, натянутые от одной зеленой стены к другой, и так уже придавали купе деревьев неподобающее легкомыслие, а грачи, к ужасу своему, оказались втянутыми в еще больший шум, чем обычная перебранка. Кэтрин, когда она погружалась в мечтания о празднике в Мартингейле, больше всего хотелось помогать Стивену – она представляла себе, как он, окруженный цветом чадфлитского общества, людьми яркими, мыслящими и неравнодушными, выводит своих лошадей. У Кэтрин, конечно, были весьма колоритные, но явно устаревшие представления о роли и месте семейства Макси в чадфлитском обществе. Но эти радужные мечты разбились о непоколебимую убежденность миссис Макси, что ее гостям надлежит быть там, где они более всего нужны. А нужны они у прилавка с белым слоном. Когда Кэтрин пришла в себя от разочарования и обиды, к удивлению своему, она обнаружила, что ей и здесь очень интересно. Все утро она провозилась с товаром, сортировала, оценивала – ведь им все это добро продавать. Дебора точно

знала, что почем и кто что купит, да оно и понятно – опыт немалый, к тому же почти все она сама раздобыла. Сэр Рейнольд Прайс пожертвовал большое ворсистое пальто с отстегивающейся водонепроницаемой подкладкой, которое она немедленно отложила в сторону, чтобы оно попало прямою доктору Эппсу. Ему на зиму именно такое пальто нужно – ведь приходится мотаться в открытом автомобиле; когда ты за рулем, кому какое дело, в чем ты. Еще там была старая фетровая шляпа, принадлежащая самому доктору, которую его помощник безуспешно пытался сбыть во время этих ежегодных распродаж, но она неотвратимо возвращалась к своему сердитому хозяину. Стоила она шесть пенсов и была выставлена на всеобщее обозрение. Были там также свитера ручной вязки сносшибательных рисунков и цветов, бронзовые безделушки и фарфор с каминных полок местных жителей, связки книг и журналов и потрясающая коллекция гравюр в тяжелых рамах, на тоненьких медных пластинках были выгравированы подходящие случаю названия. К примеру: «Первое любовное послание», «Любимица папочки», гравюры-близнецы, выполненные в весьма изысканной манере, под названием «Ссора» и «Примирение», а также несколько стенок, изображающих солдат: или целующих своих жен на прощание, или же предающихся более целомудренным радостям при новой встрече. Дебора предсказывала, что они будут пользоваться особым спросом, и объявила, что одни только рамки стоят полкроны каждая.

К часу дня все приготовления были закончены, домочадцы торопливо перекусили, прислуживала им Салли. Кэтрин вспомнила, что утром Марта сердилась: горничная проспала. Судя по ее разгоряченному виду, Салли пришлось попотеть, чтобы наверстать упущенное время; к тому же, подумала Кэтрин, она, видно, чем-то взволнована, хотя и старается выглядеть покорной и расторопной. Трапеза прошла довольно мирно, поскольку всех объединяли общие хлопоты, и при этом каждый был занят своим делом. В два часа приехали епископ с супругой, члены комитета сошли с веранды гостиной, сели, немного робея, в кружок на приготовленные для них стулья; так произошло официальное открытие праздника. Епископ был стар и уже не служил в церкви, но сенильным стариком пока еще не стал – его короткая речь представляла собой образец простоты и благородства. Слушая его приятный старческий голос, Кэтрин впервые подумала о церкви с интересом и теплом. Вон норманнская купель, около которой они со Стивеном будут стоять во время крещения детей. А в этих боковых приделах покоится прах его предков. Вот коленопреклоненные фигуры

Стивена Макси и его жены Деборы, навеки застывшие в камне – лицом друг к другу, руки сложены в молитве. Там же выполненные в каноне бюсты других Макси шестнадцатого века, и просто плиты, оповещающие о гибели сыновей на Галлиполи^[6] и на Марне^[7]. Кэтрин часто думала о том, что погребения усопших членов семьи становились все менее пышными с тех пор, как церковь св. Седа и св. Марии в Чадфлите стала не столько местом паломничества, сколько личной усыпальницей останков Макси. Но сегодня, будучи в приподнятом настроении, преисполненная доверием ко всем, она думала о членах этой семьи, живых и мертвых, без тени насмешки, и даже барочный экран за алтарем и коринфский ордер^[8] она воспринимала как знаки особых заслуг Макси.

Дебора встала с Кэтрин за прилавок. Подходили покупатели, осторожно перебирали товары в поисках нужного, народа собралось уйма, дело спорилось. Доктор Эппс пораньше явился за своей шляпой, а его в два счета уговорили купить пальто сэра Рейнольда за один фунт. Белье и обувь буквально расхватили, Дебора точно угадала, кто что купит. Кэтрин отсчитывала сдачу, раскладывала на прилавке товары, извлеченные из большой коробки, которую они держали внизу. Люди маленькими группками входили через главные ворота, ребятишки натужно улыбались, потому что фотограф пообещал приз «ребенку, который выглядит самым счастливым», – бесплатный вход в вожделенные ворота. Громкоговоритель превзошел все ожидания, из него яростным потоком лились марши и вальсы Штрауса, объявления касательно угощения и соревнований, советы пользоваться корзинками для мусора, чтобы не засорять сад. Мисс Лидделл и мисс Поллак с помощью самых невзрачных, самых старших и самых исполнительных из числа своих противных, непослушных девчонок металась от церкви св. Марии к саду и обратно, следуя зову совести и долгу службы. В их ларьке продавали очень дорогие товары, к примеру, ручной работы нижнее белье, ставшее жертвой странного компромисса привлекательности с благопристойностью. Викарий со взмокшими от волнения седыми волосами лучился радостью, лицезрея свою паству, которая наконец-то пришла в согласие со всем миром и друг с другом. Сэр Рейнольд, снисходительный, говорливый и великодушный, приехал попозже. С лужайки, где готовились к чаю, доносились озабоченные голоса – миссис Коуп и миссис Нельсон с помощью мальчиков из воскресной школы расставляли карточные столики, стулья из холла, расстилали скатерти, которым потом предстояло вернуться к своим хозяевам. Феликс Херн наслаждался ролью вольного стрелка.

Раза два он предлагал свою помощь Деборе и Кэтрин, но не скрывал, что ему больше нравится с мисс Лидделл и мисс Поллак. Подошел Стивен, поинтересовался, как идут дела. Для человека, который имел обыкновение называть этот праздник «проклятием семейства Макси», он выглядел вполне веселым. В начале пятого Дебора отправилась домой справиться, не нужно ли что папе, оставив Кэтрин командовать парадом. Приблизительно через полчаса Дебора вернулась и предложила пойти перекусить. Столы накрыли в палатке побольше; опоздавшим, предупредила Дебора, придется довольствоваться жидким чаем и малоаппетитным печеньем. Феликсу Херну, который подошел к ним поболтать и оценить оставшийся товар, велено было встать к прилавку, а Дебора с Кэтрин пошли домой помыть руки. Через холл все время кто-то проходил – то ли люди полагали, что таким путем сократят дорогу на распродажу, то ли, впервые оказавшись здесь, сочли, что в стоимость входного билета входит и экскурсия по дому. Дебору, казалось, это вовсе не занимало.

– Боб Гиттингз, наш полицейский, засел в гостиной, – отметила она. – Столовая заперта. Всегда тут кто-нибудь ходит. Но еще никогда ничего не пропадало. Пойдем вон через ту дверь, в маленькую ванную комнату. Так быстрее.

Но все-таки когда с черной лестницы сбежал какой-то человек, торопливо извинившись перед ними, им это явно не понравилось. Девушки остановились, и Дебора окликнула его:

– Вы ищете кого-нибудь? Это ведь частный дом.

Он оглянулся на них – нервный, тощий мужчина с седеющими волосами, высоким лбом и узкими губами, которые он растянул в подобающей случаю улыбке.

– О, простите, я не придавал значения. Простите, бога ради. Я искал туалет.

Голос был не из приятных.

– Если вам нужна уборная, – сказала Дебора резко, – вы ее в саду найдете. По-моему, там есть вполне заметный опознавательный знак.

Он вспыхнул, пробормотал что-то в ответ и исчез. Дебора пожала плечами:

– Заяц трусливый! Вряд ли он тут что-нибудь учинил. Но лучше бы им по дому не гулять.

«Стану хозяйкой Мартинрейла, – решила Кэтрин, – наведу порядок».

В палатке, где была приготовлена закуска, естественно, собралось много народу, под аккомпанемент музыки, которую транслировали по радио и которая проникала сквозь холщовые

стены, позвякивала фаянсовая посуда, гудели голоса и посвистывал титан. Накрывали на стол ученики воскресной школы – они соревновались, кто лучше составит букет из полевых и лесных цветов. На каждом столе стоял именной кувшинчик из-под джема, в котором красовались маки, лесная кислица и шиповник, буйно распустившиеся оттого, что их долго держали в горячих ладонях, – цветы поражали своей нежной, наивной красотой, хотя их аромат тонул в терпком запахе вытопанной травы, пропеченного солнцем холста и пищи. Говор стоял такой громкий, что, когда наступила неожиданная пауза, Кэтрин показалось, что все вокруг стихло. Только минуту спустя до нее дошло, что не все замолкли, что не все повернулись к противоположному входу в палатку, в котором появилась Салли в белом платье с глубоким конусообразным вырезом, юбка – в водовороте складок; в точно таком же была и Дебора, и такой же зеленый пояс охватывал талию Деборы, зеленые серьги сияли у горящих щек. Кэтрин почувствовала, как вспыхнули и ее щеки, и против воли бросила на Дебору быстрый, вопросительный взгляд. Она была не одинока. Все больше и больше голов поворачивались к ним. В дальнем углу палатки, где девчонки мисс Лидделл уже давно попивали чай под неусыпным оком мисс Поллак, кто-то захихикал. Кто-то сказал тихо, но и не так уж тихо:

– Ну и Сал!

Только Дебору, казалось, это не занимало. Не удостоив Салли взглядом, она подошла к доскам на козлах, служившим столом, и спокойным тоном попросила чай для двоих, бутерброды с маслом и кекс. Миссис Парди в замешательстве торопливо налила две чашки, и Кэтрин последовала за Деборой к свободному столику, схватив тарелку с кексом, в ужасе думая, что и она попала в дурацкое положение.

– Как она посмела? – пробормотала она, наклоня пылающее лицо над чашкой. – Она же это нарочно.

Дебора чуть повела плечом:

– Не знаю. Какое это имеет значение? Ну попутал ее маленько нечистый, мне-то что до этого?!

– Откуда у нее это платье?

– Оттуда же, откуда у меня. Ярлык фирмы ведь внутрь пришивают. Это не модель или что-то там еще. Любой может купить, если захочет поискать. Салли, видно, решила, что игра стоит свеч.

– Но откуда ей было знать, что ты сегодня его наденешь?

– Любой другой случай, полагаю, тоже подошел бы. Может, хватит об этом?

– Не понимаю, почему ты относишься к этому так спокойно. Я бы не смогла.

– Что ты хочешь от меня? Чтобы я пошла и содрала его с нее? Можно, конечно, поразвлечь соседей, но всему есть предел.

– Интересно, что Стивен на это скажет, – сказала Кэтрин.

Дебора удивилась:

– Не уверена, что он даже заметит, разве что подумает, что платье ей к лицу. Оно больше ей идет, чем мне. Тебе нравится кекс или отправишься на поиски сандвичей?

Путь к дальнейшим дебатам был отрезан, и Кэтрин принялась за чай.

2

Время тянулось медленно. После эпизода в палатке Кэтрин потеряла к празднику всякий интерес, и распродажа подержанных вещей превратилась для нее в принудилровку. Как Дебора и предсказывала, все было распродано до пяти часов, и Кэтрин решила помочь организовать катание на пони. Когда она появилась на лужайке, Стивен поднимал вопящего от восторга Джимми и усаживал в седло перед матерью. Солнце к концу дня не так шпарило, в его лучах волосы малыша превратились в пламень. Сияющие волосы Салли упали вперед, когда она нагнулась, шепча что-то Стивену. Кэтрин услышала, как он засмеялся в ответ. Она никогда не забудет то мгновение. Она вернулась в сад, стараясь собраться с духом и вернуть себе то безмятежное состояние, в котором она начинала день. Побродив бесцельно по саду в поисках какого-нибудь занятия, она решила пойти в дом, полежать до ужина. Ни миссис Макси, ни Марты она не увидела, заняты, наверно, с Саймоном Макси или готовят холодную закуску, которой должен увенчаться праздник. В окно она видела, как дремлет доктор Эппс около своих аттракционов «Метание стрел» и «Шалаш сокровищ», самая напряженная часть дня была позади. Скоро назовут победителей соревнований, их станут хвалить и награждать; люди тоненьким, но непрерывающимся ручейком уже потянулись на автобусную остановку.

Салли она не видела больше, она помылась, переоделась, пошла в гостиную и встретила Марту, которая сказала, что Салли с Джимми еще не вернулась. На столе в столовой были приготовлены холодная закуска, салаты, вазы со свежими фруктами, и все, кроме Стивена, уже были в сборе. Доктор Эппс, веселый и словоохотливый, как обычно, сосредоточил свое внимание на бутылках с сидром. Феликс Херн расставлял

бокалы. Мисс Лидделл помогала Деборе накрывать на стол. По тому, как она с тревогой восклицала, когда что-нибудь не могла найти, как бессмысленно переключалась салфетки, суетилась, ясно было, что она чем-то встревожена. Миссис Макси стояла спиной к собравшимся и глядела в зеркало над камином. Когда она повернулась, Кэтрин поразило ее измученное, испещренное морщинами лицо.

– А Стивен не с вами? – спросила она.

– Нет. Я не видела его с тех пор, как он выводил лошадей. Я была у себя в комнате.

– Может, он с Боукоком повел их в конюшню? А может, переодевается? Думаю, не стоит его ждать.

– А где Салли? – спросила Дебора.

– Дома ее, похоже, нет. Марта сказала мне, что Джимми в колыбели, следовательно, она, должно быть, приходила и снова ушла.

Миссис Макси говорила чрезвычайно спокойно. Если что и стряслось дома, то она, очевидно, считала происшествие весьма незначительным, чтобы обсуждать его далее в присутствии гостей. Феликс Херн взглянул на нее, и знакомое дурное предчувствие овладело им. Какая странная реакция на столь обыденное событие! Он посмотрел на сидевшую напротив Кэтрин Бауэрз – она тоже явно обеспокоена. Все, конечно, устали. Если не считать бессвязной, раздражающей болтовни мисс Лидделл, никто почти ничего не говорил. Как обычно случается после светских мероприятий, к которым долго готовишься, все раскисли. И хотя все позади, действовала инерция, они не могли так сразу переключиться и расслабиться. Солнце пекло целый день, теперь давило. Ни ветерка, жара стала еще нестерпимее.

Когда в дверях появилась Салли, все повернулись к ней точно ужаленные. Она прислонилась к обтянутой холстом панели, белые складки юбки веером разлетелись на темном фоне стены, словно крыло голубя. В тревожном, предвещающем бурю освещении пылали ее волосы. Лицо ее было бледным, но она улыбалась. Рядом стоял Стивен.

Миссис Макси отдавала себе отчет, что произошло: только что каждый в отдельности думал про себя о Салли, а сейчас они сомкнули ряды, точно перед лицом общей опасности. Пытаясь снять напряжение, она произнесла небрежным тоном:

– Рада, что ты пришел, Стивен. Салли, вам следовало бы переодеться в рабочее платье и помочь Марте.

Самоуверенная улыбка Салли сменилась смехом. Ей понадобилось какое-то время, чтобы ответить чуть ли не

смирненным голосом, с насмешливым почтением:

– Но подобает ли так поступать девушке, мэм, которой ваш сын только что сделал предложение?

3

Саймон Макси провел ночь как обычно – не лучше, не хуже. Вряд ли это удалось еще кому-то из тех, кто ночевал под его крышей. Жена его дежурила в гардеробной, прикорнув на кушетке, слушала, как тикают рядом на столике часы, пока фосфоресцирующая стрелка неотвратимо приближается к следующему дню. Она столько раз, лежа здесь, в гардеробной, прокручивала в памяти ту сцену, что, казалось, восстановила каждую секунду, малейшую переменную голоса или настроения. Она могла бы припомнить буквально каждое слово мисс Лидделл, этот истерический выпад, водопад диких, полубезумных оскорблений, которые спровоцировали Салли на грубость.

«Не смейте говорить о том, что вы сделали для меня. Да вы меньше всего думали обо мне, старая лицемерка, сексоманка несчастная! Благодарите Бога, что я держу язык за зубами. Мне есть что рассказать о вас людям».

И Салли вышла, оставив всю честную компанию наедине с ужином, за который они принялись кто с неподдельным аппетитом, а кто через силу. Мисс Лидделл даже не старалась есть. Миссис Макси заметила на ее щеке слезу и подумала: должно быть, мисс Лидделл действительно страдает, ведь она так пеклась о Салли, от души радовалась ее успехам и удаче. Доктор Эппс управлялся с едой в непривычном для него молчании – верная примета, что его челюсти и мозг заняты одновременно. Стивен не последовал примеру Салли, а сел за стол, рядом с сестрой. В ответ на тихий вопрос матери: «Это правда, Стивен?» – он ответил просто: «Конечно». Больше он к этому не возвращался; брат с сестрой, сидя весь вечер друг подле друга, ели мало, но зато являли собой единый фронт сопротивления стенаниям мисс Лидделл и ироническим взглядам Феликса Херна. «Он, – думала миссис Макси, – единственный из собравшихся, кто получает удовольствие от этой трапезы». Не исключено, что эти события способствовали его аппетиту. Она знала, что он недолюбливал Стивена, и эта странная помолвка, похоже, забавляет его и увеличивает его шансы относительно Деборы. Дураку ясно, что Дебора не останется в Мартингейле, если Стивен женится. Миссис Макси с необычайной отчетливостью, отчего ей даже не по себе стало, вспомнила

склоненное лицо Кэтрин, так некстати вспыхнувшее от горя или негодования, и то, как хладнокровно Феликс Херн окликнул ее, чтобы она хотя бы попыталась скрыть свое состояние. Он всегда умел развеселить, когда хотел, а вчера вечером он постарался. Чудеса, да и только, к концу ужина все уже смеялись, Неужели это было всего семь часов назад?

В тишине маятник тикал невыносимо громко. Ночью шел проливной дождь, сейчас, правда, прекратился. В пять утра ей послышалось, что Саймон заворочался, и она пошла к нему. Но он лежал в забытии, они это состояние называли сном. Стивен сменил ему снотворное. Дал какую-то микстуру вместо таблеток, правда, результат был тот же самый. Она вернулась к кушетке, но заснуть ей не удалось. В шесть утра она поднялась, надела халат, потом налила в электрический чайник воды и включила его, решив выпить чая. Наконец-то наступил день со своими хлопотами.

Когда Кэтрин постучала в дверь и скользнула в комнату в пижаме и халате, ей даже легче сделалось. Правда, на какое-то мгновение испугалась, что Кэтрин пришла выговориться, что придется обсуждать события прошлого вечера, оценивая их, возмущаться, снова их переживать. Большую часть ночи она обдумывала планы, в которые не могла да и не хотела посвящать Кэтрин. Но она безумно обрадовалась, что наконец-то появилась живая душа. Она заметила, что девушка очень бледная. Значит, кто-то еще маялся без сна в эту ночь. Кэтрин сказала, что почти не спала из-за дождя и проснулась очень рано от головной боли. У нее теперь редко мигрени, но когда бывают, то спасу нет. Не найдется ли у миссис Макси аспирину? Лучше в капсулах, но в таблетках тоже сойдет. Миссис Макси подумала, что головная боль, верно, предлог, чтобы завести доверительную беседу о Салли со Стивеном, но, взглянув пристальнее на отяжелевшие веки девушки, она убедилась, что та не притворяется. Кэтрин явно было не до продуманных ходов. Миссис Макси предложила ей поискать лекарство в аптечке, а сама поставила на поднос еще одну чашку чая. Конечно, Кэтрин не самая подходящая для нее компания, но по крайней мере девушка, судя по всему, станет пить чай молча.

Они сидели у электрокамина, когда пришла Марта, ее вид и тон являли собой такую взрывчатую смесь негодования и волнения.

– Салли, мэм, – сказала она, – снова, видать, проспала. – Я ее зову, а она не отвечает, подергала дверь, так она ее заперла. Я даже войти не смогла. Не пойму, чего девчонка добивается, мэм.

Миссис Макси поставила чашку на блюдце и отметила с

любопытством и одновременно с отстраненностью медика, что рука у нее не дрожит. Произошло что-то страшное – эта мысль сковала ее ужасом, пришлось переждать, пока не совладала с голосом. А когда заговорила, ни Кэтрин, ни Марта не заподозрили в ней никакой перемены.

– Вы как следует стучали? – спросила она.

Марта замялась. Миссис Макси не зря спрашивала. Марта предпочла не поднимать шума. Это ей было на руку – пусть Салли и в самом деле проспит. После бессонной ночи выслушивать эти мелкие придирки было просто невыносимо.

– Попробуйте еще раз, – сказала миссис Макси. – У Салли вчера был трудный день, как и у всех у нас. Люди без причин не просыпают.

Кэтрин открыла было рот, хотела что-то сказать, но передумала и склонилась над чаем. Через несколько минут Марта вернулась, и на этот раз она уже не сомневалась. Раздражение заглушила тревога, в голосе звучала почти что паника.

– Бесполезно, она не слышит меня. Малыш проснулся. Он там хнычет. Салли не слышит меня, и все тут!

Миссис Макси не помнила, как добралась до дверей Салли. Она была настолько уверена, что комната должна быть открытой, что минуту-другую стучала в дверь и дергала ее, но безрезультатно, наконец до нее дошло – дверь заперта изнутри. Стук в дверь разбудил Джимми, и теперь он уже не хныкал, а вопил от страха. Миссис Макси слышала, как он гремит перекладками кровати, и представляла, как он старается подняться, стиснутый шерстяным спальным мешком, и докричаться до своей мамы. На лбу у нее проступил холодный пот, она стерла его – хоть что-то сделать, чтобы заставить себя перестать колотить в паническом ужасе по бесчувственному дереву. Марта застонала, а Кэтрин положила на плечо миссис Макси руку, чтобы утешить и сдержать ее.

– Не надо так волноваться. Я позову вашего сына.

Почему она не сказала «Стивена»? – подумала миссис Макси ни с того ни с сего. Ведь мой сын – Стивен. Он тут же пришел. Должно быть, стук в дверь разбудил его, иначе Кэтрин не смогла бы привести его так быстро. Стивен говорил спокойным тоном:

– Мы залезем в окно. Лестница в чулане подойдет. Я позову Херна.

Он удалился, а женщины, сгрудившись, стоя тесной группкой, молча ждали. Время, казалось, еле ползло.

– Это недолго, – успокаивала Кэтрин. – Они сейчас вернуться. С ней все в порядке, я просто уверена. Должно быть, заспалась.

Дебора посмотрела на нее долгим взглядом:

– Когда так надрывается Джимми? Думаю, ее там нет, ушла, и все.

– С чего бы это? – спросила Кэтрин. – А почему же дверь заперта?

– Ну что вы, Салли не знаете: выбрала путь более эксцентричный – вылезла в окно. Ей, по-моему, так нравится устраивать представления, что она их устраивает, даже когда ей самой не удастся насладиться эффектом. Вот мы дергаемся, дрожим здесь. Стивен и Феликс волокут лестницу, весь дом ходуном. Она только этого и добивалась.

– Она не бросила бы малыша, – сказала вдруг Кэтрин. – Ни одна мать не сделала бы этого.

– А эта, как видите, сделала, – сухо ответила Дебора.

Но ее мать отметила, что она не двинулась с места.

Вопли Джимми стали просто невыносимыми, в них тонули все остальные шумы, не слышно было, как мужчины возятся с лестницей, как лезут через окно в комнату. Они услышали лишь резко щелкнувший замок. На пороге стоял Феликс. Взглянув на него, Марта вскрикнула – то был звериный, пронзительный вопль ужаса. Миссис Макси скорее почувствовала, чем услышала шарканье ее шагов – она пошла прочь, но за ней никто не последовал. Остальные, оттолкнув руку Феликса, пытавшегося помешать им, молча двинулись вперед – туда, где лежала Салли. Окно было открыто, наволочка на подушке промокла от дождя. На ней тонкой золотой сетью лежали волосы Салли. Глаза у Салли были закрыты, но она не спала. Из уголка плотно сжатого рта, точно порез, протянулась тонкая струйка засохшей крови. На шее с обеих сторон, там, где руки убийцы задушили в ней жизнь, темнели синяки.

Глава 4

1

– Уютный уголок, – сказал сержант сыскной полиции Мартин, когда полицейская машина подкатила к Мартингейлу. – Хоть немного переключимся после нашей последней работенки.

Он сказал это с удовольствием – уроженец сельских мест, он остался верен деревне, а в этих густонаселенных городах и жутких многоквартирных домах убийцам приволье. Он потянул носом воздух и поблагодарил небеса, которые надоумили полицию или судьбу поручить местному полицейскому позвонить в Скотленд-Ярд. Прошел слух, что шеф полиции лично знаком с

семьей, где произошло убийство, именно потому он счел благоразумным незамедлительно передать это неприятное дело своему подчиненному, к тому же на нем висело нераскрытое преступление, совершенное где-то на границе их графства. Сержанта Мартина все это вполне устраивало. Работа есть работа, где бы ты ее ни делал, но все же человек имеет право выбора.

Старший инспектор Адам Далглиш ничего не сказал в ответ, но, выскочив из машины, отступил на шаг и быстро оглядел дом. Типичная елизаветинская усадьба, правда, несколько стилизованная. По обе стороны квадратного центрального крыльца возвышалось два больших, на два этажа, фонаря со средниками и фрамугами в окошках. Водосточная труба увенчана массивным геральдическим вензелем. Крыша плавно спускается к маленькой открытой каменной балюстраде, также украшенной резными гербами, шесть мощных дымовых труб в стиле тюдор^[9] дерзко возвышаются на фоне летнего неба. К западной части пристроена еще одна комната. По неровному изгибу стены Далглиш догадался, что пристроена она позднее – может, в прошлом столетии. Большие двустворчатые окна с зеркальными стеклами выходят в сад. На долю секунды в одном из них он увидел чье-то лицо, но оно тут же исчезло. Кто-то наблюдает за ними. От угла дома на запад до самых ворот тянется стенка из серого камня, почти целиком скрытая кустарником и высокими буками. С этой стороны деревья совсем близко подступали к дому. Над стеной в листве он разглядел лестницу, приставленную к эркеру. Там, должно быть, комната убитой девушки. Ее хозяйка удачно выбрала – комната, как раз чтобы принимать случайных гостей. У крыльца стояли две машины – полицейская (возле нее в застывшей позе сидел полицейский) и перевозка из морга. Шофер перевозки откинулся на сиденье, надвинул козырек фуражки на глаза, он даже не заметил Далглиша, а его напарник мельком глянул на Далглиша и снова уткнулся в воскресную газету.

Старший офицер местной полиции ждал их в холле. Они, конечно, знали друг друга – оба были довольно известны в своих кругах, но ни тот ни другой ни разу не проявили ни малейшего желания познакомиться поближе. Минута была не из легких. Маннинг почел своим долгом подробно объяснить, почему его шеф все же решил связаться со Скотленд-Ярдом. Ответ Далглиша был не менее учтив. Тут же сидели два репортера, как два терпеливых пса, которым пообещали, если они будут вести себя смирно, кинуть кость. В доме было очень тихо, в воздухе веял слабый аромат роз. После нестерпимой

духоты в машине показалось, что прохладно, и Далглиш невольно поежился

– Вся семья в сборе в гостиной, – сказал Маннинг. – Я приказал сержанту там остаться. Вы хотите увидеть их сейчас?

– Нет, сначала осмотрю труп. Живые подождут.

Старший офицер Маннинг двинулся вверх по широкой лестнице, поясняя ситуацию вновь прибывшим.

– Я собрал немного информации до того, как узнал, что связались с центром. Основное вам, вероятно, уже сообщили. Жертва служила здесь горничной. Мать-одиночка, двадцати двух лет. Ее задушили. Труп обнаружен приблизительно в семь пятнадцать утра членами семьи. Дверь в спальню девушки была заперта. Значит, выход, а может, и вход – только через окно. Вы увидите следы на сточной трубе и стене. Похоже, убийца упал с высоты пяти футов. Ее видели живой вчера в десять часов тридцать минут вечера, она несла себе на ночь питье в спальню. Так и не допила. Кружка – на тумбочке у кровати. Поначалу я решил, что это дело рук чужака, просто уверен был. Здесь вчера устраивали праздник, любой мог войти в сад. В дом тоже, чтобы совершить задуманное. Но кое-что настораживает.

– К примеру, питье? – спросил Далглиш.

Они как раз миновали лестничную площадку и направлялись в западное крыло дома. Маннинг взглянул на него с любопытством:

– Да, какао. Не исключено, что оно было стравлено. Пропали кое-какие лекарства в доме. Мистер Саймон Макси – инвалид. Из его аптечки пропал пузырек со снотворным.

– Вы нашли признаки отравления на теле убитой?

– Ею сейчас занимается патологоанатом из полицейского участка. Но я сомневаюсь в этой версии. Мне кажется, ее сразу задушили. После обеда мы, вероятно, получим точный ответ.

– Она могла сама принять таблетки, – сказал Далглиш. – Нет ли к тому причин?

Маннинг немного помолчал.

– Может, и есть. Я не собрал еще всей информации, но кое-какие слухи ходят.

– А-а, слухи.

– Мисс Лидделл пришла сегодня утром за малышом. Она здесь ужинала вчера вечером. По ее рассказам, ужасный ужин получился. Выяснилось, что Стивен Макси сделал предложение Салли Джапп. Разве это нельзя принять за мотив убийства? Если иметь в виду членов семьи Макси?

– Полагаю, что в подобных обстоятельствах можно.

Спальня была выклеена белыми обоями, очень светлая. После

мрачных холла и коридоров, обитых дубовыми панелями, задрапированных холстом, эта комната поражала ярким, точно искусственным светом, прямо как на сцене. Самым нереальным предметом здесь был труп – казалось, второразрядная актрисуля пытается весьма неубедительно изображать мертвую. Глаза у нее были прикрыты, а на лице сохранилось выражение легкого удивления; Мартин частенько замечал его на лицах убитых. Два маленьких, очень белых зуба прикусили нижнюю губу, что делало личико девушки похожим на кроличье, тогда как в жизни, он понял это, оно было привлекательным, может, даже красивым. Ореол золотых волос светился на подушке, будто бросая нарочитый вызов смерти. Он прикоснулся к ним, они были слегка влажные. Удивительно, подумал он, что их сияние не потускнело, после того как жизнь покинула тело. Он стоял не двигаясь и глядел на нее. Он не испытывал жалости или гнева в подобные минуты, хотя позднее приходило и то и другое, но чувства следовало подавлять. Ему надо было запомнить получше, как выглядит убитая. Такая уж у него выработалась привычка за семь лет, прошедших с его первого крупного дела – тогда он мрачно и решительно глядел на искромсанный труп проститутки из Сохо и думал: «Вот так. Это моя работа».

Фотограф закончил работать с трупом, потом приступил к делу полицейский хирург. Теперь фотограф заканчивал снимки комнаты и окна, после чего он сложит свою аппаратуру. Похоже, другой полицейский уже снял отпечатки пальцев с тела Салли и, погрузившись в свой мир кривых линий и химических составов, передвигался незаметно и бесшумно от дверной ручки к замку, от кружки с какао к ящикам комода, от кровати к подоконнику, потом выбрался на лестницу и стал работать со сточной трубой и самой лестницей. Доктор Фелтман, полицейский хирург, лысый, упитанный и натужно веселый, считал нужным продемонстрировать профессиональную невозмутимость перед лицом смерти; сейчас он складывал инструменты в черный чемоданчик. Далглиш сталкивался с ним и раньше, знал, что он первоклассный специалист, который никогда не может понять, где кончается его работа и начинается работа детектива. Доктор подождал, пока Далглиш отвернется от тела убитой, и заговорил:

– Мы готовы увезти ее, если она вам не нужна. С медицинской точки зрения все выглядит довольно просто. Ее задушил правой рукой человек, стоявший перед ней. Она умерла быстро, не исключено, что от повреждения блуждающего нерва. Я смогу сообщить вам и другие подробности после полудня. Следов полового акта я не обнаружил, но это не значит, что секс тут не замешан. Думаю, это из тех самых случаев – самый верный

способ спастись от желания – обнаружить, что ты обнимаешь труп. А когда мы его поймаем, то услышим знакомую историю: «Я обвинил ее шею руками, чтобы напугать, а она обмякла». Судя по всему, он залез в окно. На сточной трубе следы пальцев, но не уверен, что обследование земли вокруг дома даст что-нибудь. Внизу – внутренний двор. Не мягкая земля с парой отчетливых следов от подошв.

Да и дождь прошлой ночью лил как из ведра, что вряд ли нам на руку. Я пойду приведу санитаров с носилками, если ваши люди уже закончили. Мерзкое занятие для воскресного утра.

Он вышел, а Далглиш обследовал комнату. Просторная, мебели мало, поразительное обилие солнечного света, уютно. Наверно, подумал он, раньше здесь была детская для дневных игр. Старомодный камин у северной стены загоразживала массивная, в крупную сетку, решетка, за которой был подключен электрокамин. По обе стороны камина в глубоких проемах стояли книжные шкафы и низкие горки с чайной посудой. В комнате было два окна. То, что поменьше, – эркер, к которому была прислонена лестница, смотрело на запад, оно выходило во внутренний двор, к старым конюшням. Почти во всю ширину южной стены было другое окно, в которое открывалась панорама лугов и садов. Стекло в нем было старое, украшенное медальонами. Только на верхних стеклах были фрамуги.

Под прямым углом к окну в эркере стояла кремового цвета кровать, с одной стороны – кресло, с другой – столик с ночной лампой. Детская кроватка в противоположном углу комнаты, полузакрытая ширмой. Такую ширму Далглиш запомнил еще с детства – на ней была уйма цветных картинок и открыток, наклеенных на материю и застекленных. Перед камином лежал ковер, стояло низкое кресло-качалка. Около стены – простой бельевой шкаф и комод.

В комнате была какая-то необычная безликость. Воздух в ней хранил запахи детских комнат – талька, детского мыла, теплых пеленок. Но сама девушка совсем не проявилась в том, что окружало ее. Нет обычного беспорядка, как бывает в комнате женщины, на что он рассчитывал. Ее личные вещи лежали аккуратно по своим местам, но не несли никакой информации. Комната эта была прежде всего детской со скромной постелью для матери малыша. На полках стояло несколько книжек – по уходу за ребенком. Полдюжины журналов – для матери и домохозяйек, а не для юных работниц, чьи интересы, конечно же, более романтичны и разнообразны. Он достал один журнал с полки, полистал. Из него выпал конверт с венесуэльской маркой. На нем значился адрес:

«Д. Пуллен, эскв.

*Коттедж Роза, Нессингфорд-роуд,
Литтл Чадфлит. Эссекс, Англия».*

На обратной стороне карандашом были написаны три даты – 18-е, среда; 23-е, понедельник; 30-е, понедельник.

Перейдя от книжной полки к комоду, Далглиш выдвинул по очереди ящики и внимательно изучил содержимое, перебирая вещи привычными движениями. Все они были в безупречном порядке. В верхнем ящике лежали только детские вещи. Большинство – вязаные, чистые и выглаженные. Во втором лежало нижнее белье девушки, сложенное аккуратными стопками. В третьем, нижнем ящике его ждал сюрприз.

– Что ты на это скажешь? – спросил он Мартина.

Сержант молча подошел к шефу с быстротой, неожиданной для его полноты. Ухватил своей лапицей одну вещицу:

– Похоже, ручная работа, сэр. Сама обшивала. Тут целый ящик. Сокровище просто!

– Конечно. И не только белье. Скатерти, ручные полотенца, наволочки, – говоря, он перекладывал их.

– Довольно-таки трогательная рукодельница, Мартин. Месяцы работы, а результаты заточены в лавандовые пакеты и оберточную бумагу. Бедная крошка. Думаешь, это все было предназначено для Стивена Макси? Мне как-то трудно себе представить такие скромные салфетки на столе в Мартингейле.

Мартин взял одну салфетку и оценивающе разглядел ее.

– Боюсь, не о нем она думала, когда вышивала. Он ведь только вчера сделал ей предложение, если верить Маннингу, а трудилась она над этим месяцами. Моя матушка тоже так вышивала. Заметит дырочку в материи, потом обошьет и вырежет серединку. Ришелье или еще как-то называется. Очень красиво – если вам вообще рукоделие по душе, – добавил он, поскольку шеф явно не разделял его энтузиазма. Он склонился над салфетками в ностальгическом восторге, потом положил в ящик.

Далглиш подошел к окошку в эркере. Широкий подоконник был на высоте почти трех футов. На нем валялись осколки крошечных стеклянных животных: бескрылый пингвин лежал на боку, а хрупкая такса была расколота надвое. Один только сиамский кот уцелел в этой разрухе и посверкивал синими глазами.

Две самые большие, средние секции окна с щеколдой открывались наружу, водосточная труба огибала точно такое же окно шестью футами ниже, которое выходило на выложенный плитками внутренний двор. Любому, более или менее ловкому

человеку не представляло особого труда спуститься вниз. Да и подняться вверх нетрудно. Далглиш еще раз отметил, что этот вход – или выход – был укрыт от посторонних глаз. Справа от него высокая кирпичная стена, почти невидимая за ветвями буков, уходила к подъездной аллее. Прямо перед окном на расстоянии тридцати ярдов возвышались старые конюшни с симпатичными башенками. За окном можно следить только из-под открытого навеса. Слева – видна небольшая часть лужайки. Там кто-то копался. На пяточке, вокруг которого натянута веревка, трава не то вытоптана, не то подстрижена. Даже из окна Далглишу видны были куски дерна и коричневая почва. Сержант Мартин подошел к нему и ответил на его молчаливый вопрос:

– Здесь доктор Эппс устраивал аттракцион «Шалаш сокровищ». Он его на одном и том же месте устраивает вот уже двадцать лет. Вчера здесь был церковный праздник. Почти все флажки сняли – викарий любит, чтобы к воскресенью было прибрано, но еще день-два понадобится, пока полный порядок наведут.

Далглиш вспомнил, что сержант был из здешних мест.

– Вы здесь бывали? – спросил он.

– В этом году нет. Почти всю прошлую неделю дежурил. Никак не можем разобраться с тем убийством на границе. Теперь-то дело идет к концу, но я был просто прикован. Мы с женой обычно приезжали сюда раз в год в день церковного праздника, но то было до войны. Тогда все по-другому было. Сейчас, думаю, и без нас обходятся. По-прежнему полно народу. Любой мог познакомиться с девушкой и вызнать у нее, где она спит. Так что нелегкая работенка предстоит тому, кто станет выяснять ее передвижения вчера днем и вечером.

По тону его ясно было, что он рад, что это предстоит не ему.

Далглиш никогда не строил теорий на основании собранных фактов. Но те, которыми он сейчас располагал, не позволяли ему придерживаться столь утешительной версии о неизвестном случайном пришельце. На теле не обнаружено следов изнасилования, никаких примет ограбления в доме тоже нет. В мыслях он все время возвращался к запертой двери. Предполагается, что члены семейства Макси были в правом крыле дома в семь утра в тот день, но не исключено, что кто-то из них, равно как и незнакомец, мог слезть по водосточной трубе или спуститься по лестнице.

Труп увезли – покрытый белой простыней застывший округлый силуэт на носилках, теперь его предназначение – нож патологоанатома и пробирки биохимика. Маннинг ушел

позвонить в отделение. Далглиш и Мартин продолжали терпеливо осматривать дом. Рядом с комнатой Салли была старинная ванная комната – глубокая ванна обшита красным деревом, вдоль одной стены тянется громадный сушильный шкаф с ребристыми перекладинами. Три другие стены были выклеены изящными цветистыми обоями, пожелтевшими от старости, на полу лежал хотя тоже старый, но вполне подходящий по рисунку и не очень протертый ковер. В этой комнате нигде не спрячешься. С лестничной площадки вниз спускались выстеленные грубыми половиками ступени, заканчиваясь коридором, обшитым панелями, одним концом» он упирался в кухню, а другим – в главный холл. У самого подножия этой лестницы – тяжелая дверь, выходившая на юг. Она была приоткрыта, и Далглиш и Мартин после прохлады Мартингейла очутились в летнем зное. Церковные колокола вдали возвещали начало воскресной утрени. Звон, такой отчетливый и мелодичный, доносился из-за деревьев, он напомнил Мартину воскресенья в деревне, где он провел детство, а Далглишу – что предстоит еще столько всего, а утро, можно сказать, на исходе.

– Надо заглянуть в конюшни, осмотреть западную стену, ту, что под ее окном. А потом на кухню. И начнем допрос. У меня такое ощущение, что человек, которого мы ищем, спал прошлую ночь под этой крышей.

2

Макси со своими двумя гостями и Марта Балтитафт ждали в гостиной, когда их станут допрашивать, – ждали под неусыпным оком сержанта, примостившегося у дверей в небольшом кресле; он являл собой несокрушимое спокойствие в отличие от хозяев дома. Его поднадзорные по целому ряду причин хотели бы узнать, сколько их еще заставят ждать, но никто не задал этого вопроса, чтобы не выдать своего волнения. Им сказали, что приехал сыщик старший инспектор Далглиш из Скотленд-Ярда и скоро придет к ним. А насколько скоро – никто спросить не решался. Феликс и Дебора не переоделись после верховой прогулки. Прочие были одеты наспех. Они почти ничего не ели с утра, а теперь вот сидели и ждали. Заняться чтением – значит выказать свое бессердечие, играть на пианино – дико, говорить об убийстве – неумно, а о чем-то еще – противоестественно, потому они хранили гробовую тишину. Феликс Херн и Дебора сидели на диване, но поодаль друг от друга, потом он наклонился и шепнул ей что-то на ухо. Стивен Макси стоял у окна спиной к собравшимся. Положение обязывало его, как

цинично сформулировал Феликс Херн, прятать лицо и демонстрировать затылком опущенной головы немую печаль. Четверо из наблюдавших за ним многое бы отдали, чтобы узнать, была ли его печаль подлинной. Элеонора Макси сидела невозмутимо в кресле поодаль. Нельзя сказать, что она онемела от горя или погрузилась в свои мысли. Она была очень бледна, но паника, ненадолго овладевшая ею у дверей Салли, сейчас оставила ее. Ее дочь отметила, что она заставила себя переодеться и теперь предстала *переддомочадцами и гостями почти в обычном своем виде*. Марта Балтитафт тоже сидела в сторонке, на краешке стула, мучась от безделья и бросая гневные взгляды на сержанта, который, по ее разумению, был виновником ее мук – заставил сидеть в присутствии хозяев, да еще в гостиной, когда работы невпроворот. Утром она больше других сокрушалась, напугалась до ужаса, когда обнаружили девчонку, а сейчас всю эту канитель воспринимала как личное оскорбление и сидела мрачная, кипя от негодования. Кэтрин Бауэрз была само спокойствие. Она достала из сумочки маленький блокнот и временами делала в нем записи, будто восстанавливая в памяти утренние события. Ее уравновешенный, спокойный вид никого, конечно, не мог обмануть, но все завидовали ее выдержке. Каждый был предоставлен, в сущности, сам себе и думал о своем. Устремив взгляд на сложенные на коленях сильные руки, миссис Макси думала о сыне.

«Он справится со всем этим, молодые всегда справляются. Слава Богу, Саймон ничего никогда не узнает. Трудно будет ухаживать за ним без Салли. Конечно, не надо сейчас об этом думать. Бедняжка. На замке должны быть отпечатки пальцев; полицейские ни за что не упустят этого из вида. Хотя он мог быть в перчатках. Теперь все знают о перчатках. Интересно, много ли визитеров к ней через окно попадало? Мне следовало об этом раньше побеспокоиться, но как-то невдомек было. Ведь у нее ребенок был. Что же им делать теперь с Джимми? Мать – убили, отец – неизвестен. Эту тайну она унесла с собой. Одну из многих, должно быть. Человека никогда не угадаешь. Что, к примеру, я знаю о Феликсе? Он может быть опасен. И этот старший инспектор. Марте надо бы завтрак приготовить. Может, кто захочет перекусить. А где полицейских кормить? Как я понимаю, они заняли наш дом только на сегодня. Сиделка придет в двенадцать, значит, я смогу пойти к Саймону. Хотя, наверно, могла бы и сейчас пойти, если бы спросила разрешения. Дебора вот-вот сорвется. Мы все измучены вконец. Главное, держать себя в руках».

Дебора думала: «Не надо мне ее ненавидеть, она же мертва, а

не могу. Одни от нее неприятности были. Вот позабавилась бы, если бы увидела сейчас, как мы тут потеем, конечно, позабавилась бы. Не надо мне так злиться. Лучше бы мы заранее обсудили все. Мы могли бы умолчать о Стивене и Салли, если бы с нами Эппс и мисс Лидделл не ужинали. И Кэтрин, конечно. Вечно эта Кэтрин. Похоже, она получает удовольствие. Феликс знает, что Салли дали наркотик. Что ж, если это так, таблетки бросили в мою кружку. Пусть как хотят, так сами и разбираются!»

Феликс Херн думал: «Это не долго. Главное – не сорваться. Меня будут допрашивать вежливые английские полицейские, соблюдая все юридические правила. Страх надо уметь прятать. Воображаю физиономию Далглиша, когда я попытаюсь втолковать ему кое-что. Простите, инспектор, если по мне заметно, что я в ужасе от вас. Чисто автоматическая реакция, нервы ни к черту. Терпеть не могу, когда мне задают вопросы официальные лица, особенно когда допрос обставляют как доверительную беседу. Испытал на себе во Франции. Сейчас-то я оклемался, как вы понимаете, если не считать одного пустяка – имею привычку срывать. Просто пугаюсь. Уверен, войдете в мое положение, герр инспектор. Вы задаете такие толковые вопросы; к сожалению, не доверяю я толковым вопросам. Но не надо придавать этому слишком большое значение. Чепуховый недостаток. Вроде бы меня допрашивали достаточно. Я-то легко отделался. Они даже ногти на некоторых пальцах мне оставили. Это я пытаюсь объяснить, почему мне трудно отвечать вам».

Стивен повернулся.

– А как насчет адвоката? – спросил он. – Не надо послать за Джефсоном?

Его матушка прервала молчаливое созерцание своих рук.

– Мэтью Джефсон отправился на мотоцикле куда-то на континент. Лайонел в Лондоне. Мы можем пригласить его, если ты сочтешь это целесообразным.

В голосе прозвучала вопросительная интонация.

– Мам, прошу тебя, только не Лайонела Джефсона, – сказала Дебора. – Индюк надутый и зануда. Вот если нас арестуют, мы попросим его похлопотать за нас в суде. К тому же он не специалист по уголовным делам. Он соображает только насчет доверенностей, письменных показаний под присягой и прочих документов. Наша просьба потрясет его благородное сердце. Он не помощник.

– А вам нужен адвокат, Херн? – спросил Стивен.

– Как-нибудь справлюсь сам, спасибо.

– Нам следует принести извинения за то, что втянули вас в

такую историю, – сказал Стивен подчеркнуто официально. – Вряд ли это доставляет вам удовольствие и, может быть, нарушило ваши планы. Не представляю, когда вы сможете вернуться в Лондон.

Феликс подумал, что Стивену следовало бы извиниться перед Кэтрин Бауэрз. Он демонстративно не замечал девушку. Неужели этот надменный болван всерьез полагает, что смерть сопряжена лишь с неприятностями и неудобствами?! Отвечая, он бросил взгляд на миссис Макси:

– Я рад остаться – по доброй воле или по принуждению – лишь бы я был чем-нибудь полезен.

Кэтрин присоединила свои искренние заверения к словам Феликса, в этот момент молчаливый страж вернулся к жизни, вскочив по стойке «смирно», точно его подбросила пружина. Открылась дверь, и вошли трое полицейских в штатском. Маннинг был уже им знаком. Он представил сыщика, старшего инспектора Адама Далглиша, и сержанта Джорджа Мартина. Пять пар глаз одновременно устремились на того, кто был повыше, – со страхом и нескрываемым любопытством, словно пытаясь раскусить его.

Кэтрин Бауэрз подумала: «Высокий, смуглый, красивый. Я не таким себе его представляла. В самом деле, интересное лицо».

Стивен Макси подумал: «Высокомерный дьявол. Тянул время, не сразу пришел к нам. Хотел небось помытарить нас. Или же рыскал по дому. Теперь наш дом нам не принадлежит».

Феликс Херн подумал: «Ага, сейчас начнется. Адам Далглиш, слышал о нем. Безжалостный, оригинал, всегда старается уложиться в срок. Наверное, он тоже сам себе не хозяин. По крайней мере нас, видно, считают достойными противниками».

Элеонора Макси подумала: «Где я видела эту голову? Конечно же. Это Дюрер. В Мюнхене, кажется. „Портрет незнакомца“. Почему все думают, что сыщик должен быть непременно в котелке и плаще?!»

Пока собравшиеся познакомились и обменивались любезностями, Дебора Рискоу вглядывалась в Далглиша, словно сквозь тонкую паутину золотистых волос.

Он заговорил неожиданно низким голосом, спокойно, ровно:

– Я понял со слов старшего офицера Маннинга, что соседняя небольшая комната для занятий отдана в мое распоряжение. Надеюсь, я не займу ее надолго – так же как и вас. Мне хотелось бы побеседовать с каждым в отдельности, в следующей последовательности...

– Жду вас в моем кабинете в девять, в девять ноль пять, девять десять – прошептал Феликс Деборе. Он сам не знал,

пытается приободрить ее или себя, но в ответ улыбки не последовало.

Далглиш быстро окинул взглядом собравшихся:

– Мистер Стивен Макси, мисс Бауэрз, миссис Макси, миссис Рискоу, мистер Херн и миссис Балтитафт. Прошу тех, кто ждет своей очереди, оставаться здесь. Если кому-нибудь понадобится покинуть комнату, за дверями женщина-полицейский и констебль, они проводят. Как только мы со всеми побеседуем, стража будет снята. Не соблаговолите ли пройти со мной, мистер Макси?

3

Стивен Макси начал первым: – Мне кажется, будет лучше, если вы узнаете, что мы с мисс Джапп были помолвлены и собирались пожениться. Я сделал вечером ей предложение. Это не секрет. Теперь-то все – она мертва, я мог бы и не вспоминать об этом, но она сообщила о нашем решении в присутствии самых заядлых деревенских сплетников, и вы сами очень скоро об этом услышите.

Далглиш уже услышал и ни в коем разе не был убежден, что помолвка не имеет никакого отношения к убийству, он поблагодарил мрачноватого мистера Макси за его чистосердечие и выразил соболезнования в связи со смертью невесты. Молодой человек неожиданно посмотрел на него открытым взглядом:

– Я не чувствую себя вправе получать соболезнования. Я даже не чувствую, что меня постигла тяжелая утрата. Наверно, когда шоковое состояние пройдет, я почувствую что-то. Помолвка состоялась только вчера, а теперь она мертва. Все еще не могу в это поверить.

– Ваша матушка знала о помолвке?

– Да. Все члены семьи знали, кроме отца.

– Миссис Макси одобрила ваше решение?

– Может, вы лучше сами спросите ее об этом?

– Должно быть, вы правы. Какие у вас были отношения с мисс Джапп до вчерашнего вечера, доктор Макси?

– Если вы хотите знать, были ли мы любовниками, ответ – нет. Я жалел ее, восхищался ею, она мне очень нравилась. Понятия не имею, что она думала обо мне.

– Но она все-таки приняла ваше предложение?

– Конкретно она мне ничего не ответила. Но сообщила моей матушке и гостям, что я сделаю ей предложение, так что, естественно, я решил, что она намерена принять его. В противном случае не было бы смысла сообщать об этом.

Далглиш мог бы привести несколько мотивов, по которым девушка могла бы совершить такой поступок, но он не был готов обсуждать их. Вместо этого он попросил свидетеля описать события, происшедшие с того момента, как снотворные таблетки попали в Мартингейл.

– Вы, значит, считаете, что ей дали наркотик, инспектор? Я рассказал старшему офицеру об этих таблетках, как только он приехал сюда. Рано утром таблетки, вне всякого сомнения, были в аптечке отца. Мисс Бауэрз заметила их, когда доставала из аптечки аспирин. Их там нет теперь. Осталась только нераспечатанная упаковка. Пузырек исчез.

– Мы наверняка найдем его, доктор Мак-си. Вскрытие покажет, принимала мисс Джапп наркотики или нет и сколько. Почти наверняка в кружке у кровати было что-то другое, а не какао. Хотя, конечно, она могла сама положить туда таблетки.

– А если не она, инспектор, то кто же? Таблетки могли быть предназначены и не для Салли. У кровати стояла кружка моей сестры. У нас у каждого своя – и все они разные. Если снотворное было предназначено для Салли, его положили в питье после того, как она унесла кружку к себе в комнату.

– Если кружки так разнятся, странно, с чего это мисс Джапп ошиблась. Неправдоподобная ошибка, верно?

– А может, это и не ошибка, – сказал лаконично Стивен.

Далглиш не попросил его объяснить, что он имеет в виду, а молча слушал, как свидетель описывает визит Салли в больницу св. Луки в прошлый четверг, события церковного праздника, внезапный толчок, побудивший его сделать Салли предложение, и то, как было найдено тело невесты. Его рассказ основывался на фактах, был четким, почти бесстрастным. Но когда он приступил к описанию сцены, которую он застал в спальне Салли, голос его стал отстраненным, почти как у человека, дающего клиническую справку. То ли он излишне контролировал себя, что не было ему на пользу, то ли он, готовясь к этому собеседованию, заранее вызубрил все, чтобы страх или жалость не подвели его.

– Я пошел с Феликсом Херном за лестницей. Он был одет, а я – в халате. Я потерял тапок по дороге в сарай, что напротив окна Салли, и Феликс первым подошел и взял лестницу. Она всегда там стоит. Херн вынес ее из сарая, тут подошел я, и он спросил у меня, куда идти. Я показал на окно Салли. Мы несли лестницу вдвоем, хотя она не тяжелая. И один из нас справился бы с ней, не знаю, правда, справилась ли бы женщина. Мы приставили лестницу к стене, Херн поднялся первым, а я придерживал ее. Затем поднялся я. Окно было открыто, но

занавески задернуты. Как вы сами видели, кровать стоит под прямым углом к окну, изголовьем к нему. На широком подоконнике Салли хранила свою коллекцию стеклянных зверюшек. Я заметил, что они были разбросаны, почти все разбиты. Херн подошел к дверям и открыл замок. Я стоял и смотрел на Салли. Она была укрыта по самый подбородок, но я сразу же понял, что она мертва. Домашние столпились у постели, и, когда я отвернул простыню, все увидели, что случилось. Она лежала на спине – мы не переворачивали ее, – вид у нее был очень мирный. Но вы сами знаете, какая она была. Вы же видели ее.

– Я знаю, что я видел, – сказал Далглиш. – Я спрашиваю, что вы видели.

Молодой человек с любопытством, взглянул на него и прикрыл на мгновение глаза, прежде чем ответить. Он говорил ровным, невыразительным голосом, словно повторял заученный урок.

– В уголке рта струйка крови. Глаза прикрыты. Под нижней челюстью с правой стороны четкий след от большого пальца над основанием гортани и менее отчетливый след от пальца слева на шее. Типичный случай удушения правой рукой спереди. Убийце пришлось применить достаточную силу, но, я думаю, смерть наступила в результате повреждения блуждающего нерва, и не исключено, что наступила мгновенно. Я отметил несколько типичных признаков асфиксии. Вы, без сомнения, получите фактические данные после вскрытия.

– Надеюсь, что они совпадут с вашими выводами. Когда, по-вашему, наступила смерть?

– На мускулах челюсти и шеи было несколько rigor mortis^[10]. Не знаю, были ли они на других частях тела. Я рассказываю о том, что отметил почти машинально. Конечно же, исчерпывающего эпикриза в подобных обстоятельствах от меня ждать не приходится.

Сержант Мартин, склонясь над блокнотом, безошибочно различил истерические нотки в голосе Стивена. «Бедняга. Старик бывает иногда просто извергом. Но он все правильно говорит тем не менее. Слишком даже правильно для человека, только что обнаружившего тело своей девушки. Если она была его девушкой».

– Я получу со временем исчерпывающий эпикриз, – сказал Далглиш спокойным голосом. – Меня интересовало, когда, по вашему мнению, наступила смерть.

– Ночь была очень теплая, хотя и шел дождь. Думаю – не раньше пяти часов, но не позже восьми.

– Вы убили Салли Джапп?

– Нет.

– Вы знаете, кто ее убил?

– Нет.

– Что вы делали с той минуты, как поужинали в субботу вечером, и до той, когда мисс Бауэрз сказала вам сегодня утром, что дверь в комнату Салли Джапп заперта?

– Мы пили кофе в гостиной. Около девяти вечера мама предложила посчитать выручку. Она лежала в сейфе в кабинете. Я подумал, что они справятся и без меня, мне не сиделось на месте, и я пошел прогуляться. Я предупредил маму, что, может быть, приду поздно, и попросил не запирайте южную дверь. Я не собирался никуда заходить, но, как только вышел из дома, понял, что хочу повидать Сэма Боукока. Он живет один в коттедже в дальнем углу нашего приусадебного луга. Я пошел садом, потом через луг к его коттеджу, засиделся у него допоздна. Не помню точно, когда ушел от него, он, надеюсь, поможет – скажет вам. Думаю, чуть позже одиннадцати. Вернулся домой один, вошел через южную дверь, запер и пошел спать. Вот и все.

– Вы сразу же пошли домой?

Едва заметное колебание не ускользнуло от Далглиша. – Да.

– Значит, вы вернулись сразу же домой?

– От Боукока пять минут ходьбы, но я не спешил. Думаю, был дома и лег в одиннадцать тридцать.

– Жаль, что вы не можете назвать точное время, доктор Макси. Это тем более удивительно, потому что у вас на тумбочке у кровати стоят небольшие часы со светящимся циферблатом.

– Может, и стоят. Но из этого не следует, что я всегда отмечаю время, когда ложусь спать или встаю.

– Вы провели около двух часов с мистером Боукоком. О чем вы беседовали?

– В основном о лошадях и музыке. У него отличней проигрыватель. Мы слушали новую пластинку – Клемперер дирижирует «Героической», если быть точным.

– Вы часто навещали мистера Боукока и проводили с ним время?

– Часто? Боукок был грумом у моего деда. Он мой друг. Разве вы не ходите в гости к друзьям, когда вам хочется, или у вас нет друзей, инспектор?

Первая вспышка. Лицо Далглиша сохраняло бесстрастность, ни малейшего признака удовлетворения не появилось на нем. Он подвинул через стол небольшой квадрат бумаги. На нем лежали три крошечных осколка стекла.

– Эти осколки найдены в сарае напротив комнаты мисс Джапп,

где, как вы говорите, обычно хранится лестница. Вы знаете, что это такое?

Стивен Макси наклонился вперед, без всякого интереса изучая осколки.

– Осколки стекла, без сомнения. Больше ничего не могу вам о них сказать. Может, кусочки стекла от корпуса часов.

– Или же от разбитых стеклянных зверюшек из комнаты мисс Джапп.

– Весьма вероятно.

– Я вижу у вас на правой руке на суставе пальца пластырь. Что случилось?

– Слегка поранился, когда вчера домой возвращался. Задел рукой за кору дерева. Это самое вероятное объяснение. Не помню, как это случилось, заметил кровь только у себя в комнате. Приклеил пластырь перед тем, как ложиться спать; сейчас я спокойно могу его снять. Ерундовая царапина, но мне надо следить за своими руками.

– Разрешите посмотреть?

Макси приблизился к инспектору и положил руку на стол ладонью вниз. Не дрожит, отметил про себя Далглиш. Он подцепил пластырь за уголок и содрал его. Они вместе стали рассматривать побелевшую кожу на суставе. Макси по-прежнему не проявлял ни малейшего волнения, он тщательно разглядывал руку с видом человека, которому приходится снизойти до зрелища, не достойного его внимания. Он подобрал пластырь, аккуратно свернул его и выбросил в мусорную корзину.

– Похоже на порез, – сказал Далглиш, – или же на царапину от ногтя.

– Может быть, – согласился с готовностью подозреваемый. – Но если так, вы должны бы найти кровь и кусочек кожи под ногтем, который меня поцарапал. Простите, но я не помню, как это случилось. – Он посмотрел на царапину и добавил: – Конечно, похоже на порез, но слишком уж он маленький. Через два дня его просто не заметишь. Вы уверены, что не хотите сфотографировать его?

– Нет, благодарю, – сказал Далглиш. – Наверху более серьезный объект для съемок.

Теперь-таки он получил удовлетворение, наблюдая, какое действие возымели его слова. Пока он занимается этим делом, ни один из подозреваемых не должен считать, что он в любую минуту может замкнуться или спрятаться под маской цинизма, забыть о той, что лежала наверху в постели. Он переждал минуту, потом безжалостно продолжил:

– Я хочу внести абсолютную ясность касательно южной двери.

Она ведет прямо на лестницу, которая, в свою очередь, ведет к бывшей детской. В этом смысле можно считать, что мисс Джапп спала в той части дома, которая имеет отдельный вход. Практически изолированная квартира. Как только кухонные помещения на ночь закрывались, она могла пускать к себе посетителя через эту дверь, почти не рискуя, что кто-нибудь заметит. Если дверь отперта, посетитель мог вполне легко добраться до ее комнаты. А вы говорите, что с девяти часов, когда вы закончили ужин, до одиннадцати часов с минутами, пока вы не вернулись от Боукока, дверь оставалась открытой. Можно считать, что любой мог попасть в дом через южную дверь на протяжении этого отрезка времени.

– Да. Думаю, что мог.

– Вы наверняка знаете, мог или не мог, господин Макси?

– Да, мог. Вы, верно, заметили в двери два тяжелых внутренних засова и врезной замок. Где-то есть ключи, думаю. Мама, должно быть, знает, где они. Обычно днем мы дверь держим незапертой, а на ночь задвигаем засов. Зимой почти всегда дверь на засове, ею мы не пользуемся. В кухню можно попасть через другой вход. Мы не очень-то волнуемся насчет запоров, здесь никогда ничего не происходило. А если даже и запремся на все замки, это от грабителя нас не спасет. Можно проникнуть в балконную дверь гостиной, ничего не стоит. Мы, конечно, запираем окна и дверь, но выдавить стекло – проще простого. Признаться, никогда не задавались вопросом, можно к нам влезть или нет.

– А вдобавок к этой постоянно открытой двери в старых конюшнях очень удобная стремянка?

Стивен Макси слегка пожал плечами:

– Ну надо же ее где-то держать. Не запирать же стремянки только оттого, что кому-то может взбрести в голову воспользоваться ими, чтобы забраться в дом.

– У нас нет пока доказательств, что кто-то ею воспользовался. Меня по-прежнему интересует эта дверь. Готовы ли вы поклясться, что она была не заперта, когда вы вернулись от Боукока?

– Конечно. В противном случае я не смог бы попасть домой.

Далглиш быстро произнес:

– Вы понимаете важность показания, когда именно вы пришли домой и задвинули на двери засов?

– Конечно.

– Я намерен еще раз задать вам вопрос: в какое время вы задвинули засов на двери? Советую тщательно обдумать ваш ответ.

Стивен Макси посмотрел ему прямо в глаза и ответил

небрежно:

– В двенадцать часов тридцать три минуты – по моим часам. Я не мог заснуть и в двенадцать тридцать вдруг вспомнил, что не запер дверь. Я встал с постели, пошел и закрыл ее. Я никого не видел, ничего не слышал и сразу же вернулся к себе. Конечно, я растяпа, но ведь нет закона, по которому можно привлечь к ответственности человека за то, что он забыл запереть дверь. Или есть?

– Итак, в двенадцать часов тридцать три минуты вы заперли южную дверь?

– Да, – с готовностью ответил Стивен Макси. – В тридцать три минуты пополуночи.

4

В Кэтрин Бауэрз Далглиш нашел свидетеля, о котором мечтает каждый полицейский, – спокойная, старательная, уверенная в себе. Она вошла – воплощение выдержки и самообладания, – не выказывая никаких признаков ни нервозности, ни горя. Она не понравилась Далглишу. Он знал, что весьма склонен к подобной субъективной неприязни, и потому-то давным-давно научился одновременно скрывать подобные эмоции и не пренебрегать ими. Но он не ошибся, заподозрив в ней внимательного наблюдателя. Она отлично подмечала реакции людей, так же как их поступки. Именно Кэтрин Бауэрз сообщила Далглишу, в какой ужас повергли слова Салли семейство Макси, как она торжествующе смеялась, сообщив свою новость, и какой неожиданный эффект имели слова, брошенные ею мисс Лидделл, на эту почтенную особу. Мисс Бауэрз отлично подготовилась к вопросам, касающимся лично ее.

– Естественно, когда Салли сообщила нам свою новость, для всех нас это было ужасным ударом, но догадываюсь, как это могло случиться. Я не знаю человека добрее доктора Макси. У него слишком развито чувство социального долга, я всегда ему говорила, а девчонка воспользовалась этим. Я уверена, не любил он ее по-настоящему. Никогда не признавался о своем чувстве мне, уж кому-кому, а мне первой бы сказал. Если бы они в самом деле полюбили друг друга, он бы доверился мне, я бы поняла его и отпустила.

– Вы хотите сказать, что вы были помолвлены?

Далглишу стоило труда подавить свое удивление. Не хватало еще одной невесты – дело принимало просто фантастический оборот.

– Не совсем помолвлены, инспектор.

У нас не было колец, ну, и прочего. Но мы были очень близкими друзьями, причем так давно, что это как бы само собой подразумевалось... Думаю, уместно сказать, между нами было некое молчаливое соглашение. Но конкретных планов не было. Доктору Макси предстояло еще очень много сделать для своей карьеры, прежде чем он мог позволить себе думать о женитьбе. И нельзя было забывать, что отец его тяжело болен.

– Итак, фактически вы не были помолвлены и о женитьбе речь не шла?

Вопрос был поставлен в лоб, Кэтрин ограничилась легкой самоуверенной улыбкой, означавшей, что это был вопрос времени.

– Когда вы приехали в Мартингейл на этот уик-энд, что-нибудь бросилось вам в глаза?

– Я приехала в пятницу поздно вечером. Прямо к ужину. Доктор Макси еще позднее приехал, мистер Херн только в субботу утром, так что ужинали миссис Макси, Дебора и я. Мне показалось, что они чем-то обеспокоены. Не хотелось говорить об этом, но боюсь, Салли Джапп была интриганкой. Она прислуживала нам, и мне совсем не понравилась ее манера поведения.

Далглиш продолжал расспрашивать Кэтрин, «манера поведения» Салли, насколько он мог заключить, сводилась к тому, что она чуть вскидывала голову, когда Дебора говорила с ней, и не называла миссис Макси «мэм». Но он счел это показание Кэтрин стоящим внимания. Похоже, что миссис Макси и ее дочь все время думали об опасности, нависшей над ними.

Он изменил направление беседы и незаметно подвел ее к событиям, происшедшим в воскресенье утром. Теперь она рассказала, как проснулась с головной болью после тяжелой ночи и отправилась на поиски аспирина. Миссис Макси предложила ей самой поискать лекарство. Именно тогда она и заметила маленький флакон со снотворным. Сначала она решила, что это аспирин, но быстро поняла, что таблетки слишком маленькие и другого цвета. К тому же пузырек был с этикеткой. Она не обратила внимания, сколько таблеток там было, но она была абсолютно уверена, что в семь утра он был в аптечке, и точно так же в том, что, когда она со Стивеном Макси стала его искать, после того, как было обнаружено тело Салли Джапп, его там не было. В аптечке лежало только снотворное в нераспечатанной упаковке.

Далглиш попросил ее описать, как было обнаружено тело убитой, и, к его удивлению, Кэтрин нарисовала весьма красочную картину.

– Когда Марта пришла и сказала миссис Макси, что Салли не встала, мы поначалу подумали, что она снова проспала. Потом Марта вернулась и сказала, что дверь заперта, а Джимми плачет, и мы пошли выяснить, что же случилось. Сомневаться не приходилось – дверь была на задвижке. Вы уже знаете, что доктор Макси и мистер Херн попали в комнату через окно, и я услышала, как один из них отодвинул задвижку. Думаю, мистер Херн открыл ее, потому что он пустил нас. Стивен стоял у постели и смотрел на Салли. Херн сказал: «Боюсь, она мертва». Кто-то вскрикнул. По-моему, Марта, но я не оглядывалась. Я сказала: «Не может быть! Она была в полном здравии вчера вечером!» Мы подошли к постели, Стивен стянул простыню с лица. Она прикрывала ее подбородок; Салли так аккуратно была закрыта простынкой, будто ее кто-то заботливо подоткнул на ночь. Мы увидели отметины у нее на шее и поняли, что произошло. Миссис Макси на минуту закрыла глаза. Я решила, что она теряет сознание, и подошла к ней. Но она удержалась на ногах, сделала шаг к кровати и схватилась за спинку.

Она так сильно дрожала, что даже кровать закачалась. Это односпальная постель, как вы, безусловно, заметили; миссис Макси дрожала, тело на кровати стало потихоньку качаться. Стивен сказал очень громко: «Лицо ее закройте» (Слова Фердинанда, героя драмы Джона Вебстера (1580 – 1625)

«Герцогиня Малфийская»:

Лицо ее закройте, мои глаза ослепнуть могут –
Столь юной умерла она...

Босола

Не думаю. Несчастье ее,

Что прожила она так долго.), но Херн сказал ему, что не следует ничего трогать до прихода полиции. Херн был самым спокойным среди нас, думаю, он немало повидал убийств, вот и привык.

Он скорее был заинтригован, чем испуган. Он наклонился к Салли, приоткрыть ее веко. Стивен грубо сказал: «Можете не беспокоиться, Херн. Она мертва». Херн ответил: «Я не о том. Меня интересует, почему она не сопротивлялась». Потом он обмакнул мизинец в кружку с какао, стоявшую на столике возле кровати. Она была наполовину пустой, жидкость подернулась пленкой. Пленка прилипла к пальцу, и он соскреб ее о край кружки, прежде чем положить палец в рот. Мы смотрели на него, словно он показывал нам фокусы. Мне показалось, что миссис Макси смотрела – да, с надеждой. Прямо как ребенок на празднике. Стивен спросил: «Ну что там?» Херн пожал плечами и ответил: «Лаборант скажет. Думаю, ей дали наркотик». После

этого Дебора задышала, словно рыба на песке, и поплелась к дверям. Она побледнела как полотно, стало ясно, что ее тошнит. Я рванулась было к ней, но Херн сказал довольно резко: «Не волнуйтесь. Предоставьте ее мне». Он вывел ее из комнаты, и они пошли в ванную для прислуги рядом с комнатой Салли. Дебора меня ничуть не удивила. Я ждала, что она даст такую реакцию. В комнате остались миссис Макси и Стивен. Я предложила миссис Макси найти ключ, чтобы закрыть комнату, а она ответила: «Конечно. Верно, так полагается. И кажется, мы должны позвонить в полицию. Самый хороший аппарат в гардеробной». Она, думаю, хотела сказать, что оттуда говорить удобнее. Помню, я подумала: «Если мы позвоним из гардеробной, прислуга не станет подслушивать», позабыв, что «прислуга» – это Салли, а Салли больше никогда ничего не подслушает.

– Вы хотите сказать, что у мисс Джапп была привычка слушать чужие разговоры? – перебил ее инспектор.

– У меня всегда было такое ощущение, инспектор. Мне она всегда казалась коварной. Никогда не испытывала чувства благодарности, а ведь Макси столько для нее сделали. Она ненавидела миссис Рискоу, это уж безусловно. Это каждый видел. Думаю, вы уже в курсе истории с одинаковыми платьями.

Далглиш выразил интерес к столь интригующей теме и был вознагражден графически четким описанием эпизода и реакцией, которую он вызвал.

– Вот вам и доказательство, что она была за штучка. Миссис Рискоу сделала вид, что не приняла ее выходку близко к сердцу, но я-то заметила, каково ей. Она готова была убить Салли.

Довольная собой, Кэтрин Бауэрз в приливе напускной скромности одернула на коленях юбку. Или она была отличной актрисой, или не отдавала себе отчет, что ведет себя несколько странно. Далглиш продолжал задавать вопросы, понимая теперь, что перед ним более крепкий орешек, чем он решил поначалу.

– Расскажите, что произошло, когда миссис Максй, ее сын и вы очутились в гостиной.

– Я как раз приближаюсь к этому моменту, инспектор. Я взяла Джимми из кровати и держала его на руках. Ведь это ужасно – оставить ребенка в комнате с мертвой матерью. Когда мы все вошли в комнату, он перестал плакать, не думаю, чтобы кто-нибудь из нас вообще помнил о нем какое-то время. Потом я вдруг заметила его. Он подтянулся за перекладину кровати и повис над ней, мокрая пеленка сползла с него, а сам он с любопытством разглядывал нас. Слава богу, он совсем мал, чтобы понять, что произошло, ему просто было интересно, с чего это

мы все столпились вокруг маминой постели. Он успокоился и с радостью пошел ко мне на руки. Я взяла его с собой в гардеробную. Как только мы туда пришли, доктор Макси направился к аптечке. Он сказал: «Пропал!» Я спросила, о чем это он, и он рассказал мне о снотворном. Именно тогда я услышала первый раз об этих таблетках. Я сказала ему, что пузырек был на месте, когда я брала утром аспирин. Пока мы разговаривали, миссис Макси прошла в спальню мужа. Она там была не больше минуты, а возвратясь, сказала: «Он в порядке. Спит. Вы еще не вызвали полицию?»

Стивен пошел к аппарату, я предложила забрать Джимми с собой – я переоденусь, а потом покормлю его. Мне никто не ответил, и я пошла к дверям. Перед тем как выйти, я оглянулась. Стивен положил руку на трубку, вдруг его матушка прикрыла его руку своей, и я услышала: «Подожди. Я должна знать правду». Стивен ответил: «Можешь не спрашивать. Я ничего не знаю. Клянусь!» Миссис Макси вздохнула и прикрыла глаза рукой. Потом Стивен поднял трубку, и я вышла из комнаты.

Она остановилась, посмотрела на Далглиша, словно ожидая от него комментариев или приглашая заговорить.

– Спасибо, – сказал он серьезным тоном. – Продолжайте.

– Мне мало что осталось вам рассказать, инспектор. Я понесла Джимми к себе, решив прихватить по дороге в ванной чистую пеленку. Миссис Рискоу и мистер Херн были все еще там. Ее вырвало, он помогал ей умыться. Мой приход не очень обрадовал их. Я сказала: «Когда вам станет лучше, вам надо будет позаботиться о вашей матушке, простите, что напоминаю вам об этом. А я пригляжу за Джимми». Мне никто не ответил. Я нашла пеленку в сушильном шкафу, пошла к себе в комнату и перепеленала Джимми. Потом посадила его к себе на кровать, а сама переоделась. На все это ушло минут десять. Я отнесла его на кухню, дала ему яйцо всмятку с хлебом и маслом и теплого молока. Он чувствовал себя прекрасна. Марта стряпала тут же завтрак, но мы не разговаривали. К своему удивлению, я увидела там Херна. Он готовил кофе. А миссис Рискоу, вероятно, пошла к маме. Херн тоже не склонен был беседовать. Он, видно, злился на меня за то, что я сказала миссис Рискоу. Как вы догадываетесь, она в его глазах сама добродетель. Они, судя по всему, не собирались обсуждать, что же делать дальше, и я решила взять все в свои руки, пошла в холл с Джимми и позвонила мисс Лидделл. Сообщила ей о случившемся и попросила забрать малыша, пока не прояснится ситуация. Она минут через пятнадцать приехала на такси, а потом прибыли

доктор Эппс и полиция. Остальное вы знаете.

– Ваш рассказ был очень четким и полезным, мисс Бауэрз. Вы, должно быть, опытный наблюдатель, правда, не все опытные наблюдатели способны излагать факты с логической последовательностью. Не стану вас больше задерживать. Хотел бы только вернуться к началу ночи. Пока что вы описывали, и весьма четко, события вчерашнего вечера и сегодняшнего утра. А сейчас попросил бы вас восстановить события, происходившие после девяти вечера. В это время, полагаю, вы все еще были в кабинете с миссис Макси, доктором Эппсом и мисс Лидделл. Начните, пожалуйста, с десяти часов вечера.

Впервые Далглиш уловил тень сомнения в ответе подозреваемой. До сих пор она отвечала на его вопросы с готовностью и легкостью, и он решил, что ответы ее слишком непосредственные и непринужденные, чтобы быть лживыми. До той минуты он верил, что беседа не раздражает Кэтрин Бауэрз. Коли совесть нечиста, вряд ли станешь так непринужденно и связно рассказывать. А сейчас он чувствовал, что она перестала быть искренней, он наталкивался на скрытое напряжение, вызванное тем, что приходится переключаться на неприятные подробности. Она подтвердила, что мисс Лидделл и доктор Эппс отправились домой в десять тридцать. Их проводила миссис Макси, потом она вернулась к Кэтрин. Они вместе разобрали бумаги, заперли деньги в сейфе. Миссис Макси не сказала, что собирается поговорить с Салли. Они вообще не поминали ее. Заперев деньги, они пошли на кухню. Марта ушла к себе спать, оставив кастрюльку с молоком на плите и серебряный поднос с кружками на кухонном столе. Кэтрин помнит, что заметила, что кружки миссис Рискоу из веджвудского фарфора там не было, и еще подумала, должно быть, мистер Херн и миссис Рискоу вернулись из сада, только никто не заметил. Ей и в голову не пришло, что ее могла взять Салли, хотя такие выходки – в ее стиле. Кружка доктора Макси стояла на подносе вместе со стаканом в подстаканнике, из которого пила миссис Макси, а также две большие чашки с блюдцами для гостей. На столике сахарница и две банки с молоком. Какао не было. Миссис Макси и Кэтрин взяли свое питье и отнесли в гардеробную мистера Макси, где его жена собиралась провести ночь. Кэтрин помогла ей перестелить постель больного и присела у камина, чтобы выпить свое молоко с шоколадом. Она вызвалась посидеть еще немного с миссис Макси, но предложение ее не было принято. Примерно спустя час Кэтрин пошла в свою комнату. Она спала в противоположном от Салли крыле дома. Раздевшись, она отправилась в халате в ванную и приблизительно четверть

двенадцатого вернулась; когда закрывала дверь, ей слышалось, что по лестнице вверх поднимаются Херн и Рискоу, но она в этом не уверена. До того времени она не видела и не слышала Салли.

Тут Кэтрин замолкла, Далглиш ждал терпеливо, но со все растущим интересом. В углу кабинета в полной тишине сержант Мартин перелистнул страницу блокнота, искоса глянув на шефа. Может, он ошибается, но у старика уже начало покалывать в пальцах.

– Слушаю, мисс Бауэрз, – безжалостно торопил Далглиш.

Свидетельница храбро продолжала:

– Боюсь, что эта часть моего рассказа может показаться вам весьма странной, но тогда мне казалось все естественным. Как вы понимаете, сцена перед ужином поразила меня. Я не могла поверить, что Стивен и эта девчонка помолвлены. В конце концов, не он предал огласке новость, и на какое-то мгновение мне даже показалось, что он вообще не делал ей предложения. Ужин, как вы можете себе представить, прошел ужасно, потом все вели себя так, будто ничего не произошло. Конечно, Макси никогда не выдают своих чувств, но миссис Рискоу ушла с Херном, и не сомневаюсь, они отвели душу – все обсудили и придумали, что можно предпринять. Но никто не сказал мне ни слова, хотя в каком-то смысле это больше всего касалось меня. Я думала, миссис Макси поговорит со мной после того, как ушли двое гостей, но потом поняла, что она не намерена этого делать. Когда я поднялась к себе в комнату, мне стало ясно, что, если я ничего не предприму, то и никто палец о палец не ударит. Не могла я просто лежать у себя всю ночь, не узнав все до конца. Я должна выяснить правду. Само собой напрашивалось – спросить у Салли. Я думала, если нам с ней поговорить с глазу на глаз, я все улажу. Понимала, что уже поздно, но у меня оставался единственный шанс. Я пролежала какое-то время в темноте, но, приняв решение, я включила свет и посмотрела на часы. Без трех минут двенадцать. Мне в моем состоянии показалось, что не так уж поздно. Надела халат, взяла карманный фонарик и отправилась к Салли. Ее дверь была заперта, но свет в комнате горел – пробивался из замочной скважины. Я постучала в дверь и тихонько позвала ее. Дверь очень плотная, вы, верно, заметили, но она должна была услышать меня, потому что я тут же уловила, как щелкнула задвижка, свет в замочной скважине погас – она, видно, встала подле нее. Я постучала и снова позвала ее, но сомнений не было – она не собиралась пускать меня; и я пошла к себе. По пути я вдруг поняла: во что бы то ни стало я должна повидать Стивена, я не могла представить себе,

что лягу, ничего не узнав. Я думала – он, наверное, ждет меня, хочет поделиться, обо всем рассказать, но самому прийти ко мне неловко. И вот я свернула от своей двери к его. Свет был погашен, я тихо постучала и вошла. Мне казалось, что стоит мне только увидеть его, и все уладится.

– И что же? – спросил Далглиш. Время бодрой уверенности кончилось.

В ее некрасивых глазах была боль, ошибки быть не могло.

– Его не было там, инспектор. Кровать была постелена на ночь, но его не было. – Она попыталась было вести себя как прежде и улыбнулась ему вымученной, Неестественной улыбкой. – Теперь-то я знаю, что он сидел у Боукока, но тогда это меня подкосило:.

– Представляю себе, – мрачно согласился Далглиш.

5

Миссис Макси сидела тихо и спокойно, она сказала инспектору, что к его услугам весь дом, но единственная просьба – провести расследование так, чтобы не потревожить мужа, человека тяжело больного и не способного уже осознать, что произошло. Сидя за письменным столом, Далглиш наблюдал за ней и думал, что через тридцать лет такой же, верно, станет ее дочь. Сильные, ловкие, украшенные драгоценностями руки недвижно лежали на коленях. Даже со своего места он видел, как они похожи на руки ее сына. Со все возрастающим интересом он заметил, что ногти она стрижет тоже очень коротко, как и сын. Ни малейшего признака нервозности. Она скорее воплощала собой мирное признание неизбежности этой процедуры. Нет, она не отрепетировала свою стойкость. Причина этой неподдельной безмятежности – во внутренней твердости, поколебать которую могло лишь нечто более серьезное, чем расследование по делу об убийстве. Она отвечала на его вопросы с преднамеренной вдумчивостью. Такое впечатление, что она сама оценивала каждое слово. Но она не могла сказать ничего нового. Она подтвердила показания Кэтрин Бауэрз относительно того, как было обнаружено тело, а описание предыдущего дня совпало с уже услышанным им. После того, как около половины одиннадцатого вечера мисс Лидделл и доктор Эппс ушли, она заперла все двери и окна в доме за исключением балконной в гостиной и черного хода. Мисс Бауэрз была с ней. Они вместе взяли свои стакан и кружку на кухне – на подносе осталась только кружка сына – и вместе отправились спать. Ночь она спала плохо – прислушивалась, как

там муж. Ничего необычного она не заметила, не слышала ни шума, ни голосов. К ней никто не приходил, вот только мисс Бауэрз пришла рано утром и попросила аспирина. Она не знала о таблетках, которые якобы нашли в постели ее мужа; полагала, что история эта маловероятна. По ее мнению, он ничего не мог спрягать под матрасом, миссис Балтитафт непременно нашла бы. Ей сын ничего не рассказывал об этом инциденте, предупредил только, что заменил таблетки на другое лекарство. Ее это не удивило. Она решила, что он пробует какой-то новый препарат для своей больницы, хотя была уверена, что без согласия доктора Эппса он не станет прописывать отцу новое лекарство.

Спокойствие начало покидать ее, только когда Далглиш принялся неторопливо задавать вопросы, касающиеся помолвки ее сына. Но и тут – скорее раздражение, чем страх изменили ее голос. Далглиш понимал, что вежливые извинения, которыми он предварял обычно щекотливые вопросы, не сработают, уж лучше прямые вопросы. И он спросил в лоб:

– Как вы отнеслись, мадам, к помолвке мисс Джапп и вашего сына?

– Это вряд ли продлилось бы долго так что не стоит употреблять столь определенное слово. Меня удивляет, что вы тратите время на такие вопросы, инспектор. Вы и сами должны понимать – крайне неодобрительно.

Что ж, она вполне откровенна, подумал Далглиш. Но что еще она могла сказать? Вряд ли кто-то поверил бы, что она обрадовалась этой помолвке.

– Даже если ее чувство к вашему сыну было искренним?

– Я готова отдать ей должное – она притворилась, причем вполне убедительно что она искренна. Но какое это имеет значение? У них ничего общего. Ему пришлось бы воспитывать чужого ребенка. Это испортило бы ему карьеру, а через год они возненавидели бы друг друга. Да и с чего бы им ужиться? Ни одна девушка с характером не допустит, чтобы к ней относились с высокомерием, а у Салли характерец дай боже хотя она предпочитает не показывать его. К тому же не понимаю, на какие деньги они бы жили. У Стивена – жалкие заработки. Конечно же, я не одобрила эту так называемую помолвку. А вы бы пожелали такого брака собственному сыну?

На какое-то мгновение Далглишу показалось, что она знает. Обычный, почти банальный аргумент, к которому прибегла бы любая мать, попавшая в аналогичную ситуацию. Вряд ли она могла представить себе, какой эффект произведут ее слова. Интересно, что бы она сказала, если бы он ответил: «У меня нет сына. Мой сын и его мать умерли через три часа после того, как

он появился на свет. У меня нет сына, который мог бы жениться – сделав удачный или неудачный выбор»? Он представил себе, как это покорило бы миссис Макси – докучать ей откровенничанием в подобные минуты, ведь горе его – давнее, личное, не имеющее ровным счетом никакого отношения к случившемуся. Он быстро ответил:

– Нет, я тоже бы не хотел. Простите, что отнял у вас сколько времени, задавая вам вопросы на такую личную тему. Но вы, без сомнения, понимаете ее важность.

– Естественно. С вашей точки зрения, в ней заключен мотив преступления для нескольких людей, в том числе и для меня. Но ради того, чтобы избежать какого-либо осложнения, не совершают убийства. Я согласна, я готова была на все, чтобы помешать этому браку. Собиралась на следующий день переговорить со Стивеном. Не сомневаюсь, мы смогли бы сделать что-нибудь для Салли, не принимая ее в лоно нашей семьи. Надо ограничивать притязания такого сорта людей.

Внезапная горечь, прозвучавшая в последнем предложении, отвлекла даже сержанта Мартина – он перестал автоматически строчить и поднял голову. Но если миссис Макси поняла, что сказала слишком много, она не усугубила своей ошибки, сказав еще больше. Точно акварельная картинка, рекламирующая туалетную воду или мыло, подумал Далглиш. Даже низкая ваза с цветами на письменном столе, словно поставленная между ними ловкой рукой фотографа, подчеркивала ее аристократизм. «Портрет английской леди в домашней обстановке, – подумал он. – Интересно, во что она превратится, попав в лапы шефа, если дело дойдет до этого, или попав в лапы присяжных?» Даже его воображение, привыкшее находить злой умысел в самых неожиданных местах, в том числе и в аристократических кругах, не могло с легкостью совместить миссис Макси и убийство. Но ее последние слова говорили сами за себя.

Он решил на время оставить тему женитьбы и сосредоточился на других аспектах расследования. Снова он перешел к обсуждению вечернего горячего питья. Перепутать кружки было невозможно. Кружка из веджвудского голубого фарфора, найденная у постели Салли, принадлежала Деборе Рискоу. Молоко оставили на плите. Печь была с массивными боковыми плитами, топилась углем. Кастрюльку с молоком оставили на одной из них – тут оно вскипеть не могла. Если бы кто из домочадцев захотел вскипятить молоко, он подвинул бы ее на конфорку, а потом снова сдвинул бы вбок. На подносе стояли только кружки и чашки для гостей. Миссис Макси не могла сказать, что обычно пили на ночь Салли или миссис Балтитафт,

но, без сомнения, никто из ее семьи какао не пил. Шоколад они тоже не любили.

– И вот что получается, – сказал Далглиш. – Если, как я сейчас полагаю, эпикриз покажет, что мисс Джапп приняла наркотик, а анализ какао-покажет, что наркотик был в ее последнем ночном питье, тогда перед нами два варианта. Либо она сама приняла снотворное, может, без всякой дурной мысли, просто чтобы заснуть после волнений дня. Или же кто-то другой дал ей наркотик; причину, побудившую его сделать это, мы должны установить, но догадаться нетрудно. Мисс Джапп, всем известно, была сильной, молодой женщиной. Если это преступление замышлялось заранее, ее убийца должен был подумать, как он – или она – попадет в дом и убьет девушку без лишнего шума. Дать ей снотворное – самый легкий путь. А это означает, что убийца знаком с обычаем обитателей дома пить что-нибудь на ночь и знал, где хранятся таблетки. Я думаю, любой член вашего семейства или любой гость знает об этом ритуале.

– Но в таком случае он также знает, что веджвудская кружка принадлежит моей дочери. Вы убеждены, инспектор, что наркотик предназначался для Салли?

– Не совсем. Но я убежден, что убийца не спутал шею мисс Джапп с шеей миссис Рискоу. Давайте пока что сойдемся на том, что наркотик был предназначен мисс Джапп. Его могли положить в кастрюльку с молоком или в саму кружку вед-жвудского фарфора до того, как было приготовлено питье, или после, а также в банку с какао или в сахар. Вы и мисс Бауэрз налили себе молока из одной и той же кастрюли, положили сахару из одной и той же сахарницы со стола, и никаких последствий не было. Не думаю, чтобы наркотик положили в пустую кружку. Таблетка коричневатая, и сквозь голубой фарфор ее легко было бы заметить. Остается два варианта. Или ее растолкли в сухое какао, или же бросили в горячий напиток вскоре после того, как мисс Джапп приготовила его, но до того, как она его стала пить.

– Не думаю, что последнее возможно, инспектор. Миссис Балтитафт всегда готовит горячее молоко в десять вечера. Приблизительно двадцать минут спустя мы увидели, как Салли несет свою кружку к себе.

– Кто это «мы», миссис Макси?

– Доктор Эппс, мисс Лидделл и я; я поднялась с мисс Лидделл наверх, чтобы взять ее пальто. Когда мы вернулись в холл, к нам присоединился доктор Эппс, который вышел из кабинета. Пока мы там стояли, Салли вышла из той половины дома, где у нас кухня, и стала подниматься по главной лестнице с

веджвудской кружкой на блюдце. Она была в пижаме и халате. Мы все увидели ее, но никто не заговорил с ней. Мисс Лидделл и доктор Эппс тотчас же ушли.

– Мисс Джапп всегда поднималась по этой лестнице?

– Нет, черная лестница ведет из кухни прямо в ее комнату.

Это было намеренно.

– Хотя она не могла знать, что встретит кого-нибудь в холле.

– Я думаю, не могла.

– Вы говорите, что заметили, что мисс Джапп несет кружку миссис Рискоу. Вы сказали об этом кому-нибудь из ваших гостей или сделали мисс Джапп замечание?

Миссис Макси чуть заметно улыбнулась. Во второй раз она выпустила свои коготки.

– Какие у вас старомодные понятия, инспектор! Вы что, думали, я вырву у нее эту кружку к изумлению моих гостей и к радости самой Салли? Каким уродливым и страшным предстает перед вами мир!

Далглиш оценил глубину иронии. Но ему хотелось убедиться, что его свидетельницу можно спровоцировать.

– Что произошло после того, как мисс Лидделл и доктор Эппс ушли?

– Я пошла в кабинет с Кэтрин Бау-эрз, где мы привели в порядок бумаги и спрятали в сейф мешочки с деньгами. Потом пошли на кухню и приготовили себе питье. Я налила горячего молока, а мисс Бауэрз – шоколадный напиток. Она любит очень сладкий и насыпала себе сахара. Мы отнесли питье в гардеробную, которая рядом с комнатой мужа, я там ночую, когда дежурю подле него. Мы провели, по-моему, минут двадцать вместе. Потом она пожелала мне спокойной ночи и ушла.

– Выпив свой шоколад?

– Да. Он был горячий, залпом не выпьешь, но она села и допила, а потом уже ушла.

– Подходила ли она к аптечке, пока была у вас?

– Нет, никто из нас не подходил. Мой сын раньше дал отцу какое-то снотворное, и он дремал. Делать нам ничего для него не надо было, только перестелили постель поудобнее. Я была рада, что мисс Бауэрз помогает мне. Она опытная сиделка, вместе мы легко справились с постелью, не потревожив его.

– Какие отношения у мисс Бауэрз с доктором Макси?

– Насколько мне известно, мисс Бауэрз дружна с обоими моими детьми. Поэтому вам лучше задать этот вопрос им и мисс Бауэрз.

– Вы не знаете, они не собирались пожениться?

– Я ничего не знаю об их личных отношениях. Но думаю, это маловероятно.

– Спасибо, – сказал Далглиш. – Я хотел бы побеседовать сейчас с миссис Рискоу, будьте любезны, пришлите ее ко мне.

Он встал, чтобы открыть дверь для миссис Макси, но она не пошевелилась. Она сказала:

– Я все-таки думаю, что Салли сама приняла таблетку. Иного логичного объяснения нет. Но если кто-то другой сделал это, тогда я согласна с вами – таблетку положили в сухое какао. Простите, разве это нельзя выяснить, отдав на анализ банку и ее содержимое?

– Мы могли бы это выяснить, – ответил Далглиш мрачно, – но пустую банку нашли в помойке. Она была вымыта. Бумага которая была внутри, выброшена. Скорее всего, сожжена в кухонной плите. Кто-то все предусмотрел.

– Очень хладнокровная леди, сэр, – сказал сержант Мартин, когда миссис Макси вышла и добавил с юмором, что было редкостью для него: – Сидела, точно кандидат от либералов в ожидании подсчета голосов на выборах.

– Да – согласился вяло Далглиш, – но с абсолютной уверенностью, что ее партия ее не подведет. Что ж, послушаем, что остальные нам скажут.

6

В последний раз я был совсем в другой комнате, подумал Феликс. Та комната тоже была тихой и мирной. Висели картины, стоял массивный стол красного дерева, похожий на тот, за которым сейчас сидел Далглиш. Также стояли цветы, маленький букетик в вазочке, чуть больше чайной чашки. Все в той комнате дышало уютом и комфортом, даже мужчина за столом с пухлыми белыми руками и смеющимися глазами за толстыми стеклами очков. Господи, сколько же допросов там провели, чтобы докопаться до правды, четко продуманных допросов, которые требовали весьма небогатой техники! Он заставил себя вернуться в настоящее и взглянуть на человека за столом. Сложенные руки были не такими пухлыми, глаза потемнее и менее добрыми. В комнате сидел еще один человек, он тоже был английским полицейским. Это был Мартингейл. Англия.

Пока все шло не так уж плохо. Дебора отсутствовала полчаса. Вернувшись, прошла к своему столу, не взглянув на него, а он, также молча, встал и направился за полицейским в кабинет. Хорошо, что сдержался, не стал пить перед допросом, а сейчас отказался от сигареты, которую предложил Далглиш. Старый

трюк? На этом его не поймаешь! Он не собирается раскалываться, показывать, как он психует. Если удастся сдержаться, все будет отлично.

Терпеливый человек за письменным столом просматривал свои записи.

– Спасибо. Пока что все ясно. А теперь давайте немного вернемся назад. После кофе вы помогли миссис Рискоу помыть посуду. Приблизительно в девять тридцать вечера вы оба вернулись в эту комнату, где миссис Макси, мисс Лидделл и доктор Эппс подсчитывали выручку после праздника. Вы сказали им, что идете с миссис Рискоу прогуляться, и попрощались с мисс Лидделл и доктором Эппсом, которые к вашему возвращению должны были покинуть Мартин-гейл. Миссис Макси обещала оставить открытой балконную дверь в гостиной и попросила запереть ее, когда вы вернетесь. Об этом слышали все присутствовавшие?

– Насколько мне известно, все. Никто эти слова никак не откомментировал, потому что все были заняты подсчетом денег. Сомневаюсь, дошел ли до них смысл сказанного.

– Странно, что дверь в гостиной вам оставили открытой, ведь дверь черного хода тоже была незаперта. Это Стаббс на стене позади вас? В доме несколько отличных вещей, которые легко унести.

Феликс не повернул головы.

– Культурный фараон! Я думал, такие только в детективных романах бывают. Поздравляю! Но Макси не рекламируют свои богатства. Соседей не стоит бояться. По этому дому бродят все, кому заблагорассудится, вот уже три сотни лет. Замками и засовами здесь не увлекаются, разве что парадную дверь запирают. Ее закрывает на щеколду и засов каждый вечер Стивен Макси или его сестра, это как бы имеет некий эзотерический смысл. А во всем остальном они весьма беспечны. В этом и во многом другом они, видно, полагаются на нашу изумительную полицию.

– Прекрасно! Вы пошли в сад с миссис Рискоу около половины десятого вечера и гуляли там вдвоем. О чем вы говорили, мистер Херн?

– Я попросил миссис Рискоу выйти за меня замуж. Через два месяца я уезжаю в Канаду, в нашу торговую фирму, и я подумал, что неплохо было бы соединить бизнес с медовым месяцем.

– И миссис Рискоу приняла ваше предложение?

– Как мило с вашей стороны, что вам это интересно, инспектор, но боюсь, я должен вас разочаровать. Вам может по-

казаться необъяснимым, но миссис Рискоу не выказала никакого энтузиазма.

Воспоминания захлестнули его, Темнота, дурманящий запах роз, жаркие быстрые поцелуи, выражавшие скорее его острую потребность в ней, но не страсть, он это сам понимал. А потом вялость и скука в ее вопросе: «Замуж, Феликс? Не слишком ли много разговоров о свадьбах в нашей семье? Господи, как я мечтаю, чтобы она умерла!» Он тогда понял, что сглупил, слишком рано завел этот разговор. Время и место не те выбрал. Может, и слова были не те? А что же именно она на самом деле хотела? Голос Далглиша вернул его к настоящему.

– И сколько времени вы пробыли в саду, сэр?

– Я мог бы заверить вас, что время перестало для меня существовать, это было бы, так сказать, куда эффективнее. Но в интересах вашего расследования, тем не менее, сообщаю, что мы очутились в гостиной без четверти одиннадцать. Часы с боем, которые висят над камином, били без четверти одиннадцать, когда я закрыл дверь и задвинул щеколду.

– Эти часы на пять минут спешат, сэр. Продолжайте, пожалуйста.

– В таком случае мы вернулись без двадцати. Я не глядел на свои часы. Миссис Рискоу предложила мне виски, но я отказался. И от молока отказался, а она пошла на кухню за своим. Она вернулась через несколько минут и сказала, что передумала. Еще она сказала, что ее брат, видно,

еще не вернулся. Мы поболтали, условились, что в семь утра на следующий день поедem покататься верхом. Потом пошли спать. Я спал неплохо. Насколько я знаю, миссис Рискоу тоже. Утром я оделся и ждал ее в холле, когда услышал, что меня зовет Стивен Макси. Просил помочь ему с лестницей. Остальное вам известно.

– Вы убили Салли Джапп, Херн?

– Нет, насколько мне известно.

– Что вы хотите этим сказать?

– Хочу сказать, что мог бы сделать это в состоянии беспамятства, но это предположение вряд ли имеет практическое значение.

– Думаю, подобную версию следует отклонить. Мисс Джапп была убита человеком, который – или которая – знал, что он делает. А кто убийца, как вы думаете?

– Вы считаете, я в состоянии всерьез отнестись к этому вопросу?

– Я считаю, что вы ко всем вопросам должны относиться всерьез. Убита молодая мать. Я намерен найти убийцу, не тратя

зря времени – ни своего, ни чужого, и я надеюсь на вашу помощь.

– Понятия не имею, кто убил ее, и сомневаюсь, сказал ли бы я, если бы знал. Не разделяю я вашей любви к абстрактной справедливости. Тем не менее я готов помочь вам – а именно, указать на некоторые факты, которые вы, со своей страстью к долгим допросам подозреваемых, могли как-то проглядеть. Кто-то залез через окно девчонки. У нее на подоконнике стояли стеклянные зверюшки, которые разбросал убийца. Окно было открытым, а волосы у нее – влажными. Прошлой ночью шел дождь с половины первого до трех. Думаю, ее убили до половины первого, иначе она закрыла бы окно. Малыш проснулся как обычно. Соответственно, гость не шумел. Не похоже, чтобы между ними произошла бурная ссора. Предполагаю, что Салли самапустила своего гостя в комнату через окно. Он, может, лез по стремянке. Она, безусловно, знала, где стремянка стоит. Вероятно, они условились о встрече, А вот почему ее убили – это требует разгадки. Я не знал ее близко, но она никогда не казалась мне слишком сексуальной или девицей легкого поведения. Человек этот, быть может, любил ее, и, когда она сказала о своем намерении выйти замуж за Стивена Макси, он убил ее в приступе ревности или гнева. Не верю, что это было преднамеренное убийство. Салли закрыла дверь, чтобы им никто не мешал, и мужчина вылез в окно, не открывая двери. Он, может, и не подозревал, что она закрыта. А если бы знал, он бы, наверно, отпер ее, чтобы замести следы. Эта запертая дверь – серьезное для вас разочарование, инспектор. Даже вы с трудом можете представить себе, как кто-нибудь из членов семьи карабкается по стремянке, чтобы попасть в собственный дом и выбраться из него. Я знаю, как приковывает ваше внимание эта самая помолвка Макси и Джапп, но можете не напоминать мне о том, что если бы мы вынуждены были совершать убийство всякий раз, когда надо избавиться от чьей-то помолвки, смертность среди женщин была бы очень высокой.

Феликс понимал, произнося монолог, что делает ошибку. „Страх загнал его в ловушку – он снова взбесился и распустил язык. Сержант смотрел на него смиренным и немного жалостным взглядом человека, который на своем веку повидал много людей, выставлявших себя дураками, но тем не менее всякий раз надеется, что болван возьмет себя в руки. Далглиш заговорил мягко:

– Я считал, что вы хорошо провели ночь. А вы говорите, что дождь шел от половины первого до трех.

– Я хорошо ее провел.

– Значит, вы страдаете от бессонницы? А что вы принимаете?

– Виски. Но в чужом доме редко.

– Вы рассказывали, как было обнаружено тело и как вы пошли в ванную комнату с миссис Рискоу, а доктор Макси – звонить в полицию. Спустя какое-то время миссис Рискоу пошла к своей матери. А что вы после этого делали?

– Я подумал, что надо бы сходить к миссис Балтитафт, посмотреть, как она там. Вряд ли кто-нибудь захочет завтракать, но ясно было как божий день, что кофе понадобится прорва, да и сэндвичи не помешают. Она была в трансе, все причитала, что Салли, верно, сама на себя руки наложила. Я растолковал ей, как можно деликатнее, что с анатомической точки зрения это не представляется возможным, отчего она еще больше стала убиваться. Сначала она глянула на меня испытующе, точно на незнакомца, и потом принялась навзрыд рыдать. Мне удалось успокоить ее, тут и мисс Бауэрз явилась с малышом и очень ловко покормила его завтраком. Марта взяла себя в руки, и мы принялись готовить кофе и завтрак для господина Макси. К этому времени прибыла полиция, и нам велено было ждать в гостиной.

– Миссис Балтитафт разрыдалась тогда в первый раз, дав волю своему горю?

– Горю? – Наступила чуть заметная пауза. – Она просто была очень напугана, как все мы.

– Спасибо, сэр. Вы нам очень помогли. Ваши показания будут отпечатаны, а потом попрошу вас перечитать их и, если вас все устроит, расписаться. Захотите мне что-нибудь еще сообщить, милости прошу. Я буду здесь. Если вы возвращаетесь в гостиную, пожалуйста, пригласите ко мне миссис Балтитафт.

Это было приказание, а не просьба. У дверей Феликс услышал снова тихий голос.

– Вы вряд ли удивитесь, услышав, что ваши показания почти дословно совпадают с показаниями миссис Рискоу. За одним исключением, миссис Рискоу сказала, что вы провели почти всю ночь в ее комнате, а не в своей. Она сказала на самом деле, что вы спали вместе.

Феликс остановился. Секунду-другую он глядел на дверь, потом повернулся и посмотрел на мужчину за письменным столом.

– Очень мило со стороны миссис Рискоу, но мою жизнь это осложняет, верно?

Боюсь, вам самому предстоит разобраться, кто из нас лжет,

инспектор.

– Спасибо, – сказал Далглиш. – Я уже разобрался.

7

Далглишу на своем веку довелось частенько встречать таких Март, с ними говорить легко. Они заботятся о хлебе насущном, о быте, по горло заняты черной работой, которую должен ведь кто-то исполнять, чтобы другие могли печься о своей душе. Они находят своим собственным скромным эмоциональным потребностям удовлетворение в работе. Они – преданные, работающие, честные и дают полезные показания, потому что лишены воображения и не привыкли лгать. Они могут мешать, если решат защищать тех, кому преданы, но эту явную опасность можно предусмотреть. Он не ждал никаких осложнений с Мартой. Когда он начал с ней беседовать, то с раздражением обнаружил, что ее кто-то уже натаскал. Она будет точна, почтительна, но выудить из нее информацию будет дьявольски трудно. Марту натаскали, не велика загадка, кто именно постарался. Далглиш терпеливо вел допрос.

– Итак, вы готовите и помогаете ухаживать за мистером Макси. Нелегкая забота. Это вы предложили миссис Макси нанять мисс Джапп?

– Нет.

– А кто, не знаете?

Марта помолчала, словно обдумывая, как бы не позволить себе лишнее.

– Должно быть, мисс Лидделл. А может, мэм сама решила. Не знаю.

– Но я полагаю, что миссис Макси сначала обсудила это с вами, а потом уже наняла девушку?

– Она только сказала, а решала все сама.

Далглиша начало раздражать это раболепие, но голос его не изменился. За ним этого не водилось – терять самообладание, допрашивая свидетеля.

– Миссис Макси и раньше приглашала на работу мать-одиночку?

– Да о таком раньше и подумать никто не смел! Все наши горничные поступали к нам с безупречными характеристиками.

– Так что это, эксперимент? И как, по-вашему, удачный? Вы больше всех прочих общались с мисс Джапп. Какой она была?

Марта не ответила.

– Вы были довольны тем, как она работает?

– Вполне. Поначалу, во всяком случае.

– А почему вы изменили свое мнение? Может, потому что она спала подолгу?

Упрямые глаза под тяжелыми веками не ожидаемо забегали.

– Она кое-что похуже себе позволяла, чем спать допоздна.

– Что же?

– Нахальной стала.

– Да, для вас это было испытанием, должно быть. А с чего же мисс Джапп стала нахальной?

– Девчонки все такие. Начинают тихонями, а потом ведут себя точно хозяйки дома.

– Может, Салли Джапп думала, что в один прекрасный день она станет хозяйкой дома?

– В таком случае она спятила.

– Но ведь доктор Макси сделал ей предложение в субботу вечером.

– Ничего об этом не знаю. Доктор Макеи не мог жениться на Салли Джапп.

– Кто-то и впрямь сделал это невозможным, верно? А как вы думаете, кто?

Марта не ответила. Что тут скажешь? Если Салли Джапп убита по этой причине, круг подозреваемых весьма узкий. Далглиш начал допрашивать ее, требуя утомительных подробностей о событиях, происшедших в субботу днем и вечером. О празднике она мало что могла сказать. Она в нем участия не принимала, прошла один раз по саду, перед тем как дать ужин мистеру Макси и перестелить поудобнее постель. Когда она вернулась на кухню, Салли только что покормила Джимми и понесла купать – ванночка была в комнате за кухней, а в раковине стояли тарелка и кружка малыша. Девушка больше не появилась, Марта не стала времени терять на ее поиски. Господа сами ужинали, на ужин была только холодная закуска, и миссис Макси не позвала ее. Потом миссис Рискоу и мистер Херн пришли помочь помыть посуду. Они не спрашивали, вернулась ли Салли. Никто о ней не говорил. Все больше о празднике говорили. Мистер Херн смеялся и шутил с миссис Рискоу, пока они посуду мыли. Очень веселый джентльмен. Но ждать и помогать с горячими напитками не стали. Их поздно готовят. Банка с какао была в буфете вместе с другими бакалейными продуктами, ни миссис Рискоу, ни мистер Херн не заглядывали в буфет. Она из кухни не уходила, пока они там были.

Когда они ушли, она включила на полчаса телевизор. Нет, она не беспокоилась из-за Салли. Девушка придет, когда захочет. Примерно без пяти десять Марта поставила кастрюльку с молоком на край плиты, чтобы оно медленно грелось. Она так

обычно делает, чтобы пораньше пойти спать. Приготовила кружки на подносе. Еще большие чашки и блюда, если кто из гостей пожелает горяченького на ночь. Салли прекрасно знала, что из голубой кружки пьет миссис Рискоу. Да все в Мартингейле знали. Молоко согрелось, и Марта пошла спать. В постель легла, еще половины одиннадцатого не было, ночью ничего такого не слышала. Утром пошла будить Салли и обнаружила, что дверь заперта. Она пошла к мэм. Остальное он знал.

Больше сорока минут угробил Далглиш на то, чтобы вытащить эту ничем не примечательную информацию, но нетерпения не проявлял. Теперь подошли к тому моменту, когда было обнаружено тело. Важно было сопоставить показания Кэтрин Бауэрз и Марты. Если они совпадут, по крайней мере одна из его рабочих гипотез правильная. Показания совпали. Он терпеливо расспрашивал о пропавших снотворных таблетках. Но здесь удача изменила ему. Марта Балтитафт не верила, что Салли нашла таблетки в постели хозяина.

– Салли все норовила сделать вид, что ухаживает за хозяином. Может, она когда и сидела ночью, если мэм больно усталая была. Но он никого, кроме меня, к себе не подпускал. Я все самое тяжелое делаю. Если бы что было припрятано в постели, я бы нашла.

Это был самый длинный монолог из всех, что она произнесла. Далглишу он показался убедительным. Под конец он спросил ее о пустой банке из-под какао. Она снова говорила тихо, без экзальтации, но с уверенностью. Она нашла пустую банку на кухонном столе, когда спустилась приготовить утренний чай. Сожгла бумагу, что внутри, вымыла банку и бросила в помойку. Почему она сначала помыла ее? Потому что мэм не любит, когда грязные или жирные банки бросают в ведро, банка из-под какао не была, конечно, жирной, но это не имеет значения. Все использованные консервные банки в Мартингейле моют. А почему бумагу сожгла? Она не могла помыть банку с бумагой, ведь так? А когда банка стала пустой, она ее вымыла и выбросила. По ее тону ясно было, что ни один здравомыслящий человек не поступил бы по-другому.

Далглиш ума не мог приложить, как перепроверить эту историю. Сердце замирало при мысли, что придется допрашивать миссис Макси о том, каким обычно методом пользуются Макси, когда хотят избавиться от использованных консервных банок. Снова он почувствовал, что Марту натаскали. И все-таки он нашел конец клубка. Его ангельское терпение, которое не подвело его на протяжении последнего часа, было вознаграждено.

Глава 5

1

Приют св. Марии находился примерно в миле от основной части деревни – уродливое здание из красного кирпича с множеством башенок и коньков, в стороне от проезжей дороги, в зарослях лаврового куста. Подъездная аллея из гравия вела к парадным дверям, молоток от бесконечного пользования блестел, точно полированный. На всех окнах белели белоснежные сетчатые занавески. Узкие каменные ступеньки вели вниз, на квадратный газон, где сгрудилось несколько колясок. Им открыла дверь горничная в наколке и фартучке – наверное, тоже мамаша, подумал Далглиш – и провела их в тесную комнатку налево. Она растерялась, не знала, что делать, не могла запомнить имени Далглиша, хотя он повторил его дважды. Беспомощно топчась на пороге, она тупо разглядывала его большими глазами сквозь стекла очков в стальной оправе.

– Не беспокойтесь, – сказал Далглиш дружелюбно, – сообщите мисс Лидделл, что двое полицейских из Мартингейла хотят ее видеть. Мы ей объясним цель нашего приезда.

– Простите, я должна сообщить ваши имена. Меня готовят к работе горничной.

Ее мучили отчаянное упрямство, страх перед мисс Лидделл и смущение, что она очутилась в комнате с двумя незнакомыми мужчинами, да к тому же полицейскими. Далглиш протянул ей свою визитную карточку:

– Вот, вручите ей. Пусть будет все по правилам этикета. И не волнуйтесь вы так. Из вас получится прекрасная горничная. Теперь они на вес золота.

– Но не те, кто в подоле младенца принес, – сказал сержант Мартин, когда хрупкая фигурка исчезла за дверью, еле слышно прошептав что-то похожее на «спасибо». – И как такая уродина попала сюда?! Потерянная какая-то. Кто-то, видно, все же не упустил случая.

– Она из числа тех, кто сам не упускает своего случая с той минуты, как появляется на свет.

– И напугана до смерти. Мисс Лидделл держит девчонок в ежовых рукавицах.

– Прекрасно к ним относится, согласно ее меркам. Впрочем, на ее работе легко стать сентиментальной, с кем только не приходится иметь дело. Здесь нужно запастись надеждой, верой и милосердием. Другими словами, надо быть святой, но вряд ли мисс Лидделл можно причислить к лику святых.

– Да, сэр, – сказал сержант Мартин. И тут же подумал, что к ситуации скорее бы подошло «нет, сэр».

Не подозревая, что произнес святотатственную фразу, Далглиш медленно пошел по комнате. Она была удобной, но скромной, вот только слишком много, подумал инспектор, личных вещей мисс Лидделл. Дерево сияло – так все было отполировано. Спинет^[11] и столик розового дерева, казалось, пышут жаром, столько усердия и энергии было затрачено на них. Единственное большое окно, выходящее на газон, было задернуто кретоновыми занавесками в цветочек, и солнце не попадало в комнату. Ковер, хоть и повидавший виды, относился не к числу тех, что обычно стелют в присутственных местах, какими бы демократичными и общедоступными они ни были. Комната во всем носила отпечаток мисс Лидделл, словно она была владелицей этого дома. Вдоль стен висели фотографии малышей. Малыши лежали голенькими на ковриках, беспомощно и бессмысленно повернув головки к фотообъективу, беззубо улыбались из ванночек и кроваток. Одеты в шерстяные вещички, они улыбались на руках своих мам. Один-два лежали, свернувшись комочком, на руках смущенных мужчин. Это, видно, счастливики, заполучившие официальных отцов. Над небольшим письменным столом красного дерева висела в рамке фотография женщины за прялкой, внизу была надпись: «От имени Комитета за моральное процветание Чадфлита и района – мисс Алисе Лидделл, смотрительнице приюта св. Марии, в честь двадцатилетия преданной дружбы». Далглиш и Мартин посмотрели на фотографию одновременно.

– Я бы не назвал эту комнату приютом, – сказал сержант.

Далглиш еще раз обвел взглядом обстановку, бережно хранимые свидетельства детства мисс Лидделл.

– Такое впечатление, что это дом одинокой женщины. И она прожила в нем лет двадцать. Да она на что угодно способна, лишь бы ее отсюда не выгнали.

Сержант Мартин не смог ответить, ибо в комнату вошла упомянутая леди. Мисс Лидделл на родной почве всегда чувствовала себя спокойнее. Она сдержанно пожала им руки и извинилась, что заставила себя ждать. Взглянув на нее, Далглиш понял, что она замешкалась, пудрясь и собираясь с духом. По всему было видно, что, если позволят обстоятельства, она намерена отнестись к их визиту как к светскому, и, разыгрывая из себя неопытную хозяйку, предложила им сесть. Далглиш отказался от чая, осмотрительно избегая полного упрека взгляда сержанта. Мартин покрылся испариной. Лично он полагал, что педантичность при допросе потенциального подозреваемого

может очень далеко завести, а чашка горячего чая в такой жаркий день нисколько не помешает правосудию.

– Мы постараемся не задерживать вас долго, мисс Лидделл. Уверен, вы догадались, что я расследую дело об убийстве Салли Джапп. Как я понимаю, вчера вечером вы ужинали в Мартингейле. Вы были также и на празднике вчера днем и, конечно же, знали мисс Джапп, ведь она жила в приюте святой Марии. Есть один-два момента, которые, я надеюсь, вы могли бы разъяснить. При последних словах Далглиша мисс Лидделл вздрогнула, а когда сержант Мартин почти с покорным видом достал свой блокнот, Далглиш заметил, что она быстро облизнула губы, а ее руки едва ощутимо напряглись – теперь она была начеку.

– Я целиком к вашим услугам, инспектор, я не ошиблась, вы – инспектор? Конечно, я знала Салли очень хорошо, и происшедшее с ней потрясло меня. Всех нас. Но боюсь, не смогу быть вам полезной. Я не очень способна замечать и запоминать. Обидно, конечно, но не все рождаются детективами. Верно? – Нервный смешок был чуть-чуть тоньше обычного, чтобы сойти за естественный.

«Ну и напугали же мы старуху, – подумал сержант Мартин. – Но тут кое-что кроется».

– Давайте начнем с самой Салли Джапп, – сказал Далглиш, мягко. – Как я понимаю, она жила здесь последние пять месяцев беременности и вернулась сюда после родов из больницы. Жила, пока не начала работать в Мартингейле, тогда ее малышу было четыре месяца. До того она помогала по дому. Вы, должно быть, узнали ее очень хорошо за это время. Она нравилась вам, мисс Лидделл?

– Нравилась? – Женщина нервно засмеялась. – Ну не странный ли это вопрос, инспектор?

– Разве? А почему?

Она попыталась скрыть смущение и ответить на вопрос, все продумав и взвесив.

– Даже и не знаю, что сказать. Если бы вы задали мне этот вопрос неделю назад, я бы, не задумываясь, сказала, что Салли отличная работница и замечательная девушка, которая изо всех сил старается заслужить прощение за свою ошибку. Но теперь меня мучат сомнения – может, ошиблась я в ней, может, она лицемеркой была. – Она говорила с печалью специалиста, чьи неоспоримые суждения оказались на поверку ложными. – Боюсь, мы никогда теперь не узнаем, искренней она была или нет.

– Вы подразумеваете под словом «искренняя», была ли она действительно влюблена в Стивена Макси?

Мисс Лидделл грустно покачала головой:

– По тому, как она все это преподнесла, ни за что не скажешь. Никогда в жизни я не испытывала такого ужаса, инспектор, никогда. Конечно, не имела она права принимать его предложение, что бы она к нему ни чувствовала. Встала у окна и сообщила нам свою новость, победительница, да и только. Он совсем растерялся, побелел как полотно. Тяжелые минуты выпали бедняжке миссис Макси. До конца дней своих не прощу себе. Ведь это я рекомендовала Салли в Мартингейл, вы же знаете. Мне это казалось прекрасной перспективой для нее, во всех отношениях прекрасной. И на тебе.

– Значит, вы верите, что смерть Салли Джапп непосредственно связана с ее помолвкой с мистером Макси?

– Да, похоже на то.

– Согласен, ее смерть кому-то на руку, у кого было основание отнестись враждебно к предполагаемой женитьбе. Семейству Макси, к примеру.

Лицо мисс Лидделл вспыхнуло.

– Но это нелепо, инспектор! Как можно сделать такое чудовищное предположение! Чудовищное! Конечно, вы плохо знаете эту семью, не то что мы, но поверьте: подобная версия – дикость. Как можно было подумать, что я их имела в виду! Мне лично абсолютно ясно, что произошло. Салли вовсю крутила с кем-то, кого мы не знаем, и когда парень услышал о помолвке, потерял над собой контроль. Он ведь влез в окно, верно? Так мне мисс Бауэрз сказала. Вот вам и доказательство, что это не член семьи.

– Убийца, не исключено, вылез из окна. Но мы пока не знаем, как он – или она – попал в комнату.

– Ну можно ли вообразить, что миссис Макси спускается вниз по стене?! Она не в состоянии это сделать

– Я ничего не воображаю. Лестница была на своем обычном месте, и ею мог воспользоваться любой. Ее могли приставить к стенке заранее, даже если убийца проник в комнату через дверь.

– Но Салли услышала бы. Даже если бы лестницу приставляли очень тихо. Или она могла выглянуть из окна и увидеть ее.

– Может быть. Если бы она не спала.

– Я не понимаю вас, инспектор. Вы, похоже, подозреваете эту семью. Если бы вы только знали, сколько они сделали для девчонки.

– Я был бы рад узнать. А вам следует понять меня правильно. Я подозреваю каждого, кто знал мисс Джапп и у кого нет алиби. Поэтому я сейчас здесь.

– Вы знаете, очевидно, где и когда я была. Не собираюсь из этого делать секрета. Доктор Эппс подвез меня. Мы уехали из Мартингейла примерно в половине одиннадцатого. Я кое-что записала здесь, в этой комнате, потом прогулялась по саду. Около одиннадцати легла спать, для меня это довольно поздно. Я услышала о чудовищном событии, когда заканчивала завтрак. Позвонила мисс Бауэрз и спросила, не смогу ли я забрать Джимми ненадолго, пока они не решат, что с ним делать дальше. Естественно, я оставила девушек на мисс Поллак, свою заместительницу, и тотчас же поехала в Мартингейл. Позвонила Джорджу Хопгуду и попросила его подождать такси.

– Вы сказали ранее, что известие о помолвке мисс Джапп с мистером Макси послужило причиной ее смерти. Но как эти новости узнали в деревне? Мне пояснили, что мистер Макси сделал ей предложение в субботу вечером, так что ни одному человеку, кто не был у них в доме после этого, не могло стать известно о помолвке.

– Доктор Макси, может, и сделал предложение в субботу, но, без сомнения, девчонка решила подцепить его куда раньше. Что-то у нее сложилось, я уверена в этом. Я видела ее на празднике, она весь день пылала от возбуждения. А вам рассказывали, что она вырядилась в точно такое, как у миссис Рискоу, платье?

– Вы даже не допускаете мысли, что у нее мог быть еще какой-то мотив?

– Просто это доказывает, в каком направлении у нее работали мозги. Будьте уверены, Салли получила по заслугам. Мне просто очень жалко Макси – по ее вине они оказались втянуты в такую неприятную историю.

– Вы сказали, что легли спать около одиннадцати, погуляв в саду. Может кто-нибудь подтвердить ваши слова?

– По-моему, меня никто не видел, инспектор. Мисс Поллак и девочки ложатся спать в десять. У меня, естественно, свой ключ. Вообще-то я к таким прогулкам не привыкла, но очень уж разнервничалась. Не могла не думать о Салли и мистере Макси, понимала, что мне не заснуть, если слишком рано лягу.

– Спасибо. И еще два вопроса. Где вы храните ваши личные бумаги? Я имею в виду документы, касающиеся приюта. Письма в комитет, к примеру.

Мисс Лидделл подошла к конторке розового дерева:

– В этом ящике, инспектор. Естественно, я его запираю, но убирать в комнате я разрешаю только самым надежным девушкам. Ключ лежит вот в этом небольшом ящике наверху.

Она приподняла крышку конторки и показала, где именно.

Пожалуй, только самая ленивая и тупая горничная не найдет ключ, решишь она его поискать, подумал Далглиш. Мисс Лидделл явно привыкла иметь дело с девицами слишком трусливыми, что бы совать нос в официальные бумаги. Но Салли Джапп, он подозревал, не была ленивой или тупой. Он поделился своими сомнениями с мисс Лидделл, и, как того и ожидал, образ Салли, ее перебирающие бумаги пальцы и насмешливый взгляд взбесили мисс Лидделл куда сильнее, чем его вопрос относительно семьи Макси.

– Вы считаете, что Салли могла рыться в моих вещах? Ни за что бы в это не поверила, но, может, вы правы. Да, да, теперь понятно. Вот почему ей нравилось убирать здесь. Все это послушание, вежливость – одна видимость. И подумать только – я доверяла ей. Я впрямь считала, что она привязана ко мне, что я помогаю ей. Вы знаете, она делилась со мной своими секретами. Но она врала мне, ясное дело. Смеялась небось надо мной. Наверное, и вы меня дурой считаете. Что ж, может, и так, но я ничего такого не сделала, чего бы мне надо было стыдиться. Ничего! Вам наверняка уже доложили о той сцене в столовой Макси. Ей меня не напугать. Кое-какие были у меня здесь трудности в прошлом. Я с цифрами и счетами не в ладах. Никогда и не прикидывалась, что у меня это получается. Но ничего дурного я не сделала. Спросите у любого члена комитета. Салли могла рыться в моих бумагах, сколько ей заблагорассудится. Ей бы только на пользу пошло.

Ее трясло от бешенства, и, произнося последние слова, она даже не пыталась скрыть горькое злорадство. Далглиш не ожидал, что его последние слова будут иметь такой эффект.

– Один из моих подчиненных был у Прокторов, ее ближайших родственников. Мы надеялись, что они сообщат нам какую-нибудь информацию относительно ее жизни. Дома была их дочка, она кое-что рассказала нам. Не объясните ли мне, мисс Лидделл, почему вы звонили мистеру Проктору рано утром в субботу в утро праздника? Девочка сказала, что она подходила к телефону.

Яростное негодование внезапно сменилось крайним удивлением. Забавное получилось зрелище.

– Я-а? Звонила мистеру Проктору? Не понимаю, о чем вы! Я не разговаривала с Прокторами с тех пор, как Салли переехала в Мартингейл. Они никогда ею не интересовались. С чего это вдруг мне звонить Проктору?

– Это как раз мне и хотелось узнать, – сказал Далглиш.

– Глупость какая-то! Если бы я позвонила Проктору, с чего бы мне теперь отказываться?! Не звонила я. Девочка сказала

неправду.

– Безусловно, кто-то говорит неправду.

– Я не говорю, – отрезала мисс Лидделл решительно, хотя грамматически не очень верно.

Далглиш, по крайней мере в этом, был склонен поверить ей. Когда она провожала его до дверей, он спросил мимоходом:

– Вы рассказали кому-нибудь, возвратясь домой, о том, что произошло в Мартингейле, мисс Лидделл? Если ваша помощница еще не легла спать, вы, естественно, сообщили ей о помолвке.

Мисс Лидделл замялась, потом стала оправдываться:

– Эту новость все равно бы все узнали, верно? Я хочу сказать, Макси вряд ли рассчитывали, что она будет храниться в тайне. Я действительно рассказала мисс Поллак. И мисс Пуллен. Она пришла из «Розового коттеджа», чтобы вернуть чайные ложки, которые мы давали на праздник. Болтала с мисс Поллак, когда я вернулась из Мартингейла. Так что мисс Пуллен знала тоже, но вы же не станете утверждать, что есть какая-то связь между тем, что я рассказала ей, и смертью Салли?

Далглиш ответил уклончиво. Он не был в этом уверен.

2

К ужину дневная суета в Мартингейле вроде бы улеглась. Далглиш и сержант продолжали работать в кабинете, откуда сержант вдруг выныривал переговорить с полицейским, дежурившим на крыльце. Прикатывали таинственные полицейские машины, выгружали пассажиров в полицейской форме, ждали их недолго, а потом увозили. Макси и их гости наблюдали за приездами и отъездами из окон, но ни за кем с полудня не присылали, похоже, допрос закончился на этот день, и обитатели дома могли надеяться, что во время ужина их никто не станет беспокоить. В доме вдруг стало очень тихо, и когда Марта в половине восьмого боязливо ударила в гонг, его звук, бесцеремонно вторгаясь в горестное молчание, показался обитателям дома, чьи нервы и так были на пределе, неестественно громким. Призрак Салли скользнул от дверей к буфету, и когда миссис Макси позвонила и открылась дверь, никто не поднял головы. Настроение самой Марты отразилось на меню, оказавшемся весьма скудным, аппетита ни у кого не было, да и с чего ему было быть. Потом они перешли в гостиную, словно их всех призвал чей-то неслышный голос. Они очень обрадовались Хинксу, увидев, как тот идет мимо окна, и Стивен вышел к нему навстречу. Он был посланцем внешнего мира, одно это успокаивало. Никто ведь не мог обвинить священника в

убийстве Салли Джапп. Он, видно, пришел их поддержать и утешить. Но единственным утешением сейчас для Макси могло быть одно – весть, что Салли не умерла, что им просто приснился кошмарный сон и они сейчас проснутся, усталые и измученные от недосыпу, но ликующие, что все это сплошная выдумка. Но коли ждать этого не приходилось, оставалось черпать силы в беседе с человеком, на которого не падала тень подозрения и который мбг хоть немного скрасить этот чудовищный день. Они, оказывается, даже шепотом говорили, и когда Стивен окликнул священника, его голос прогремел выстрелом. И вот Хинкс уже с ними – он вошел в гостиную следом за Стивеном, четыре пары глаз вопрошающе смотрели на него, словно ждали приговора, который им вынес окружающий мир.

– Бедняжка, – сказал он. – Бедняжка. Вчера вечером она была так счастлива.

– Вы разговаривали, значит, с ней после праздника? – Стивен не смог подавить требовательные нотки.

– Нет, не после праздника. Я все время путаюсь, когда это было. Такая глупость. Да, вы вот сейчас спросили, и я вспомнил, я с ней вообще вчера не разговаривал, хотя, конечно, видел в саду. В очень красивом белом платье. Нет, я разговаривал с ней в четверг вечером. Мы шли с ней по дороге, и я спросил ее о Джимми. Да, думаю, в четверг. Да, верно, потому что в пятницу я весь вечер был дома. Последний раз я с ней в четверг разговаривал. Она была такая счастливая! Сказала мне о своем замужестве, о том, что у Джимми будет отец. Ну да вы, думаю, все сами знаете. А для меня это было неожиданностью, но, конечно же, я был рад за нее. И вот тебе, пожалуйста. Полиция еще ни до чего не дозналась?

Он оглядел всех вежливо-вопросительным взглядом, не понимая, видно, какое впечатление произвели его слова. С минуту все молчали, потом Стивен сказал:

– Вы, вероятно, тоже знаете, отец, что я просил Салли стать моей женой. Но она не могла сказать вам об этом в четверг. Она тогда еще этого сама не знала. Я ни разу не говорил ей, что собираюсь сделать предложение, покуда не сделал его без двадцати восемь в субботу вечером.

Кэтрин Бауэрз хмыкнула и тут же в замешательстве отвернулась под взглядом Деборы. Хинкс нахмурил брови, но его старческий тихий голос звучал твердо:

– Я путаюсь во времени, за мной это водится, но мы встретились в четверг, я в этом уверен. Я выходил из церкви после вечерни, а Салли проходила мимо с Джимми, он сидел в прогулочной коляске. Я не могу ошибиться – разговор был

именно об этом. Может, слова не совсем такие были, но общий смысл такой. Салли сказала, что у Джимми скоро будет отец. Она попросила меня никому не говорить, Я пообещал и добавил, что очень рад за нее. Спросил, знаю ли я жениха, она засмеялась и сказала: пусть это будет сюрпризом. Она была возбуждена и счастлива. Мы совсем немного прошли вместе, я расстался с ней у своего дома, а она, думаю, пошла сюда. Я считал, вы об этом знаете. А что, это так важно? – Инспектор Далглиш скорее всего сочтет, что это важно, – сказала сухо Дебора. – Думаю, вам надо зайти к нему и все рассказать. Тут выбирать не приходится, поверьте. У этого человека сверхъестественный дар извлекать на свет божий неудобные истины.

Хинкс разволновался, но быстрый стук в дверь спас его от необходимости отвечать – появился Далглиш. Он держал маленький, заляпанный грязью пузырек, который был завернут в белый носовой платок.

– Узнаете? – спросил он.

Стивен пересек комнату, взглянул на пузырек, но трогать не стал.

– Да. Это снотворное из аптечки отца.

– Осталось семь таблеток. Подтверждаете ли вы, что исчезли три таблетки после того, как вы положили их в пузырек?

– Естественно. Я же говорил вам. Там было десять таблеток, три грана^[12] каждая.

– Спасибо, – сказал Далглиш и снова повернулся к выходу. Когда он взялся за ручку, Дебора спросила:

– Нельзя ли нам узнать, где был найден пузырек? Далглиш взглянул на нее, словно вопрос и в самом деле требовал серьезных размышлений.

– Почему бы нет? Не исключено, что один из вас действительно хочет узнать. Его нашел мой помощник, его кто-то зарыл в газоне, на том месте, где во время праздника обычно ведутся раскопки клада. Вы верно, знаете, что там дерн срезан, причем основательно, должно быть, участники соревнования очень старались. Несколько кусков рядом лежат. Пузырек засунули в норку, придавив дерном. Тот, кто это сделал, предусмотрительно пометил место деревянным именованным колышком, который валялся поблизости. Любопытно, что на нем ваше имя, миссис Рискоу. В вашей кружке – какао с наркотиком, ваш колышек служит отметиной для припрятанного пузырька.

– Но что это значит? – спросила Дебора.

– Если кто-нибудь сможет дать мне ответ на этот вопрос, я еще час-два буду в кабинете. – Он учтиво обратился к Хинксу: – Вы,

должно быть, мистер Хинкс, сэр. Я хотел повидать вас. Если вас не затруднит, уделите мне, будьте любезны, несколько минут.

Священник оглядел семейство Макси озадаченно и печально. Помолчал, будто хотел что-то сказать. Потом без слов вышел вслед за Далглишем из комнаты.

3

Только в десять вечера Далглиш смог допросить доктора Эппса. Он почти весь день посещал больных – требовавших и не требовавших неотложной медицинской помощи в воскресенье, но они служили ему веским основанием откладывать беседу с инспектором. Если ему было что скрывать, он, безусловно, решил выиграть тактикой. Его вроде бы не было оснований подозревать. Прежде всего трудно было бы найти мотив. Но он был врачом семейства Макси, их близким другом. Он не станет в открытую подвергать представителей закона обструкции, но он вправе иметь свой, нешаблонный взгляд на закон, и у него, если захочет избежать неудобных вопросов, есть лазейка – его профессиональный долг предписывает ему хранить врачебную тайну. У Далглиша и раньше были неприятности с такими типами. Впрочем, волноваться не стоило. Доктор Эппс, казалось, видел в визите инспектора медицинские цели, он пригласил его, весьма радушно, в свой хирургический кабинет, который явно был пристроен позднее к дому георгианских времен, и водрузился на вертящемся стуле возле письменного стола. Далглишу было указано на кресло для пациентов, большое деревянное резное кресло, такое низкое, что в нем вряд ли почувствуешь себя непринужденно и перехватишь инициативу. Он даже ждал, что доктор начнет засыпать его обезкураживающими, касающимися его, Далглиша, личной жизни вопросами. И действительно, доктор Эппс, очевидно, решил говорить сам. Да это и устроило Далглиша, который безошибочно угадывал, в каких именно случаях он узнает больше, если будет молчать. Доктор закурил большую, причудливой формы трубку:

– Я вам не предлагаю закурить. Или выпить по поводу нашей встречи. Знаю, что у вас не заведено пить с теми, кто может быть на подозрении. – Он бросил цепкий взгляд на Далглиша – посмотреть, как тот прореагирует, но, не получив ответа, раскурил трубку несколькими мощными затяжками и заговорил: – Не стану тратить впустую вашего времени и говорить, как ужасно случившееся. В голове не укладывается. И тем не менее, кто-то ее убил. Сжал горло и задушил. Ужасно жаль миссис

Макси. Девушку, конечно, тоже, но я, естественно, думаю о живых. Стивен позвал меня в семь тридцать. Девушка была мертва, сомневаться не приходилось. Насколько я могу судить, смерть наступила за семь часов до того. Полицейский хирург знает точнее, чем я. Девушка не была беременной. Я осматривал ее на этот предмет и знаю. Но деревенские прежде всего заподозрили именно это. Они всегда готовы услышать самое скверное. Тогда был бы мотив преступления – для кого-то.

– Если уж думать о мотиве, – ответил Далглиш, – давайте начнем с помолвки со Стивеном Макси.

Доктор заерзал на стуле.

– Чушь все это. Парень – болван. У него гроша ломаного нет, кроме того, что он зарабатывает, а это – мизер. Конечно, когда отец умрет, кое-что ему перепадет, но старые семьи живут и держат хозяйство на основном капитале, им и продать-то нечего. Правительство изо всех сил старается, облагая налогами все, что у них есть. А этот прохвост Доход жиреет за счет не поддающихся налогам махинаций. С ума нас сводит! Ну да это не ваша проблема. Можете мне поверить, Макси не в состоянии на ком-нибудь сейчас жениться. А где, он рассчитывал, Салли будет жить? Останется со свекровью в Мартингейле? Дурак всегда сам напрашивается, чтобы его к психиатру отвели.

– Из всего из этого явствует, – сказал Далглиш, – что этот брак был для семейства Макси стихийным бедствием. А следовательно, несколько человек были заинтересованы, чтобы он не состоялся.

Доктор с вызовом перегнулся к нему через стол.

– Ценой убийства девчонки? Чтобы младенец остался не только без отца, но и без матери? За кого вы нас принимаете?

Далглиш не ответил. Факты оставались неоспоримыми. Кто-то убил Салли Джапп. Кто-то, кого не остановило даже присутствие спящего ребенка. Но он отметил, что доктор не отделяет себя от Макси. «За кого вы нас принимаете?» Кому предан доктор Эппс, не оставляет сомнений.

В маленькой комнатке становилось все темнее. Сопя от напряжения, доктор потянулся через стол и включил лампу. Она была на штативе, и он терпеливо ее налаживал, чтобы свет падал на руки, а лицо оставалось в тени. Далглиш почувствовал усталость, предстояло еще уйму дел переделать, пока кончится рабочий день. Он сказал о главной причине своего визита.

– Мистер Саймон Макси ваш пациент, если не ошибаюсь?

– Конечно. Всегда был. Сейчас ему уже не поможешь. Вопрос времени, нужен хороший уход, и только. В основном за ним ухаживает Марта. Да, он мой пациент. Совершенно

беспомощный. Прогрессирующий атеросклероз с целым букетом других болезней. Если вы думаете, что он мог забраться наверх и прикончить горничную, вы ошибаетесь. Сомневаюсь, подозревал ли он вообще о ее существовании.

– Но если не ошибаюсь, вы прописывали ему снотворное на протяжении последнего года?

– Хорошо бы не говорили вы это свое «если не ошибаюсь». Вы отлично знаете, что я прописывал. Никто из этого секрета не делал. Не пойму, правда, какое оно имеет отношение к убийству. – Внезапно он напрягся. – Не хотите же вы сказать, что сначала ей дали наркотик?

– У нас еще нет эпикриза, но, похоже, дали.

Доктор не стал прикидываться, что не понимает:

– Плохо.

– Да уж мало хорошего. И есть другие настораживающие детали.

Далглиш рассказал доктору, что снотворное пропало, рассказал, где Салли якобы нашла таблетки, о том, что Стивен сделал с десятью таблетками, о том, что пузырек нашли на лужайке, где искали клад. Когда он закончил, в комнате повисла тишина. Доктор осел на стуле, до того казавшемся слишком миниатюрным для его жизнерадостной, мощной фигуры. Он заговорил низким, дрожащим голосом, и в нем слышались старческие, усталые нотки.

– Стивен не сказал мне. Но из-за этого праздника не было возможности толком поговорить. Может, решил, что от меня мало пользы. Я должен был знать, понимаете? Он не мог позволить себе такую небрежность. Его отец... мой пациент. Я знаю Саймона Макси тридцать лет. Принимал его детей. Врач должен знать своих пациентов, знать, когда им нужно помочь. Я оставлял лекарства – раз в неделю. Даже не всегда заходил к нему в комнату в последнее время. Не видел в этом смысла. Не понимаю, куда смотрела Марта. Она ухаживала за ним, все делала. Должна же была она прознать про эти таблетки. Если Салли сказала правду.

– Трудно представить, что она выдумала. К тому же она показала таблетки. Как я понимающих можно купить только по рецепту врана?

– Конечно. Просто так купить в аптеке нельзя. Это правда. Я не усомнился ни на секунду. А себя я виню. Должен был заметить, что происходит в Мартин-гейле. Не только с Саймоном Макси. Со всеми.

Значит, он думает, что совершил убийство один из них, подумал Далглиш. Он четко представляет, как разворачиваются

события, и ему это не нравится. Его-то тут не большая вина. Он думает, что преступление совершено обитателями Мартингейла. Но твердо ли он в этом уверен? И если да, то кто же из них преступник?

Он спросил, как прошел вечер в субботу в Мартингейле. Рассказ доктора Эппса о том, как Салли выглядела перед ужином, и о том, что Стивен сделал предложение, получился менее эффективным, чем у Кэтрин Бауэрз и мисс Лидделл, но в основном совпал с их рассказами. Он подтвердил, что ни он, ни мисс Лидделл не выходили из кабинета, пока считали деньги, и что он видел, как Салли поднялась по главной лестнице, когда они с хозяйкой дома проходили по холлу к парадным дверям. Он помнит, что Салли была в халате и несла что-то в руках, но что именно – не помнит. Может, чашку с блюдцем, а может, кружку. Он не разговаривал с ней. Это был последний раз, когда он видел ее живой.

Далглиш спросил, кому еще в округе прописываются снотворные таблетки.

– Я должен просмотреть свои бумаги, коль скоро вы требуете от меня точности. Это займет приблизительно минут тридцать. Речь ведь идет не о заурядном рецепте. Я могу вспомнить одного-двух. Может, конечно, еще кого-нибудь. Сэр Рейнольд Прайс с мисс Поллак из приюта святой Марии принимают их, я знаю. Конечно, мистер Макси. Между прочим, а что сейчас с его лекарствами?

– Все снотворные препараты мы изъяли. Как я понял, доктор Макси прописал эквивалент тому, что вы давали. А теперь перед уходом, доктор, я хотел бы переговорить с вашей экономкой.

Прошла целая минута, прежде чем до доктора дошло сказанное. Потом он с трудом поднялся и, бормоча извинения, пошел из кабинета в жилую половину. Там Далглиш получил на свои вполне тактичные вопросы нужные ответы – доктор действительно пришел домой без пятнадцати одиннадцать вечера, а в одиннадцать часов десять минут его вызвали принимать роды. Он и не ждал других ответов. Он мог бы перепроверить это у родственников роженицы, но сомневаться не приходилось – они подтвердят алиби до половины четвертого утра, когда он отбыл из дома миссис Бейнс в Нессинг-форде, счастливой обладательницы своего первенца. Доктор Эппс был занят большую часть субботней ночи тем, что помогал появиться на свет божий новой жизни, а не душил ее в Салли Джапп.

Доктор пробормотал что-то о позднем визите и проводил Далглиша до ворот, накинув на себя – стало прохладно – дорогое, просторное пальто, которое было велико ему по меньшей

мере на один размер. Когда они были у ворот, доктор, державший руки в карманах, вдруг воскликнул от удивления и вытащил правую руку – на ладони лежал маленький пузырек. Он был почти полон коричневых таблеток. Двое мужчин какое-то время молча глядели на них. Потом доктор Эппс сказал:

– Снотворное.

Далглиш взял носовой платок, завернул в него пузырек и опустил в карман. Он отметил инстинктивный протестующий жест доктора.

– Это лекарство сэра Рейнольда, инспектор. Не имеет никакого отношения к Макси. Это пальто Прайса, – говорил он, оправдываясь:

– А когда пальто перешло к вам, доктор? – спросил Далглиш.

Снова долгая пауза. Потом доктор, казалось, вспомнил подробности, которые не было смысла скрывать:

– Я купил его в субботу. На церковном празднике. Купил как бы в шутку... Ну как бы мы сговорились... я... и хозяйка.

– А кто это? – спросил неумолимый Далглиш.

Доктор Эппс, не глядя ему в глаза, ответил уныло:

– Миссис Рискоу.

4

Воскресенье словно вырвали из нормального течения жизни, оно тянулось бесконечно, придавленное ужасным наследием, полученным от предыдущей недели; и вот настало утро понедельника, бесцветное и безликое, просто начало дня. Почта была больше обычного – награда за исправный телефон и другие, более незаметные и менее научные методы связи в сельской местности. Должно быть, на следующий день, когда весть об убийстве в Мартингейле дойдет до тех, кто черпает информацию из газет, почта будет еще тяжелее. Дебора заказала полдюжины газет. Что это – инстинктивная самозащита или искреннее любопытство? – подумала мать.

Полицейские по-прежнему оккупировали кабинет, хотя сообщили о своем намерении перебраться в гостиницу «Охотники за луной»^[13] в конце дня. Миссис Макси про себя пожелала им приличной еды. Комната Салли была заперта. Ключ был только у Далглиша, он не объяснял никому, почему он частенько туда заходит, что он там нашел или что надеялся найти.

Лайонел Джефсон приехал рано утром, суетливый, крикливый и бестолковый. Макси надеялись только на то, что он окажется полицейским такой же обузой, какой и им. Как Дебора и

предполагала, он совершенно растерялся в непривычной ситуации. Его взвинченность, бесконечные советы и замечания доказывали, что он или сомневается в невиновности своих клиентов, или не верит в возможности полиции. Все в доме вздохнули с облегчением, когда он умчался перед ленчем в город, якобы проконсультироваться с коллегой.

В двенадцать телефон зазвонил в двадцатый раз.

В трубке загудел голос сэра Рейнольда Прайса, отчитывающего миссис Макси:

– Это позор, моя дорогая! Чем там занимается полиция?
– Сейчас, думаю, пытаются выйти на след отца ребенка.
– Боже! Зачем? Лучше бы они выяснили, кто убил ее.
– Они считают, что между этими фактами есть связь.
– Чушь у них в голове. Они и у меня побывали. Хотели узнать о каких-то там таблетках, которые Эппс прописал мне. Да это было несколько месяцев назад. Удивительно, что он запомнил. И с чего это они интересовались ими, как по-вашему? Удивительно. Пока что не собираетесь меня арестовывать, инспектор? Это я у него спросил. И знаете, ему понравилось. – Веселый смех сэра Рейнольда неприятно задребезжал у миссис Макси в ухе.

– Представляю, как он вам докучал, – сказала миссис Макси. – Боюсь, что это грустное происшествие много неприятностей всем нам доставит. Они уехали довольные?

– Полицейские? Дорогая моя, полицейские никогда не бывают довольными. Я просто сказал им: вам у меня ничего не найти. Горничные выбрасывают все, что не заперто на ключ. Смешно искать пузырек с таблетками, которые я принимал несколько месяцев назад. Идиотская затея. Инспектор, видимо, полагал, что я должен запомнить, сколько я принял и где остальные. Нет, вы подумайте! Я сказал ему, что у меня есть занятия поинтереснее. Они еще спрашивали о том, что у нас произошло года два назад в приюте святой Марии. Инспектору очень хотелось услышать от меня подробности.

Узнать, почему вы вышли тогда из комитета, ну и так далее.

– А как они до этого докопались?

– Какой-то болван слишком болтлив. Удивительно, как это люди не умеют держать язык за зубами, особенно с полицейскими. Этот малый Далглиш спросил меня, почему вы не состоите в комитете приюта святой Марии, когда практически все в округе под вашим неусыпным оком. Я сказал ему, что вы вышли два года назад из комитета, когда у нас там были неприятности, естественно, он захотел узнать, какие именно. Спросил, почему мы тогда не расстались с Лидделл. Я ответил

ему: «Дорогой мой, нельзя выбрасывать женщину на улицу, она же двадцать пять лет проработала. Да и не то чтобы она была действительно нечиста на руку». Это мой принцип. Всегда был и будет. Может, она неаккуратно вела бумаги, путала в счетах, но это не имеет ничего общего с намеренной бесчестностью. Я сказал, что мы пригласили ее на заседание комитета – очень все тихо и тактично было, а потом послали ей письмо, подтверждающее новые финансовые условия, дабы избежать нечеткости. Отвратное письмо, в сущности. Я знал, вы тогда считали, что мы должны передать приют мощному, богатому комитету или какой-нибудь национальной ассоциации матерей-одиночек, вместо того чтобы приют был частным предприятием и существовал на пожертвования; об этом я и сказал инспектору.

– Я считала, что настало время передать трудную работу в руки опытных, знающих людей, сэра Рейнольд, – ответила миссис Макси, проклиная себя за опрометчивость, из-за которой она вновь оказалась втянутой в эту давнюю историю.

– Именно это я и имею в виду. Я сказал Далглишу: «Миссис Макси, безусловно, была права. Я не говорю, что она не права. Но леди Прайс прекрасно справлялась с приютом, она ведь фактически его основала, и, естественно, я не хочу его никому передавать. И так столько мелких независимых учреждений брошено на произвол судьбы. Самое важное – личное отношение. Я не сомневаюсь, что мисс Лидделл совсем запутала счета. Слишком много ей приходится из-за них мучиться. Цифры – не женского ума дело». Он, конечно, согласился. И посмеялся от души.

Миссис Макси имела все основания поверить этому. Картинка складывалась не очень привлекательная. Без сомнения, залог успеха сыщика – способность найти общий язык со всеми. От души позабавившись, Далглиш принялся обдумывать новую версию, миссис Макси не сомневалась в этом ни минуты. Но мисс Лидделл?! Кружки и чашки с питьем на ночь были приготовлены к десяти вечера. После этого мисс Лидделл все время была в поле зрения хозяйки дома. Они вместе стояли в прихожей и наблюдали, как сияющая, ликующая Салли несла кружку Деборы к себе. У мисс Лидделл, может, был бы мотив, если бы за словами Салли что-нибудь стояло, но нет доказательств, что у нее был способ избавиться от Салли и уж тем более – случай воспользоваться им. Миссис Макси, никогда не любившая мисс Лидделл, все-таки надеялась, что полузабытые унижения двухлетней давности умерли в Алисе Лидделл – не очень способной, не очень умной, но по натуре доброй и приветливой.

Тем временем сэра Рейнольд продолжал говорить.

– Между прочим, я не придаю значения диким сплетням, что кружат по округе. Люди любят болтать, так уж они устроены, но как только полиция найдет убийцу, сплетни погаснут. Будем надеяться, что у них дело движется. Не забудьте дать мне знать, если что нужно будет. И не забудьте получше запереться на ночь. Следующей может оказаться Дебора или вы. И вот еще что. – Голос сэра Рейнольда стал хрупким, в нем слышались заговорщические нотки, миссис Макси пришлось напрячься, чтобы разобрать, о чем он. – Я о мальчике хочу сказать. Милый малыш, я видел его. Любовался им, он сидел в коляске во время праздника. Я подумал сегодня утром, может, мы предпримем что-нибудь. Мало хорошего, коли мать потеряешь. Без отчего дома. Ему ведь нужен уход. Где он сейчас? С кем?

– Джимми отвезли в приют святой Марии. Самый лучший выход. Не знаю, что потом с ним будет. Все еще в себя не пришли, не знаю, подумал ли кто о нем в этой суете.

– Всему свое время, дорогая. Всему свое время. Может, его кто-нибудь усыновит. Надо внести свою фамилию в список претендентов. Я думаю сказать об этом мисс Лидделл.

Миссис Макси не нашлась что ответить. Она была больше осведомлена в правилах усыновления ребенка, чем сэр Рейнольд, и не была уверена, что он самая подходящая кандидатура на роль родителя. Если Джимми будут усыновлять, учитывая трагические события, окажется много желающих. Она вот тоже беспокоится о будущем ребенка. Правда, она об этом не сказала, ограничилась замечанием, что родственники Салли могут усыновить мальчика, и, пока не станут известны их намерения, нельзя предпринимать никаких шагов. Не исключено даже, что найдут его отца. Сэр Рейнольд поднял миссис Макси на смех – какой там отец, но дал обещание ничего не делать второпях. Еще раз пострадав ее маньяками-убийцами, он положил трубку. Вот уж поистине второго такого болвана, как сэр Рейнольд, во всей округе не сыщешь, подумала миссис Макси, и с чего это у него душа стала болеть за Джимми?!

Она со вздохом положила трубку и занялась дневной почтой. С полдюжины писем было от друзей, которые, испытывая некую неловкость, выражали свое сочувствие и приглашали отужинать, подтверждая тем самым уверенность в невинности Макси. Миссис Макси эта поддержка скорее развеселила, чем вселила бодрость. Следующие три конверта надписаны были незнакомым почерком, она нехотя вскрыла их. Может, лучше бышо бы сжечь их, не вскрывая, но кто знает, что там. Так ведь можно пропустить важное сообщение. К тому же мужественной женщине не следует бояться неприятностей, а Элеонора Макси

была женщиной храброго десятка. Но в первых двух письмах не было ничего такого уж неприятного. Одно даже было ободряющим. Оно состояло из трех коротких, отпечатанных на машинке текстов, еще на нем в непонятном соседстве красовались малиновки и розочки, к письму также было присо-вокуплено, что претерпевший до конца спасется^[14].

В письме также содержался призыв содействовать тому, чтобы эта благая весть была услышана, а потому тексты следовало переписать и раздать попавшим в беду друзьям. Большинство друзей миссис Макси делились с ней своими горестями, и все-таки она выбросила письмо в мусорную корзину не без угрызений совести. Следующее письмо было запечатано в конверт, пахнувший сиренью, оно было от некоей леди, которая сообщала о своих способностях экстрасенса и готова была за денежное вознаграждение провести сеанс, во время которого придет Салли и скажет имя убийцы. Она была уверена, что сообщение Салли вполне устроит семейство Макси, другими словами, автор письма полагал, что они не знают, кто убийца. На следующем послании была отметка местного почтового отделения, оно сообщало буквально следующее: «Тебе мало было, что ты изводила ее до смерти непосильной работой, грязная убийца!» Миссис Макси внимательно разглядела почерк, но не припомнила, видела ли она его раньше. Почтовый штамп говорил сам за себя, она поняла, откуда эти угрозы. И решила пойти в деревню за покупками.

В маленькой деревенской лавочке было болеелюдно, чем обычно, и по тому, как смолк разговор, когда она вошла, она не сомневалась, о чем тут судачили. Тут были миссис Нельсон, мисс Поллак, старик Саймон с фермы «У плотины», которого считали самым старым в округе, в силу чего он полагал, что имеет все основания не следить за собой, одна-две женщины с соседних ферм, их лица и характеры, если они обладали таковыми, были ей совсем незнакомы. В ответ на ее приветствие собравшиеся пробормотали: «Доброе утро», а мисс Поллак даже добавила: «Сегодня опять чудесный день, не правда ли?», и тут же, глянув торопливо в прейскурант, спрятала вдруг вспыхнувшее лицо за коробками с сухим завтраком. Мистер Уилсон оторвался от своих счетов – он пока что как бы оставался за кулисами – и вышел, как обычно, самопочтение, лично обслужить миссис Макси. Высокий, тощий, он смахивал на мертвеца, а на лице его запечатлено было такое отчаяние, что трудно было поверить, что он вовсе не на краю разорения, а владелец вполне процветающей деревенской лавки. До его ушей обычно доходило куда больше сплетен, чем до чьих-нибудь еще в округе, но сам он так

редко излагал свое мнение, что его сентенции всегда слушали с величайшим почтением и непременно запоминали. Пока что он хранил молчание по поводу Салли Джапп, но это не означало, что он считает тему недостойной внимания; быть может, это он перед лицом внезапной смерти почтительно смолк. Ясно было, рано или поздно Уилсон вынесет свой приговор, и в округе все очень удивятся, если приговор, вынесенный позднее по всей процедуре именем Закона, окажется иным. Он молча выслушал миссис Макси и начал обслуживать ее – своего самого почетного покупателя, а женщины стайками, невнятно попросившись, выползали или, скорее, выметались из лавки. Когда они ушли, Уилсон, оглядевшись с заговорщицким видом, воздел свои водянистые глазки к небу, словно ища благословения Господа, потом перегнулся через прилавок к миссис Макси.

– Дерек Пуллен, – сказал он. – Вот кто.

– Боюсь, я не понимаю, мистер Уилсон, о чем вы. – Миссис Макси не лукавила. Она могла бы добавить, что и особенного желанья у нее нет стараться понять его.

– Я ничего не говорил, предупреждаю вас, мэм. Пусть полицейские сами свое дело делают. Но если они станут вам докучать в Мартингейле, спросите их, где прошлой субботней ночью пропал Дерек Пуллен. Спросите их об этом. Он проходил здесь около двенадцати ночи. Сам видел его из окна спальни.

И Уилсон с довольным видом человека, приведшего окончательный, не подлежащий сомнению довод, выпрямился и в совершенно ином расположении духа принялся заполнять и подсчитывать счет миссис Макси. Она понимала, ей следует сказать, что любое свидетельство, которым он располагает или полагает, что располагает, он должен сообщить полиции, но она не могла заставить себя сказать это. Она вспомнила, каким она видела Дерек Пуллена в последний раз – тщедушный, прыщеватый, в костюме, купленном в магазине уцененных товаров, и дешевеньких ботинках. Его мать была членом «Женского института»^[15], а отец работал на одной из ферм сэра Рейнольда, на той, что побольше. Нет, это слишком глупо и несправедливо. Если Уилсон не станет держать язык за зубами, у Пуллеников еще до наступления темноты появятся полицейские, и шут их знает, что они там разнюхают. Мальчишка робкий, из него последние мозги вытряхнут, если они у него вообще-то есть. Потом миссис Макси вспомнила, что кто-то был в комнате Салли той ночью. Должно быть, Дерек Пуллен. Если она хочет спасти Мартингейл от дальнейших мучений, ей надо держаться тверже.

– Коли вы располагаете информацией, мистер Уилсон, – сказала она, – думаю, вам надо сообщить ее инспектору Далглишу. Однако следует помнить: вы можете причинить вред очень многим невинным людям, выдвигая такого рода обвинения.

Уилсон принял этот мягкий упрек с величайшим удовлетворением, точно он был тем единственным подтверждением, что было необходимо для его версии. – Он, очевидно, сказал все, что хотел, предмет исчерпал себя.

– Четыре, пять, девять, десять, один фунт один шиллинг. Всего один фунт шестнадцать шиллингов и два пенса, мэм, пропел он.

Миссис Макси расплатилась.

5

Тем временем Далглиш допрашивал в кабинете Джонни Уилкокса, неряшливого двенадцатилетнего коротышку. Он появился в Мартингейле со словами, что его прислал священник к инспектору по очень важному делу. Далглиш принял его с подчеркнутой учтивостью, предложил сесть поудобнее и все подробно рассказать. Он говорил ясно и связно, Далглишу такого интригующего показания еще не довелось услышать.

Оказывается, Джонни со своими соучениками из воскресной школы должен был помогать разливать чай и мыть посуду. К этому поручению он отнесся так, как всегда относятся мальчишки к домашним делам, – как к чему-то унижительному и, откровенно говоря, не очень-то веселому. Правда, потом обещали накормить до отвала остатками с праздничного стола; эти чаепития пользовались всегда популярностью: в прошлом году прискакали несколько охотников помочь и поесть на дармовщину, разделив жалкую добычу с теми, кто потел целый день, только помощь их никому уже не была нужна.

Джонни Уилкокс долго там не отсвечивал – как только пришло достаточно ребят, чтобы он мог незаметно улизнуть, он прихватил два рыбных сэндвича, три шоколадных батончика, парочку тартинок с повидлом и отправился на сеновал конюшни Боукока, зная, что сам-то Боукок занят – устроил катание на пони.

Джонни сидел себе мирно на сеновале – жевал гостинцы и читал комикс; сколько времени он там просидел, он сказать не может, помнит только, что остался один батончик, и вдруг услышал шаги и голоса. Значит, не ему одному захотелось тут посидеть тихо-спокойно. Вот, пожалуйста, еще двое явились. Он

не стал ждать, полезут они на сеновал или нет, сразу же припрятался – занырнул за большую кипу сена в углу, прихватив с собой шоколадку. Не то чтобы он сдрейфил. Джонни привык все неприятности – и если поркой пахнет, и если в постель рано отправляют – избегать очень просто: он загодя прятался. И на этот раз осторожничал не напрасно. Кто-то лез на сеновал, потом он услышал, как отодвинули дверцу люка. Он притаился и заскучал – всей радости, что шоколадку жевал, старался, чтоб ее хватило, пока незваные гости не отчальят. Их было всего двое, голову на отсечение мог дать, а одной из них была Салли Джапп. Он заметил, как на солнце ее волосы вспыхнули, когда она появилась в люке, но он отполз побыстрее назад, пока она целиком не появилась. Можете не сомневаться. Джонни Салли знал отлично, так что ошибки не было – это он ее и видел и слышал на сеновале в субботу днем. Но мужчину не разглядел и по голосу не признал. А уж как Салли на сеновале появилась, выглядывать из-за кипы сена опасно было: чуть пошевелинешься – шум страшный может получиться, так что Джонни сидел тихо-тихо. Сеновал был забит, и их голоса почти не слышны были, к тому же не привык он прислушиваться к скучной и непонятной трепотне взрослых, так что и не подумал вникнуть, про что те болтали. В одном Далглиш может не сомневаться – они ссорились, но тихо, о каких-то сорока фунтах говорили, а Салли Джапп под конец сказала, чтобы он взял себя в руки, «следил за светом», и все тогда будет в порядке. Джонни добавил, что говорили-то они долго, но тихо и быстро. Запомнил только эти несколько фраз. Сказать, сколько времени они втроем провели на сеновале, тоже не мог. Ему казалось, целую вечность, у него прямо все тело одеревенело, измаялся от скуки, пока наконец услышал стук дверцы: девушка и ее спутник выбрались с сеновала. Салли – впереди, за ней мужчина. Джонни не выглядывал, пока не услышал их шагов на лесенке. Потом выглянул и заметил руку в кожаной перчатке, задвигавшую люк. Подождал еще несколько минут, потом бегом вернулся в сад на праздник, там его отсутствия никто не заметил. Вот и весь рассказ Джонни Уилкокса о его приключениях в субботу днем; злило, что от Джонни могло быть гораздо больше пользы, повернись все иначе. Будь Джонни чуть отважнее, он разглядел бы мужчину. Будь он постарше или девчонкой, он увидел бы эту тайную встречу в куда более интригующем свете и наверняка бы прислушался к разговору и запомнил побольше, а так отнесся к ней как к помехе, отвлекшей его от вкусной еды. А из этих обрывков трудно пытаться строить какую-нибудь версию. Похоже, он честный

парнишка, ему можно доверять, но очень уж легко соглашается, что, может, и ошибся. Ему показалось, что Салли говорила о «свете», но не исключено, что ему это действительно показалось. Ведь он не очень-то прислушивался, с другой стороны, те говорили очень тихо. Ни на минуту не сомневался, что это была Салли, а также в том, что свидание было неприятное. Насчет времени, когда он вышел из конюшни, тоже не был уверен. Чай начался где-то около половины четвертого и продолжался до тех пор, пока все не напились и не наелись. Джонни считал, что сбежал он от миссис Коуп в половине пятого. Сколько прятался в конюшне – не помнил. Ему показалось, очень долго. Пришлось Далглишу довольствоваться вот такими показаниями. Что касается самого свидания, то очень похоже на шантаж, и скорее всего, было назначено второе свидание. Но тот факт, что Джонни не узнал мужчину по голосу, вроде бы дает основания считать, что это был не Стивен Макси или кто-то из местных, мальчишка ведь почти всех местных прекрасно знает. И это по крайней мере подтверждает версию о том, что в событиях участвовал еще какой-то мужчина. Если Салли шантажировала этого человека и он был на церковном празднике, тогда у Макси не такая мрачная перспектива. Далглиш поблагодарил Джонни, предупредил его, что тот не должен никому ничего рассказывать, и отпустил искать утешения в исповеди священнику, а сам стал обдумывать новые показания.

Глава 6

1

Дознание было назначено на три часа во вторник, Макси чуть ли не с нетерпением ждали его, в любом случае никуда от него не деться, так хоть поможет скоротать тягостные часы. Прямо как перед грозой, когда не продохнуть и на сердце давит, а ливень все никак не начинается. Молчаливый сговор, что в Мартингейле никто не мог стать убийцей, мешал трезво обсудить причины гибели Салли. Все боялись сказать лишнее или не тому человеку. Иногда Деборе хотелось, чтобы домочадцы собрались и хотя бы обсудили, как быть дальше. Но когда Стивен нерешительно высказал вслух то же самое соображение, ее охватил ужас. Ну зачем Стивен говорит о Салли?!

Феликс Херн был другим. С ним практически все можно было обсуждать. Он не боялся умереть, не боялся вообще смерти и не считал неприличным болтать – как ни в чем не бывало, даже

весело – об убийстве Салли Джапп. Поначалу Дебора принимала участие в этих разговорах, хорохорясь и бравируя. Позднее она поняла, что юмор – слабая попытка подавить страх. И вот во вторник, перед ленчем, она шла вдоль розовых кустов рядом с Феликсом, а тот нес околесицу, подбивая и ее последовать его примеру, выдумывал хладнокровно и весело всякие версии убийства.

– Нет, серьезно, Дебора. Если бы я писал книгу, я бы сделал героем деревенского парня. Дерек Пуллена, к примеру.

– Это не он. Как хочешь, но у него не было мотива ее убивать

– Мотив ищут в самую последнюю очередь. И найти его всегда можно. Может, убитая шантажировала его. Может, заставляла жениться на себе, а он не хотел. Сказала, что ждет второго ребенка. Это, конечно, вранье, но он-то не знает. У них была самая обыкновенная связь. Я бы сделал его тихим, впечатлительным юношей. Такие на все способны. В книгах по крайней мере.

– Но она не хотела, чтобы он женился на ней. Она могла выйти замуж за Стивена. Зачем ей Дерек Пуллен, если у нее Стивен?

– Ты рассуждаешь, позволь мне заметить, как сестра, ослепленная любовью к брату. Ну давай предлагай свой вариант. Кого предложишь?

– Пусть это будет папа.

– Ты имеешь в виду прикованного к постели старика?

– Да. Только он не прикован. Пусть все будет как в страшных гиньольных историях. Старик не хочет, чтобы его сын женился на коварной шлюхе, он пробирается наверх, ступенька за ступенькой, и душит ее своим старым школьным галстуком.

Феликс выслушивает эту версию и отвергает ее.

– Почему бы не придумать таинственного незнакомца с именем, как у кинематографического кота? Кто он? Откуда пришел? Может, он отец ребенка?

– Не думаю.

– Нет, отец. Он повстречался с ней, когда она была еще невинной девочкой, только что начала свою трудовую жизнь. Не будем детально описывать этот душераздирающий эпизод, но представь себе его удивление и ужас, когда он снова повстречался с ней, с девочкой, которую он обесчестил, в доме своей невесты. И ребенок там же!

– У него есть невеста?

– Конечно. Милая вдовушка, которую он решил подцепить. И вот бедная обесчещенная девушка грозит вывести его на чистую воду, и ему приходится заставить ее замолчать навсегда. Я

изобразил его циничным, мерзким типом, так что никто не станет слезы лить, когда его поймают.

– Не находишь, что получится мерзкая историйка? Пусть убийцей будет смотрительница приюта святой Марии. Психологический детектив с эпиграфами из знаменитых авторов к каждой главе и сплошной Фрейд.

– Если хочешь Фрейда, делаю ставку на дядю убитой. Тут уж простор для всякой психологической чепухи. Так вот, он жестокий, бездарный человек, который, прознав про ребенка, выгнал ее из дома. Но как все пуритане в романах, он и сам мерзавец. Крутил роман с девчонкой, с которой познакомился на репетициях хора, а теперь она со своим ребенком оказалась в том же приюте, что и будущая жертва. Скоро Салли узнает правду о своем негодяе дяде и начинает шантажировать его, требуя тридцать шиллингов в неделю за то, что будет молчать. Понятное дело, не мог он рисковать. Слишком добропорядочный он джентльмен.

– А что Салли делала с тридцатью шиллингами?

– Открыла счет в банке на имя ребенка. В конце концов все это обнаружится.

– Если бы так. Но ты забыл о будущей невестке жертвы? Там-то найти мотив совсем ничего не стоит.

– Она не убийца, – тут же перебил Феликс.

– Черт тебя дери, Феликс! Кто просит тебя быть тактичным?

– Я твердо знаю, ты не убивала Салли Джапп. Ты хочешь, просто так, шутки ради, чтобы я следил за тобой, отмечал все подозрительное и странное.

– Я ведь ненавидела ее, Феликс. В самом деле ненавидела.

– Ну и что? Да, ненавидела. Это твои личные трудности. Но держи себя в руках, не выкладывай, что у тебя на душе, полиции. Без сомнения, они стоящие мужики и ведут себя прекрасно. Только вот воображение у них хреновое. Но сила их – в смекалке. Она – основа основ работы сыщика. Знают сами, что делать и как, не подбрасывай им мотив преступления. Пусть попотеют за денежки налогоплательщиков.

– Думаешь, Далглиш выйдет на убийцу? – помолчав, спросила Дебора.

– Далглиш, думаю, уже понял, кто убийца, – ответил спокойно Феликс. – А вот иметь достаточно доказательств, чтобы вынести обвинение, – дело другое. Сегодня днем, может, мы узнаем, что успела полиция и что они готовы сообщить нам. Далглишу, не исключено, доставляет радость держать нас в напряжении, но рано или поздно он раскроет свои карты.

Дознание обернулось и облегчением, и разочарованием.

Коронер^[16] пришел без присяжных. Он оказался мужчиной с тихим голосом и лицом, напоминающим грустную морду сенбернара, который, казалось, по ошибке втянут в расследование. При этом он был опытным и не терял времени впустую. Деревенских пришло меньше, чем ожидали Макси. Может, они берегут свое время и энергию для более интересного мероприятия – для похорон. Но те, кто пришел, вели себя умнее, чем раньше. Коронер представил дело на первый взгляд до чрезвычайности простым. Свидетелем по опознанию жертвы была нервная, невыразительная маленькая женщина, оказавшаяся теткой Салли. Выслушали показания Стивена Макси, он быстро сообщил фактические детали того, как был найден труп. Согласно медицинской экспертизе, смерть наступила вследствие повреждения блуждающего нерва, когда жертву душили руками, наступила очень быстро. В желудке обнаружено полтора грана кислоты барбитурата. Коронер задавал только вопросы, которые помогали установить факты. Полиция попросила отсрочки и получила ее. Никаких формальностей, почти дружеская обстановка. Свидетели пристроились на стульях, на которых обычно сидели детишки во время занятий в воскресной школе, а коронер возвышался над собравшимися с кафедры учителя. На подоконниках стояли цветы в банках из-под повидла, а на стене висели картинка на холсте, на которых цветным карандашом был изображен путь христианина от крещения до похорон. В таком невинном и непривычном месте суд, со всеми формальностями, но без суеты, установил, что Сара Лилиан Джапп умерла насильственной смертью.

2

Теперь предстояло пережить похороны. На них – не то что на дознание – можно было не ходить, но миссис Макси первая приняла решение. Она не колебалась и сразу заявила о своем намерении присутствовать на похоронах. В обсуждение она особенно не вдавалась, но причины и так были ясны. Салли Джапп умерла в их доме, у них на работе. Ее родственники ни за что не простят ей, что умерла она так же необычно и дико, как и жила. Они не будут принимать участия в похоронах, их организует приют святой Марии, он же оплатит все расходы. Но Макси пойдут не потому, что надо, чтобы хоть кто-то был, – это их долг. Если в твоём доме умирает человек, ты обязан присутствовать на похоронах. Миссис Макси ничего этого вслух не говорила, но дала сыну и дочери понять, и весьма

однозначно, что этикет предписывает им присутствовать на похоронах, что гостеприимные хозяева должны, коли не-счастливы сложатся обстоятельства, проводить своих гостей и до могилы. Раздумывая о жизни в Мартингейле во время расследования, Дебора даже не представляла себе, сколь важную роль будут играть сравнительно незначительные правила этикета и соблюдение хорошего тона. Ей казалось странным, что все тревожения по поводу того, что ждет их в будущем, отступят, во всяком случае на время, перед проблемой – посылать или нет от семьи Макси венок на похороны, а если посылать, какие слова соболезнования больше подойдут к случаю. И снова миссис Макси четко знала, как поступить: она просто спросила, пошлют ли они общий венок или Дебора пошлет лично от себя. Стивена освободили от этих похоронных волнений. Полиция разрешила ему вернуться в больницу сразу после дознания, он не будет в Мартингейле раньше вечера будущей субботы, разве что ненадолго заедет. Никто и не хотел, чтобы он посылал венок лично от себя, только лишний повод для местных сплетниц. Он имел веские причины вернуться в Лондон, заняться работой. Даже Далглиш понимал, что нечего ему толочься в Мартингейле до бесконечности только ради того, чтоб быть под рукой у полицейских.

Хотя у Кэтрин были те же основания возвратиться в Лондон, она к ним не прибегла. У нее еще осталось семь дней от отпуска, и она с радостью поживет в Мартингейле. Она сообщила об этом главной медсестре – та отнеслась весьма сочувственно. Она понимала, что от нее будет хоть какая-то помощь миссис Макси. Безусловно, она сможет помочь. Ведь нужен постоянный уход за Саймоном Макси, расследование, которое ведет Далглиш, нарушает заведенный ритм в доме, да и Салли теперь нет.

Как только выяснилось, что мать поедет на похороны, Дебора, подавив в себе злобу и отвращение ко всему случившемуся, ограничилась лаконичным сообщением, что будет там. Ее не удивило, что Кэтрин выразила то же самое намерение, а вот решение Феликса поехать с ней оказалось полной неожиданностью и обрадовало ее.

– Вовсе это не обязательно, – сказала она раздраженно. – Не понимаю, к чему такой шум развели. Лично мне все это отвратно, если хочешь поехать, выставить себя на общее посмешище, поезжай, вход бесплатный.

Она выскочила из гостиной, через несколько минут вернулась и произнесла с обескураживающей церемонностью:

– Прости, Феликс, что я нагрубила тебе. Конечно, раз хочешь, поедем. Очень мило с твоей стороны, что ты надумал.

Феликс вдруг разозлился на Стивена. Конечно, у парня серьезные причины – работа не ждет, но до чего же противно: он молниеносно находит предлог улизнуть от ответственности и неприятностей, и всегда так. Дебора и его мать, конечно же, не замечают этого, а Кэтрин Бауэрз, глупая курица, готова все простить Стивену. Ни одна из них не переложит свои заботы или неприятности на плечи Стивена. Но сумей этот молодой человек, подумал Феликс, контролировать свои донкихотские импульсы, ничего бы не случилось. Феликс, собираясь на похороны, был вне себя от бешенства, но гнал от себя мысль, что его гнев вызван отчасти усталостью, отчасти завистью.

Еще один чудесный день выдался. Люди оделись по-летнему, девицы в сарафанах, более пригодных для пляжа, чем для кладбища. Многие прямо с пикников примчались, прослышав, что на церковном дворе их ждет увлекательное развлечение. Явились, нагруженные остатками недоеденных закусок, некоторые даже дожевывали бутерброды и апельсины. Но на краю могилы вели себя как полагается. Смерть вызывает во всех поголовно синдром рыданий, тех, кто нервно хихикал, очень скоро усмирили гневные взгляды праведников. Дебору злило не столько то, что эти люди так глупо себя ведут, сколько то, что они сюда заявили. Она кипела. Потом она даже рада была, что так нервы разыгрались, – не осталось сил ни горевать, ни смущаться.

Макси, Феликс Херн и Кэтрин Бауэрз стояли у разверстой могилы рядом с мисс Лидделл, стайка девушек из приюта святой Марии сгрудилась позади них. Немного поодаль незнакомый священник из чужого прихода отпевал другого покойника. Небольшая группа людей в черном тесным кольцом окружила могилу, словно совершая некий таинственный ритуал, не предназначенный для любопытных глаз. На них никто не обращал внимания, и голос их священника тонул в шорохах, обрывках слов тех, кто провожал Салли. Потом люди в черном тихо пошли прочь. «Они-то достойно похоронили своего покойника», – подумала Дебора. И вот отец Хинкс стал говорить прощальные слова. Он благоразумно обошел молчанием обстоятельства смерти Салли, сказал лишь, что пути провидения неисповедимы и покрыты тайной; это утверждение некоторые слушатели могли бы оспорить, присутствие здесь полиции предполагало, что по крайней мере часть этой тайны дело рук человеческих.

Миссис Макси проявляла живой интерес ко всей церемонии, ее громкое «аминь» звучало выразительной поддержкой каждой фразы молитвы, она ловко перелистывала страницы молитвенника и помогала двум приютским девицам найти

нужное место, когда горе или смущение, переполнявшие их, мешали им справиться с молитвенником. К концу панихиды она подошла к могиле и постояла, глядя на гроб. Дебора скорее почувствовала, чем услышала ее вздох. По непроницаемому лицу ее матери никто не догадался бы, что означал сей вздох, потом она повернулась к собравшимся. Натянула перчатки и наклонилась прочитать одну из траурных открыток, а потом подошла снова к дочери.

– Какая чудовищная публика! Можно подумать, что им нечем больше заняться. Но бедняжка любила представления, ей бы понравились эти похороны. Что делает этот мальчик? Это твоя мама? Без сомнения, ваш малыш знает, что прыгать на могилах нехорошо. Приглядывайте за ним, раз приводите на церковный двор. Тут святая земля, а не школьный стадион. И вообще, похороны – не развлечение для детей.

Мать с ребенком затрусили следом за ними – две бледные испуганные мордочки, жидкие волосенки. Потом, затравленно взглянув назад, женщина оттолкнула мальчишку от себя. Яркое, крикливое цветное пятно расползлось, парни разобрали свои велосипеды, стоявшие в зарослях маргариток у церковной ограды, фотографы стали укладывать свои аппараты. Одна-две группки все еще ждали, перешептываясь и выжидая случая прошмыгнуть мимо венков. Церковный сторож завладевал правами наследства на апельсиновые шкурки и бумажные пакеты, бормоча себе что-то под нос. Могила Салли горела всеми цветами радуги. Красные, голубые, золотистые тона полыхали над сложенным холмиком дерном и деревянными подпорками, словно пестрое лоскутное стеганое одеяло, и запах жирной земли мешался с запахом цветов.

3

– Это тетка Салли? – спросила Дебора.

Худая, нервная женщина с некогда рыжими волосами разговаривала с мисс Лидделл. Они направлялись вместе к церковным воротам.

– Конечно, это та же самая женщина, которая давала показания при опознании трупа Салли.

– Если это ее тетка, давай отвезем ее домой. Автобусы днем ходят с большими интервалами.

– Верная мысль, заодно поболтаешь с ней, – ответил Феликс с пониманием.

Дебора предложила это, исходя исключительно из лучших побуждений, – хотела подвезти женщину, чтобы та не ждала на

солнцепеке. Но практическая выгода от этого предложения теперь стала очевидной.

– Пускай мисс Лидделл представит тебя ей, Феликс. А я подгоню машину. Заодно узнаешь, где Салли работала до того, как забеременела, кто отец Джимми и так ли уж любил Салли ее дядя.

– За две-три минуты светского разговора вряд ли получится.

– Мы должны по дороге все у нее выведать. Попытайся, Феликс.

Дебора промчалась на всех парах мимо матери и Кэтрин, не нарушив, правда, этикета и предоставив Феликсу поле деятельности. Женщина и мисс Лидделл вышли на дорогу и остановились попрощаться. Издалека казалось, что они выполняют какой-то ритуальный танец. Сначала приблизились друг к другу обменяться рукопожатиями, потом отскочили в разные стороны. Затем мисс Лидделл повернулась было спиной, но снова качнулась к своей собеседнице, чтобы еще кое-что сообщить, и фигурки опять сошлись.

Пока Феликс приближался к ним, они повернулись к нему, и он увидел, как зашевелились губы у мисс Лидделл. Он присоединился к ним, неизбежные представления были сделаны. Худая рука в дешевенькой черной перчатке на секунду робко дотронулась до его руки и тотчас же опустилась. Даже по этому вялому, молниеносному прикосновению Феликс понял, что она вся дрожит. Беспокойные серые глаза косили в сторону, пока он говорил.

– Миссис Рискоу и я хотели бы вас подвезти домой, – сказал он мягко. – Автобус придется долго ждать, а мы с удовольствием проедемся.

Ему и вправду хотелось проехаться. Она мялась. Мисс Лидделл явно решила, что неприлично отклонять это, хоть и весьма неожиданное, предложение, его спокойно можно принять, она уговаривала тетку Салли согласиться, тут и Дебора подкатила на «рено» Феликса; вопрос был решен. Деборе представили тетку Салли как миссис Виктор Проктор, ее удобно устроили рядом с Деборой на переднем сиденье, никто и слова сказать не успел. Феликс сел сзади, конечно, ему претила вся эта затея, но он предвкушал удовольствие, которое он получит, наблюдая Дебору в действии. «Подметки на ходу рвет», – подумал он, когда машина полетела с холма вниз. Интересно, далеко ли им ехать и предупредила ли Дебора мамашу, что они задержатся?

– Я приблизительно знаю, где вы живете, – услышал он ее слова. – Это на выезде из Кэннингбери, верно? Мы проезжаем мимо, когда едем из Лондона. Но вы мне покажете дорогу. Очень

мило с вашей стороны, что вы согласились, чтобы мы подвезли вас домой. Похороны – ужасная вещь.

Слова произвели совершенно неожиданный эффект. Миссис Проктор вдруг заплакала – не шумно, чуть заметно, почти не изменившись в лице. Казалось, она просто не смогла удержать слезы, они текли ручьями по щекам и капали на ее сложенные руки. Она заговорила тихо, но четко, гул мотора не заглушал ее голоса. А слезы беззвучно и неизменно текли по щекам.

– Не надо было мне приезжать. Мистер Проктор рассердится, если узнает. Но он до моего приезда не вернется, а Берил в школе, так что он не узнает. Узнает – рассердится. Сама себе она такую постель приготовила, пусть и лежит там. Вот что он говорит, и винить его нельзя. Ведь он столько для нее сделал! Мы никогда не различали Салли и Берил. Никогда. Я буду повторять это до самой смерти. Не понимаю, за что нам такое горе.

Эти непрерывные причитания несчастной злили Феликса своей бессмысленностью. Он и не знал, что Прокторы отказались от Салли, как только она забеременела, и, конечно же, теперь не хотят быть причастными к ее смерти. Он наклонился вперед, чтобы лучше слышать, Дебора что-то сказала, словно пытаясь подбодрить миссис Проктор. Феликс не уловил, что именно. Теперь она их заговорит, слишком долго все держала в себе, толку, правда, от этого будет мало.

– Мы ее воспитывали, как полагается. Никто нас не упрекнет. А приходилось туго. Ее занятия в школе оплачивал муниципалитет, но ведь мы должны были ее кормить. Она была трудной девочкой. Я иногда думала, оттого это, что ее контузило, да и мистер Проктор другим был. Мы ведь тогда все вместе жили. У нас был домик в Стоук-Ньюингтоне. Бомбили не часто, мы чувствовали там себя в безопасности в бомбоубежище Андерсена^[17].

Снарядом убило Лил и Джорджа. Ничего не помню, что было, как меня откопали. Они мне долго потом о Лил не говорили. Нас спасли, но Лил была уже мертвой, а Джордж умер в госпитале. Нам еще повезло. Во всяком случае, я считаю, что повезло. Мистер Проктор долго еще мучился, инвалидом остался. Но все говорили, что нам повезло.

«Как и мне, – подумал с горечью Феликс. – Я тоже везучий».

– А потом вы взяли Салли, вы ее воспитывали, – подсказала Дебора.

– Больше никому было. Моя мама взять ее не могла. Стара уже было. Я считала, что Лил одобрила бы наше решение, но от таких мыслей любить ребенка больше ведь не станешь. Она,

конечно, не была обаятельным ребенком. Не то что Берил. Когда Берил родилась, Салли исполнилось десять лет, не на пользу ей пошло, что она так долго одна росла. Но мы к девочкам одинаково относились. Что у одной было, то и у другой – уроки музыки и прочее. И вот теперь такое. Полицейские к нам наведывались после ее смерти. Они были в штатском, но ведь сразу ясно, кто к тебе заявился. И соседи догадались. Начали расспрашивать, кто он, а нам откуда знать.

– Кто убийца? – недоверчиво спросила Дебора.

– Да нет. Кто отец. Наверно, думают, что он и убил. Но мы ничего сами не знаем.

– Небось расспрашивали, где вы были той ночью.

Первый раз миссис Проктор заметила, что плачет. Начала копать в сумочке, вытирать щеки. Она потеряла, видно, уже интерес к разговору. Не похоже, чтоб она такие слезы по Салли лила, думал Феликс. Может, это в ней всколыхнулись воспоминания о Лил, Джордже, беззащитном младенце, который остался сиротой, – оттого и слезы? Или же просто усталость и неудачная судьба? Точно услышав его вопрос, она сказала:

– Не знаю, отчего я плачу. Слезами мертвого не вернешь. Наверно, отпевание так на меня подействовало. Мы тот гимн и Лил пели: «Царь любви – мой пастырь». Но он не для них, по моему. Вы про полицейских спрашивали? Вас они тоже небось помучили. И к нам приходили. Я им сказала, что была в ту ночь дома с Верил. Они спросили, ездили ли мы на церковный праздник в Чадфлит. Я ответила, что ничего о нем не знала. Потому и не ездили. И Салли давно не видели, не хотели приходить к людям, у кого она работает, и все вынюхивать. Я прекрасно помню этот день. Действительно, странный день выдался. Мисс Лидделл утром позвонила мистеру Проктору, она не звонила с тех пор, как Салли на новую работу пошла. Трубку взяла Верил, у нее даже настроение испортилось. Решила, что-то случилось с Салли, раз мисс Лидделл звонит. А той, видите ли, сказать надо было, что у Салли все распрекрасно. Странно как-то. Она ведь знала, что нам и слушать-то про нее не хочется.

Сообщение это, судя по всему, и Дебору удивило, потому что она спросила:

– Мисс Лидделл раньше звонила вам, рассказывала, как у Салли обстоят дела?

– Нет. Ни разу с тех пор, как Салли переехала в Мартингейл. Она нам только тогда позвонила, поставила нас в известность. Больше не припомню. Может, она и писала Проктору, но не думаю. Наверно, считала, что, раз Проктор опекун, она должна

сообщить нам, что Салли уехала из приюта. Но он раньше опекуном был, а как ей стукнуло двадцать один год и она стала самостоятельной, нас уже не касается, куда она уехала. Ей до нас никогда дела не было, ни до кого, даже до Верил. Я решила прийти на похороны, потому что нехорошо выглядело бы, если никто из родственников не пришел бы проститься, пусть Проктор сердится. Хотя он прав. Мертвому не поможешь, если хоронить придешь, я только зря расстроилась. И сколько народу собралось! Делать, что ли, людям нечего?

– Значит, мистер Проктор не видел Салли с тех пор, как она уехала от вас? – выясняла Дебора.

– Нет. Да и зачем бы ему ее видеть?

– Полагаю, полиция спрашивала его, где он был в ту ночь, когда ее убили. Они всегда спрашивают. Конечно, это простая формальность.

Дебора могла не беспокоиться, что ее вопросы бестактны.

– Они чудно допрашивают. Говорят с тобой так, будто ты что-то знаешь. Задавали вопросы насчет Салли, ждала ли она от кого-нибудь наследства, с кем дружила. Словно она важная птица. Позвали Берил, спросили насчет звонка мисс Лидделл. Даже спросили у Проктора, что он делал в ночь, когда Салли умерла. Не скоро мы ту ночку забудем. У него авария с велосипедом случилась. Его дома до двенадцати ночи не было, явился в ужасном виде, губа распухла, велосипед весь покорежен. И часы потерял, очень мы расстроились – они ему от отца достались, настоящие золотые. Он всегда говорил, они очень дорогие. Поверьте мне, мы ту ночь ох как не скоро забудем.

Миссис Проктор совсем справилась со слезами и переживаниями после похорон и тараторила безумолчно – так случается с людьми, которые больше привыкли слушать, чем говорить. Дебора легко и уверенно вела машину. Руки лежали на руле, а синие глаза не отрываясь следили за дорогой, но Феликс почти не сомневался, что мыслями она далеко. Она сочувственно хмыкала, слушая рассказ миссис Проктор, потом подытожила:

– Какая нервотрепка для вас обоих! Вы, наверно, переволновались, что он так поздно вернулся. Как же это случилось?

– Он съезжал с холма где-то на пути в Финчуорти. Где именно, не знаю. На большой скорости спускался, а кто-то бросил осколок стекла на дорогу. Переднюю шину, конечно, проколело, он потерял равновесие и упал в канаву. Он мог насмерть разбиться или покалечиться, я ему сказала, а если б так

получилось, один Господь знает, сколько бы он там пролежал, дорога-то совсем в тех местах пустынная. Часами будешь валяться, ни одна душа не появится. Проктор не любит кататься по людным дорогам, да оно и понятно. Пока один не останешься, покоя не жди.

– А он любит кататься на велосипеде? – спросила Дебора.

– Безумно. И всегда любил. Конечно, теперь он далеко не ездит. С войны, когда в бомбежку попал. А уж в молодости – накатался! Но поблизости по-прежнему любит покататься, мы его в субботу дома и не видим.

В голосе миссис Проктор звучало облегчение, не ускользнувшее от ее слушателей. «Велосипед и дорожное происшествие – отличное алиби, – подумал Феликс, – но глупо подозревать Проктора – ведь после двенадцати он был уже дома. А от Мартингейла до дома по меньшей мере час, даже если авария придумана и он мчал всю дорогу на велосипеде. Да к тому же с чего бы ему ее убивать, не убил же он ее до того, как ее взяли в приют, а с тех пор он с ней и не виделся даже». Феликс проигрывал в уме вариант с наследством, которое переходит в случае смерти Салли – Берил Проктор. Но в душе он понимал, он ищет не убийцу Салли Джапп, а человека, которого полиция могла бы заподозрить в совершении преступления, имея на то серьезные основания, тем самым она отвлечется от других. Что касается Прокторов, то на них слабая надежда, но Дебора вбила себе в голову, что от них можно чего-то добиться. Ее, конечно, беспокоил фактор времени.

– Вы ждали мужа, миссис Проктор? Вы к полуночи совсем, наверно, покой потеряли, раз у него нет привычки поздно возвращаться?

– Да он часто позднеенько приходит и всегда говорит, чтобы я его не ждала, я и не жду. Почти каждую субботу хожу с Берил в кино. У нас есть телевизор, но ради разнообразия надо из дому раз в недельку выбираться.

– Значит, вы спали, когда вернулся ваш муж? – мягко гнула свою линию Дебора.

– У него свой ключ, конечно, так что ждать его не обязательно. Но если бы я знала, что он так поздно придет! Обычно я часов в десять ложусь, когда Проктора еще нет. К тому же в воскресенье утром спешить никуда не надо, но я не сова. Я так полицейским и сказала: «Я не сова». Они тоже спрашивали об аварии, в которую попал Проктор. Инспектор нам посочувствовал. «До двенадцати его дома не было», – я сказала им. Так что они сами могли убедиться, что ночь у нас тяжелая выдалась и без этого убийства Салли.

– Мистер Проктор, наверно, разбудил вас, когда вернулся домой? Представляю, как вы расстроились, когда увидели его.

– Еще бы! Я услышала, что он в ванной моется, окликнула его, он и вошел ко мне в спальню. Лицо чудовищное, зеленое, в кровавых подтеках, весь дрожит. Не представляю, как он домой добрался. Я встала, вскипятила ему чайник, пока он мылся. Я запомнила время, потому что он спросил у меня. Он же свои часы потерял, а у нас на кухне ходики и в гостиной часы. На них было десять минут первого и на кухонных – то же самое. Я так перепугалась. Легли мы в половине первого, я и не верила, что на следующее утро он подымется. А он поднялся как ни в чем не бывало. Он всегда первым вниз спускается, ставит чайник. Никому не доверяет чай заваривать, вот и принес мне чашку крепкого чая. Но я бы ни за что не поверила, что он сможет утром в воскресенье рано встать – ведь ночью на себя не был похож! Его до сих пор дрожь бьет. Вот почему он не явился на дознание. А утром полицейские пришли и сообщили нам о Салли. Долго мы ту ночь помнить будем.

4

Они подъехали к Кэннингбери. У светофора на углу Хай-роуд и Бродвея, где особенно большое движение, пришлось долго ждать. Видно, в эти часы все тут делали покупки, район был густонаселенный. Тротуары были буквально запружены домохозяйками, которые то и дело, точно их толкал животный, первобытный инстинкт, чертовски медленно переходили дорогу. Магазины по обе стороны улицы находились в жилых домах, и их огромные витрины выглядели довольно нелепо рядом со скромными крышами и маленькими окнами. Ратуша, будто построенная по чертежам комитета безумных, находившихся под парами алкоголя и патриотической спеси, возвышалась в своем гордом великолепном одиночестве над разбомбленными зданиями, к реконструкции которых только приступали.

Смежив веки от зноя и шума, Феликс твердил сам себе, что Кэннингбери один из самых цивилизованных пригородов, с прекрасно поставленной службой, и не каждый согласится жить в тихом георгианском доме в Гринвиче, где с реки тянутся белые хвосты тумана и куда навеваются лишь самые верные друзья. Он повеселел, когда в светофоре загорелся другой свет, и они, следуя указаниям миссис Проктор, вскоре свернули налево от магистрали. Здесь двигались обратным потоком от торгового центра женщины с нагруженными сумками, теснились магазинчики женской одежды и парикмахерские с

псевдофранцузскими названиями на вывесках, прибитых над окнами бывших жилых помещений. Через несколько минут они снова повернули на тихую улочку, где тянулись, пока хватало глаз, ряды стандартных домишек. Они были построены по одному проекту, но выглядели все по-разному, потому что перед каждым красовался не похожий на соседний палисадник. Все были ухоженные. Несколько хозяев обозначили свою индивидуальность, посадив араукарии чилийские, пристроив крошечных каменных гномов ловить рыбу из бассейна, соорудив искусственные гроты, но большинство удовлетворяло свое тщеславие буйством цвета и ароматов, посрамлявших скучную безликость коттеджей. Занавески свидетельствовали о продуманном, хотя часто и безвкусном выборе и стирках, их дополняли занавески из собранного в складку кружева или сетки, целомудренно задернутые от любопытных глаз пошлого мира. Уиндермиер-Крисчент выигрывала на фоне других улиц – она была спланирована по индивидуальному проекту, ее жители упорно держались за свою исключительность.

Так, значит, здесь был дом Салли Джапп, так плачевно закончившей свой бунт против его уклада. Машина подъехала к дому номер семнадцать, и миссис Проктор, прижав к груди свою бесформенную черную сумку, начала дергать дверцу.

– Позвольте мне, – сказала Дебора и перегнулась через нее, чтобы открыть дверцу.

Миссис Проктор выбралась из машины и рассыпалась в благодарностях, но Дебора ее пресекла:

– Право же, не стоит благодарности, мы очень рады подвезти вас. А нельзя ли попросить стакан воды? Глупо, конечно, я понимаю, но в такой зной за рулем жажда начинает мучить. Простой воды. Я всегда предпочитаю воду.

«Господи, ну зачем!» – подумал Феликс, следя, как обе женщины скрываются в Доме.

Интересно, что задумала Дебора, может, хоть не придется долго ждать. У миссис Проктор не было выхода – пришлось пригласить свою благодетельницу в дом. Не вынесешь же стакан воды к машине. Но Феликс-то был уверен, что это вторжение хозяйке не по душе. Она с беспокойством оглянулась на дорогу, перед тем как они вошли в дом, и он понял, что сейчас уже близок роковой час – миссис Проктор в ужасе, что машина не уедет до прихода мужа. Страх, который мучил ее на церковном дворе, вернулся снова. Он почувствовал, как на него накатила волна раздражения. К чему эти номера, как Деборе не стыдно терроризировать бедную женщину?!

Деборе были чужды столь тонкие переживания, и она без

колебаний вошла в гостиную. Девочка-школьница занималась на пианино, готовила, видно, задание, но ее быстро выдворили из комнаты торопливым приказом: «Принеси стакан воды, дорогая», отданным наигранно-веселым тоном, каким часто родители разговаривают с детьми в присутствии посторонних. Девочка вышла с явной неохотой, одарив Дебору долгим, осторожным взглядом. Она была на удивление невзрачным ребенком и все же чем-то напоминала свою кузину. Миссис Проктор не представила ее – то ли разволновалась и забыла, то ли нарочно их не познакомила, чтобы дочка не знала, где побывала ее мамаша, размышляла Дебора. Если так, наверно, она придумает что-нибудь, объясняя ее приход, хотя, судя по всему, миссис Проктор не отличается изобретательностью.

Они сели в кресла с пышными, девственно чистыми подушками, на спинке каждого красовалась накидка, на которой были вышиты жесткие, выпуклые шток-розы. Это, безусловно, парадная комната, здесь только принимают гостей или музицируют. На пианино стояли две фотографии юных девочек в пачках, они неуклюже склонились в неестественном, угловатом поклоне, на лицах застыли улыбки, на головках – венки из искусственных роз. Одна из них – девочка, только что выбежавшая из комнаты. Другая – Салли. Странно, как даже в этом возрасте видно, что один и тот же цвет лица и волос, один и тот же костяк в одной проявили неповторимость, в другой – унылую простоту, ничего не обещающую в будущем. Миссис Проктор заметила ее взгляд. – Да, – сказала она, – мы ни в чем ей не отказывали. Ни в чем. И не делали никаких различий. Она занималась музыкой, так же как Берил, только у нее способностей не было. Но мы всегда к ним относились одинаково. Ужасно, что все так кончилось! А на этой фотографии – мы в день крестин Берил. Это я, мистер Проктор, девочка и Салли. Она тогда была такой миленькой, и куда все делось!

Дебора подошла к фотографии. Застывшие на массивных, деревянных с резьбой стульях люди на фоне драпированных занавесей, отчего фотография казалась более старой, чем была на самом деле. Миссис Проктор – помоложе и грудь попышнее – неумело держит младенца и конфузится в новом платье.

Салли надутая. Муж стоит позади них, руки в перчатках хозяйски лежат на спинках кресел. Поза довольно неестественная, но лицо непроницаемо. Дебора внимательно всмотрелась в него. Где-то, она-была уверена, она видела это лицо, но вспомнить сейчас не могла. В сущности, лицо-то было непримечательное, а фотография десятилетней давности. Она отвернулась от фотографии разочарованная. Она мало что ей

сказала, а что именно Дебора хотела узнать – ей самой было непонятно.

Вернулась Берил Проктор со стаканом воды, как видно, выбрала самый лучший и принесла на подносике из папье-маше. Миссис Проктор снова их не познакомила, и Дебора, пока пила, чувствовала, что и мать, и дочка ждут, когда она уйдет. И вдруг ей и самой до смерти захотелось вырваться из этого дома, освободиться от них. И зачем она пошла сюда?! Отчасти от скуки, отчасти надеялась на что-то, а в общем-то из любопытства. Мертвая Салли стала ее интересовать больше, чем интересовала живая, и ей не терпелось узнать, из какого дома ее выгнали. Теперь ее любопытство казалось ей неприличным, а приход – просто непрошеным вторжением, она не хотела больше здесь оставаться.

Она попрощалась и вернулась к Феликсу. Он сел за руль, и они молча проехали через весь город, но вот машина вырвалась из цепких лап пригорода и поползла вверх.

– Ну-с, занятия сыском увенчались успехом? – спросил наконец Феликс. – Ты уверена, что хочешь продолжать их?

– Почему бы нет?

– Даже если обнаружишь факты, которые предпочла бы не знать?

– К примеру, что убийца – член моей семьи?

– Я этого не говорил.

– Ты тщательно старался не говорить, но лучше быть честным, чем тактичным. Ты ведь так думаешь, да?

– Если считать, что я убийца, то я допускаю эту возможность.

– Ты имеешь в виду то, что произошло в годы Сопrotивления. Но это не было убийством. И ты не убивал женщин.

– Двоих мужчин убил. Конечно, я стрелял, а не душил, тогда это казалось необходимым.

– А это убийство тоже казалось необходимым – для кого-то, – сказала Дебора.

– Может, все-таки пусть полиция в этом разбирается? Самым трудным для них будет найти улики, чтобы предъявить кому-то обвинение. Если мы начнем вмешиваться, мы сами поможем им с уликами. В деле очень много неясного. Я со Стивеном забрался в комнату через окно. Любой другой мог бы сделать то же самое. Каждая собака в деревне знает, где стоит лестница. Факт запертой двери неоспорим. Независимо от того, как убийца попал в комнату, вышел он не из дверей. Вот только снотворное ведет след в Мартингейл, и два эти момента не обязательно взаимосвязаны. Другие тоже имели доступ к лекарству.

– Не много ли ты обращаешь внимания на стечение

обстоятельств? – спросила холодно Дебора.

– Да каждый день такое случается. Любой суд присяжных может насчитать с полдюжины таких примеров, с которыми им довелось столкнуться. Самое вероятное объяснение фактов пока что убеждает нас, что кто-то, кого Салли знала, залез к ней через окно и убил ее. Он мог воспользоваться лестницей, а мог и не воспользоваться. На стене царапины, видно, он (или она) слез по водосточной трубе, а недалеко от земли сорвался. Полицейские, должно быть, заметили это, но не знаю, как они установят, кто оставил эти царапины. К Салли ведь могли заглядывать гости и до того.

– Конечно, очень соблазнительное объяснение, но почему-то мне не верится. Не похоже это на нее. Я бы и рада поверить, ради нашего же благополучия, но не могу. Мне никогда не нравилась Салли, но поверить, что она крутила налево и направо, не могу. Не надо мне спасения ценой клеветы на несчастную дуру, тем более что она уже не может заступиться за себя.

– Думаю, ты права, – сказал Феликс. – Но не советую делать инспектору такой подарок, сообщать ему свое мнение. Пусть он сам выносит свои суждения насчет Салли. Все дело может рассыпаться, как карточный домик, если будем трезво рассуждать и побольше молчать. Самую большую опасность представляют снотворные и найденный пузырек – одно с другим явно связано. Но таблетки были положены в твою кружку. Их туда кто угодно мог бросить.

– Даже я.

– Даже ты. А может, Салли. Она взяла твою кружку, чтобы позлить тебя. Думаю, так и было. Но положила таблетку в кружку, потому что задумала страшное дело – решила выпаться. Там была несмертельная доза.

– В таком случае почему пузырек был спрятан?

– Ну хотя бы потому, что некто ошибся, подумав, что таблетки в кружке и убийство связаны между собой, захотел утаить этот факт, или же этот человек знал, что они не имеют отношения к убийству, но решил впутать в преступление семью. Пометил колышком с твоим именем, это значит, что хотел втянуть тебя. Так что тебе есть о чем теперь раздумывать.

Они въехали на вершину холма Чадфлита. Под ними раскинулась деревня, над деревьями возвышались высокие серые трубы Мартингейла. Вот они и дома, подавленность и страх, отступившие ненадолго, снова нависли над ними черной тучей.

– Если они так и не раскроют преступления, – сказала

Дебора, – ты понимаешь, что мы не сможем счастливо жить в Мартингейле? Ты разве не подумал ни разу, что ты должен знать правду? И никогда не допускал мысли, что преступление совершено Стивеном или мной?

– Тобой? Не такими пальчиками и ноготками. Ты не заметила, что убийце потребовалось немало сил и шея Салли в синяках, но не поцарапана? Стивен – это еще можно допустить. Но с таким же успехом подойдут Кэтрин, или твоя мать, или Марта. Или я. Слишком много людей на подозрении, и в этом наше спасение. Пусть Далглиш делает выбор. А насчет твоих слов, что ты не сможешь жить в Мартингейле, потому что нераскрытое преступление будет терзать тебя, – полагаю, что за последние триста лет в этом доме свершилось достаточно насилий. Не все твои предки вели скромный и праведный образ жизни, хотя их отпевали священники. Через двести лет смерть Салли Джапп станет еще одной легендой, которой будут пугать своих правнуков на День Всех святых. А если ты действительно не можешь оставаться в Мартингейле, есть еще Гринвич. Больше докучать тебе своими предложениями не буду, но ты знаешь о моих чувствах к тебе.

Голос его звучал почти бесстрастно. Руки лежали небрежно на руле, он смотрел на дорогу внимательно, но без особого напряжения. Он верно знал, о чем она сейчас думает, потому что сказал:

– Пусть это тебя не беспокоит. Я не стану усложнять тебе жизнь и не буду навязывать свою помощь. Просто не хочу, чтобы мордovorоты, которые попадают тебе на пути, неправильно истолковали мое поведение.

– А ты по-прежнему хотел бы на мне жениться, если бы я сбежала?

– Не слишком ли мелодраматичная перспектива? А что еще каждый из нас делал последние десять лет? Но если ты готова выйти замуж, лишь бы сбежать из Мартингейла, не стоит приносить такую жертву. Когда мы выезжали из Кэннингбери, мы повстречали Далглиша с его помощником. Полагаю, они направлялись по тому же маршруту. Твоя интуиция насчет Проктора не обманывает тебя.

Они молча поставили машину в гараж и вошли в прохладную прихожую. Вверх по лестнице поднималась Кэтрин Бауэрз. Она несла поднос, прикрытый салфеткой, и от ее белого нейлонового халата, который она обычно надевала, когда дежурила возле Саймона Макси, веяло прохладой и целесообразностью. Малоприятно видеть, как другой умело, у всех на виду выполняет обязанности, которые, по совести сказать, – твоя забота. У

Деборы хватило честности признаться себе, отчего она вдруг разозлилась. Она попыталась скрыть свою злость непривычной для нее словоохотливостью.

– Ужасные похороны, верно, Кэтрин? Простите нас с Феликсом, что мы сбежали. Отвезли домой миссис Проктор; я вдруг решила, что убийца – этот негодяй дядя Салли.

На Кэтрин ее слова не возымели действия.

– Я спросила инспектора о дяде, когда он допрашивал меня во второй раз. Он сказал, что у полиции есть все основания считать, что мистер Проктор не мог убить Салли. Но он не объяснил, какие. По-моему, это его забота. Один Бог знает, сколько и без того в доме дел.

И она пошла наверх. Глядя ей вслед, Дебора сказала:

– Я, может, жестокая, но, если убийца – один из обитателей Мартингейла, я бы предпочла, чтобы это была Кэтрин.

– Не похоже, – сказал Феликс. – Не могу себе представить, что она способна на убийство.

– А всех нас представляешь? Даже маму?

– Ее как раз могу, думаю, она способна, если сочла бы, что это необходимо.

– Не верю, – сказала Дебора. – Но даже если бы это было правдой, ты можешь представить себе, чтобы она не призналась, – ведь полиция оккупировала Мартингейл, подозревают других людей, мисс Лидделл и Дерек Пуллена, к примеру?!

– Нет, – ответил Феликс. – Нет, этого представить не могу.

Глава 7

1

«Розовый коттедж» на Нессингфорд-роуд радовал глаз: старинная постройка конца восемнадцатого века, скорее всего, в нем жили раньше сельскохозяйственные рабочие, и какой-нибудь проезжавший мимо автомобилист не без основания решил бы, что из него может получиться славный дом, приложи к нему руки. В руках Пуллена он превратился в копию муниципального дома, каких сотни тысяч. Огромная гипсовая овчарка водрузилась на подоконнике, заслонив собой весь оконный проем гостиной. За ней – подхваченные голубой лентой кружевные занавеси спадали изящными складками. Парадная дверь вела напрямик в гостиную. Здесь страсть Пуллена к современному интерьеру вышла из берегов, в результате получилось нечто на удивление раздражающее и нелепое. Одна стена была оклеена обоями – розовые звезды по голубому полю.

Противоположная стена просто выкрашена в розовый цвет – в тон звездам. Стулья обиты голубым в полоску материалом, очевидно, специально подобранным в тон обоям. Бледно-розовый волосяной ковер здорово пострадал от шлепавших по нему туда-сюда грязных башмаков. Все – неряшливо, непрочно, непросто, с вывертом. На Далглиша дом произвел гнетущее впечатление.

Дерек Пуллен и его мамаша были дома. Миссис Пуллен прореагировала не так, как это подобает нормальной женщине, когда в дом приходит полиция, расследующая дело об убийстве, – она встретила их потоком слов, словно давно уже поджидала их, никуда из дома не выходила. Фразы накатывали одна на другую. Как она рада их видеть... ее брат – полицейский констебль... может, слышали о нем... Пуллен в Баркинг-вэе... всегда лучше сказать полицейским правду... да нет, им-то нечего особенно сказать... бедняжка миссис Макси... ушам своим не поверила, когда мисс Лидделл сказала ей... дома Дереку сказала, он тоже не поверил... такую приличный человек не выберет... а Макси такие гордые... такая девчонка сама себе беду находит. Пока она лопотала, ее бледные глазки бессмысленно блуждали по лицу Далглиша. В глубине комнаты стоял ее сын, собравшись с духом перед неизбежным.

Итак, Пуллен узнал о помолвке поздно вечером в субботу, полиция уже установила, что вечером он был в Королевском театре, в Стрэтфорде, с компанией со своей работы, на празднике не был.

Далглишу с трудом удалось выпроводить говорливую миссис Пуллен на кухню и задать ее сыну несколько вопросов. Дерек тоже сердито выговаривал матери, чтобы она их одних оставила. Он явно ждал прихода Далглиша. Когда мать сказала, что пришли Далглиш с Мартином, он вскочил со стула с решительным и вместе с тем жалостным видом человека, потратившего все свои скудные душевные запасы на ожидание этой минуты. Далглиш беседовал с ним очень мягко. Словно с собственным сыном говорил, Мартин уже знал эту его манеру. Надежный способ, когда имеешь дело с неврастениками, людьми эмоциональными, особенно если их тяготит чувство вины. Чувство вины, думал Мартин, – забавная вещь. Парнишка этот небось и виноват-то только в том, что пару раз обнял ее да поцеловал, но покоя ведь себе не найдет, пока не выложит все кому-нибудь. С другой стороны, он может быть убийцей. Если так, страх заставит его молчать подольше. Но в конце концов он расколется. Скоро он поймет, что Далглиш – терпеливый, нестрогий, всемогущий заступник, духовный отец, перед

которым он жаждет открыться. А потом – другая беда; попробуй застенографируй его бред – начнет себя обвинять, виноватиться. Сам себя выдаст, Далглиш это отлично знал. Сержант Мартин, не отличавшийся сентиментальностью, не раз думал, до чего же у сыщика паршивая работенка.

Но пока что Пуллен вел себя на допросе нормально. Признался, что проходил мимо Мартингейла в субботу поздно вечером. Занимался, готовился к экзаменам и решил перед сном прогуляться. Он часто гуляет поздно вечером. Мать может подтвердить. Он взял конверт из Венесуэлы, найденный в комнате Салли, нацепил погнутые очки и, близоруко щурясь, стал рассматривать нацарапанные даты. Потом тихо сказал, что это он писал. Конверт – от его друга из Южной Америки. Он записал на нем время, когда сможет повстречаться с Салли Джапп. Не помнит, когда отдал его ей, но даты – дни их свиданий в прошлом месяце.

– Она обычно запирала дверь и спускалась к вам по водосточной трубе? – спросил Далглиш. – Не бойтесь выдать ее секрета. Мы нашли отпечатки ее рук на трубе. Что вы делали во время ваших свиданий?

– Пару раз гуляли по саду. А чаще сидели в старой конюшне, что напротив ее комнаты, и разговаривали. – Ему видно, показалось, что на лице Далглиша недоверие, он вспыхнул и сказал, оправдываясь: – Мы не занимались любовью, если вы об этом. Мне кажется, все полицейские подозревают в людях только грязные намерения, но она была не такой.

– А какой? – мягко спросил Далглиш. – о чем вы говорили?

– Да о чем угодно. Обо всем. Ей не хватало приятеля-сверстника. Ей, конечно, несладко жилось в приюте, но там можно было с девчонками пошутить. У нее была поразительная мимика. Я буквально видел и слышал как лопочет мисс Лидделл. Она и о своем доме рассказывала. Ее родители погибли в войну. У нее все по-другому бы сложилось если бы они были живы. Отец у нее преподавал в университете, они совсем не так жили, как ее тетка. Культурно жили., по-другому, в общем.

Далглиш подумал, что Салли Джапп очень любила давать волю воображению, а в Дерекке Пуллене она нашла доверчивого слушателя. Но в этих свиданиях было еще что-то, о чем Пуллен предпочел не рассказывать. Девчонка использовала его в каких-то целях. Но в каких?

– Вы приглядывали за ее малышом, когда она ездила во вторник в Лондон накануне смерти?

Это был выстрел в темноте, но Пуллен вроде бы и не удивился, что Далглиш знает об этом.

– Да. Я работаю в муниципалитете и могу, когда надо, взять отгул. Салли сказала, что ей надо поехать в город. Почему бы ей не съездить, подумал я. Может, в кино хочет сходить или по магазинам пройтись. Другие же матери могут...

– Странно, что Салли не оставила малыша в Мартингейле, раз ей надо было ехать в Лондон. Миссис Балтитафт, верно, иногда оставалась с ним. Эта конспирация, правда, какая-то неестественная.

– Салли всегда так. Любила секреты. Я думаю, когда она убегала по ночам из Мартингейла, она получала удовольствие от самого этого факта. Иногда мне казалось, что не так-то уж она и радуется нашим свиданиям. Беспokoилась за малыша, ко сну ее клонило. Но ей нужны были эти свидания. Сама мысль, что она убегает из дома, доставляла ей на следующее утро удовольствие.

– А вы не говорили ей, что если о ваших свиданиях прознают, то всыпят вам обоим?

– Мне-то с какой стати? – ответил Пуллен мрачно.

– Вы, по-моему, только прикидываетесь протачком. Готов поверить, что вы с мисс Джапп не были любовниками, потому как думаю, что умею разбираться, когда мне лгут, а когда правду говорят, да и слова ваши совпадают с тем, что я знаю о вас. Но ведь вы вряд ли можете рассчитывать, что другие окажутся столь же понятливыми. Факты истолковываются с точки зрения общепринятых взглядов так, как большинство видит их, особенно в конкретных обстоятельствах.

– Это верно. Раз у девушки незаконный ребенок, она должна быть нимфоманкой.

Парнишка произнес последнее слово неуверенно, будто он только что узнал его и в первый раз применил.

– Видите ли, я сомневаюсь, знают ли они, что это слово обозначает. Может, у людей действительно мерзкие мозги, но просто удивляет, как часто эта мерзость торжествует. Не думаю, что Салли Джапп была до конца откровенна с вами, когда убегала из Мартингейла в конюшни. Наверняка вы тоже об этом задумывались.

– Да, согласен.

Парень убито глядел в сторону, а Далглиш ждал. Он чувствовал, что тот еще что-то хочет ему объяснить, но мучается от своего косноязычия, от того, что не сообразит, как объяснить двум полицейским офицерам, которые и знать-то ее не знали, какая она, Салли, – живая, веселая, бесшабашная. Да это и понятно. Он не сомневался в том, как рассказ Пуллена будет воспринят присяжными заседателями, и радовался, что это уж

не его забота – втолковывать дюжине мужиков, что молоденькая, хорошенькая и уже попавшая к судьбе в немилость женщина по ночам выскальзывала из спальни, бросала малыша, хоть и ненадолго, исключительно из любви к задушевным беседам с Дерекком Пулленом.

– Мисс Джапп никогда не говорила вам, что боится кого-нибудь, что у нее есть враг? – спросил он.

– Нет. Не больно важная птица, чтоб у нее враги были.

«До субботнего вечера их не было», – подумал Далглиш.

– Она никогда не была с вами откровенна насчет ребенка? Насчет того, кто его отец?

– Нет. – Парнишка в какой-то мере преодолел свой страх, голос его звучал хмуро.

– Она не говорила вам, зачем ей нужно было поехать в Лондон в прошлый четверг?

– Нет. Попросила приглядеть за Джимми, потому что надоело таскать коляску по лесу и хотелось сбежать из деревни. Мы договорились, что она отдаст мне его на станции Ливерпуль-стрит. Прихватила с собой складную коляску, и я пошел с ним в парк святого Иакова, а вечером вернул ей малыша, домой мы возвращались порознь. Не хотел давать повод нашим сплетницам языками чесать.

– Вы никогда не допускали мысли, что она влюблена в вас?

– Да я точно знаю, что нет. – Он метнул на Далглиша взгляд и сказал, словно сам этот доверительный вопрос поразил его: – Она даже не разрешала мне дотрагиваться до нее.

Далглиш переждал, а потом спокойно сказал:

– Это не ваши обычные очки? А что с вашими?

Парень сдернул очки и прикрыл стекла руками жалким в своей бессмысленности жестом. Потом, осознав значение этого инстинктивного жеста, полез в карман за носовым платком и сделал вид, будто протирает их.

Дрожащими руками он водрузил очки снова себе на нос, косо, кое-как, и сказал еле слышным со страху голосом:

– Потерял я свои. Вернее, разбил. Чинить отдал.

– Разбил тогда же, когда синяк схватил?

– Да. На дерево налетел.

– Да что вы! На удивление в этих местах деревья опасные.

Доктор Макси сказал мне, что поцарапал палец о дерево. Может, это одно и то же дерево?

– Неприятности доктора Макси не имеют ко мне никакого отношения. Не понимаю, о чем вы.

– А я думаю, что понимаете, – сказал Далглиш мягко. – Хочу попросить вас – обдумайте все хорошенько, о чем мы тут тол-

ковали, а потом сделаете заявление и подпишете его. Никакого пожара нет. Мы знаем, где вас найти, когда вы нам понадобится. А если вы или мама захотите меня видеть, дадите знать. И запомните: кто-то убил Салли. Если не вы, бояться вам нечего. В любом случае соберитесь с духом и расскажите все, что знаете.

Он переждал минутку, но ничего, кроме страха и твердой решимости, в пристальном взгляде паренька не увидел. Потом встал и дал знак Мартину, чтобы тот следовал за ним.

Через полчаса в Мартингейле раздался телефонный звонок. Дебора в эту минуту шла через холл к отцу с подносом, она остановилась, пристроила его на бедро и взяла трубку. Потом заглянула в гостиную.

– Это тебя, Стивен. Дерек Пуллен, – сказала она.

Стивен приехал домой неожиданно-негаданно, всего на несколько часов, он не поднял головы от книги, но Дебора увидела, как напряглась его спина.

– Господи, что ему надо?

– Тебя ему надо. Похоже, чем-то обеспокоен.

– Скажи, Деб, пусть отвяжется. Дебора перевела его фразу на более или менее любезный тон. На том конце провода зазвучали возбужденные, бессвязные слова. Отстраняя трубку, Дебора пробормотала какие-то успокаивающие восклицания и вдруг почувствовала, как к ней подступил приступ истерического хохота, в эти два дня то и дело готовый прорваться наружу. Она вернулась в гостиную:

– Подойди все-таки, Стивен. С ним правда что-то неладное. Ты-то какое к нему имеешь отношение? Он говорит, у него полиция была.

– И все? Не у него одного. Скажи ему, меня она около шести часов мучила. И еще не конец. Скажи, пусть помалкивает и перестанет трепыхаться.

– Может, лучше сам ему скажешь? – ласково спросила Дебора. – Я ведь не твое доверенное лицо и уж подавно не его.

Стивен негромко чертыхнулся и подошел к телефону. Остановившись в холле, чтобы поудобнее взять поднос, Дебора услышала его торопливые увещевания.

– Хорошо. Хорошо. Скажите им, если хотите. Я не останавливаю вас. Они, не исключено, подслушивают наш разговор... Нет, я не говорил, но это не должно иметь для вас значения... Юный рыцарь, да и только... Дорогой мой, меня совершенно не интересует, что вы скажете им, когда и как, но умоляю, не надоедайте мне со всей этой историей. До свидания.

Далглиш и Мартин сидели в небольшом зале гостиницы «Охотники за луной», им было явно не по себе: желудки вроде бы полные, а еда – жвачка какая-то. А их-то уверяли, что миссис Пиггот, державшая со своим мужем гостиницу, слывет радушной хозяйкой – кормит щедро, хотя и просто. Последнее замечание насторожило джентльменов, им столько на своем веку в вечных мотаниях по стране довелось испытать сюрпризов этой самой «простой английской кухни»! Мартин, судя по всему, страдал от нее сильнее. В годы военной службы во Франции и Италии он привык к континентальной кухне, наслаждался которой и во время своих отпусков за границей. Почти все свободное время и все свободные деньги он тратил именно на это. Они со своей веселой, непоседливой женой были заядлыми и непрехотливыми путешественниками, знали, что их примут и вкусно накормят практически в любом уголке Европы. Пока что, как ни странно, их нигде не постигало разочарование. Сейчас, ощущая тяжесть в желудке, Мартин с тоской вспоминал cassulet de Toulouse^[18], при мысли о roulard en vessu^[19], которую он попробовал в первый раз в скромной гостинице в Ардене^[20], у него засосало под ложечкой. Желания Далглиша были куда проще и четче. Он жаждал простой, прилично приготовленной английской еды. Миссис Пиггот особенно пеклась о своих супах. Оно и видно – содержимое суповых пакетиков всегда было хорошо размешано, почти без комков. Она даже экспериментировала с приправами и готовила супы из свежих помидоров (суп оранжевого цвета) и бычьих хвостов (красновато-коричневый), до того густые, что ложка стояла, и до того острые, что обжигало рот и глаза. Вслед за супом были поданы бараньи котлеты, живописно угнездившиеся в картофельном холмике и выложенные по обеим сторонам консервированными бобами, неправдоподобно крупными и светлыми. На вкус они напоминали соевую муку. От них тянулось нечто зеленоватое, имеющее весьма отдаленное сходство с каким-либо овощем и плохо сочетающееся с серой подливой. Затем подали пай с начинкой из яблока и черной смородины, не ведавших о возможности союза меж собой до того, как заботливая рука миссис Пиггот соединила их и, не поскупившись, прикрыла синтетическим кремом.

Мартин усилием воли заставил себя переключиться с созерцания этих кулинарных кошмаров на занимавший их обоих сюжет.

– Странно, сэр, что доктору Макси понадобилось звать Херна,

чтобы тот помог ему с лестницей. Ведь с ней справиться крепкому мужчине и одному под силу. Самый короткий путь к старым конюшням по черной лестнице. А он вместо этого пошел искать Херна. Такое впечатление, будто без свидетеля боялся этот труп обнаружить.

– Очень может быть. Даже если не он убил девушку, ему нужен был свидетель когда он входил в комнату, не зная, что его там ждет. К тому же он был в пижаме и халате. Вряд ли это самая удобная одежда для того, чтобы лазить по лестницам и в окна.

– Сэм Боукок подтвердил в основном рассказ Макси. Но это ничего не значит, пока не будет установлено, когда наступила смерть. Однако доказывает, что в одном Стивен не лжет.

– Сэм Боукок любые слова любого Макси подтвердит. Этот человек – находка для адвоката. Помимо его умения говорить мало, но при этом создавать впечатление абсолютной, самой искренней правдивости, он действительно убежден, что никто из Макси не виноват. Вы же слышали его слова. «В этом доме – порядочные люди». Истина, не требующая доказательств. И он не отступится от нее, даже представ перед Всемогущим Богом на престоле Судии. А Олд-Бейли^[21] его не пугает.

– Думаю, он даст честные показания, сэр.

– Конечно, ты так думаешь, Мартин. Он бы мне больше по душе пришелся, если бы не смотрел на меня как-то странно – словно немного забавляется, немного сочувствует мне. Такой взгляд я замечал у стариков из глубинки. Да ты и сам сельский житель. Уверен, можешь растолковать мне, что он означает.

Без сомнения, Мартин мог, но скрытность была самой доблестной чертой его характера.

– По-моему, он очень музыкальный старик. Проигрыватель у него отменный Забавно что в такой развалюхе – такой отличный современный аппарат, с отличным звуком.

Поигрыватель и полки с долгоиграющими пластинками и правда бросались в глаза в гостиной, в которой почти все предметы были реликвиями прошлого. Видно Боукок к свежему воздуху относился столь же уважительно, как и многие сельские жители. Два крохотных оконца были закрыты, и никаких признаков, что их вообще когда-нибудь открывали. Старые-престарые обои с веночками из выцветших розочек. Трофеи и сувениры первой мировой войны – отряд кавалеристов на старой фотографии, медали под стеклом, репродукции грязновато-бурых портретов короля Георга V и королевы.

Семейные фотографии; постороннему вряд ли удалось бы

определить степень родства запечатленных на них персонажей. Кто этот серьезный молодой человек с бакенбардами возле своей невесты, девицы, одетой по моде эдуардианского времени^[22], – отец или дед Боукока? Хранил ли он память и фамильную верность этим сепиям, на которых застыли группы мужчин в котелках и выходных костюмах и их крепкие плоскогрудые жены и дочери? Над камином висели снимки более позднего периода. Стивен Макси, переполненный гордостью по случаю своей первой прогулки на лохматом пони, рядом несомненно Боукок, хоть он тут и моложе. Дебора Макси (волосы собраны в конский хвост), наклонясь с седла, берет розочку. В скоплении старых и новых предметов сказывалась привычка бывшего солдата бережно хранить свое личное имущество.

Боукок пригласил их в дом с приятной учтивостью. Он ужинал. Хоть он и жил бобылем, на стол он выставил все, как обычно делают женщины, что под рукой было. На нем красовались буханка черствого хлеба, банка с вареньем и ложка сверху, стеклянный с орнаментом кувшин с ломтиками свеклы; другой кувшин – с весенним луком; огурец, аккуратно сложенный в маленькую банку. В центре – миска с салатом-латуком соревновалась за лидерство на этом пиршестве с огромным, домашней выпечки пирогом. Далглиш вспомнил, что дочка Боукока замужем за фермером из Нессингфорда и приглядывает за отцом. Пирог, должно быть, олицетворял самый свежий пример дочерней заботы. Вдобавок к этим разносолам, судя по запаху и по тарелкам, Боукок только что расправился с жареной рыбой и картошкой.

Далглиша и Мартина уютно устроили в тяжелые кресла, стоящие по обе стороны камина, – Даже в этот теплый июльский день в камине был разведен огонек, его слабый белесый пламень почти не был виден в потоке солнечного света, льющегося из окна, обращенного на запад. Им предложили по чашечке чая. После этих церемоний Боукок безусловно счел, что знаки гостеприимства не прошли бесследно, теперь долг его дорогих гостей сообщить, зачем они пожаловали. Он снова принялся за еду, отламывая куски хлеба худыми смуглыми пальцами, машинально, рассеянно отправляя их в рот, молча и сосредоточенно пережевывая. Он не позволял себе лишних замечаний, вдумчиво отвечал на вопросы Далглиша, отчего казалось, что у него просто нет никакого интереса к этой беседе, не то что ему не хочется быть полезным. Он разглядывал обоих полицейских с откровенной усмешкой, оценивающе, и это несколько смущало и очень даже раздражало Далглиша, которому в ляжки впивался конский волос кресла, а от жары пот

тек по лицу ручьями.

Неторопливый обмен вопросами и ответами не дал ничего нового, ничего неожиданного. Стивен Макси был здесь в тот вечер. Он пришел, когда передавали девятичасовые новости. Боукок не помнил, когда он ушел. Довольно поздно. Мистер Стивен скорее запомнил. Очень поздно? «Да. После одиннадцати. Может быть, позднее. Может, гораздо позднее». Далглиш сухо заметил, что безусловно мистер Боукок вспомнит более точное время, когда у него будет возможность подумать. О чем они говорили? «Больше слушали Бетховена. Мистер Стивен не очень разговорчив». Боукок так это сказал, словно сожалел, что сам-то он чересчур болтлив, а уж весь мир и особенно полицейские – удручающе болтливы. Ничего нового не выяснилось.

Он почти не видел Салли во время праздника, только к вечеру уже, когда она катала малыша на пони, и потом часов в шесть, когда у мальчишки из воскресной школы шар застрял в ветках вяза и мистер Стивен принес лестницу, чтобы достать его. Салли была рядом, тут же малыш в коляске. Боукок запомнил, что она держала лестницу. А так он ее и не видел. Да, он видел Джонни Уилкокса. Минут десять четвертого или что-то в этом роде. Он выскользнул из палатки, где пили чай, с каким-то подозрительным свертком. Нет, Боукок его не остановил. Уилкокс вполне приличный парнишка. Мальчишки не очень-то рвались помогать с чаем. Боукок сам в юности таким был. Раз Уилкокс сказал, что он вышел из палатки в полпятого, значит, он маленько привирает, вот и все. Парень максимум полчаса поработал. Может, старика и занимало, с чего это вдруг полиция интересуется Джонни Уилкоксом и его провинностями, но виду он не показывал и на все вопросы Далглиша отвечал с одинаковым хладнокровием и напускной искренностью. Он ничего не знал о помолвке мистера Макси и в деревне никаких разговоров не слышал – ни до, ни после убийства.

– У нас есть охотники языками помолоть. Не надо их всерьез воспринимать. Люди они неплохие и хозяева хорошие.

Больше он ничего не сказал. Сомневаться не приходилось: если бы он переговорил со Стивеном Макси и знал, что от него требуется, он куда четче запомнил бы время, когда Макси ушел от него той ночью. А сейчас он был начеку. Но то, что он предан Макси, – очевидно. Они ушли, а он продолжал свою трапезу в гордом одиночестве, взволнованный их визитом, предаваясь под аккомпанемент музыки воспоминаниям.

– Да, – сказал Далглиш. – Не похоже, что нам удастся выудить из Боукока что-нибудь стоящее о Макси. Молодой Макси знал,

куда ему пойти, чтобы иметь алиби. Хотя кое-чего мы добились. Коль скоро Боукок не ошибается, а уж он-то наверняка точнее, чем Джонни Уилкоккс, встреча на чердаке происходила до половины пятого. И это совпадает с нашими сведениями о дальнейших передвижениях Джапп, включая эпизод в чайной палатке, когда она пришла точь-в-точь в таком же платье, как у миссис Рискоу. До без четверти пять Джапп в этом наряде никто не видел, следовательно, она переделалась после беседы на сеновале конюшни.

– Смешной номер она отколола, сэр. А зачем она ждала именно этого часа?

– Не исключено, что она купила платье для какого-нибудь парадного выхода. Может, во время беседы что-то изменилось, и она больше не зависела от Мартингейла. И потому могла себе позволить последний жест с другой стороны, если она еще до субботы знала, что выйдет замуж за Макси она вольна была позволить себе эту выходку когда взбредет в голову. Любопытное несовпадение в показаниях насчет этого предложения руки и сердца. Если верить мистеру Хинксу – почему бы и нет? – Салли Джапп уже знала, что выходит замуж когда повстречала его в предыдущий четверг. С трудом мне верится, что у нее было два жениха, не такой уж нынче избыток претендентов. А что до романов молодого Макси, то тут тоже есть кое-что любопытное.

Он протянул лист тонкой бумаги, смахивающий на бланк. На нем значилось название небольшого прибрежного отеля.

«Сэр!

Хотя мне приходится беречь свое доброе имя и я не особенно жажду иметь дело с полицией, я сочла своим долгом сообщить вам, что в прошлом году двадцать четвертого мая у нас в отеле останавливался некий Макси с дамой, которую он записал в книге регистрации как свою жену. Я видела фотографию в «Ивнинг Кларион» доктора Макси, замешанного в деле об убийстве в Чадфлите. В Газете сказано, что он холостяк, а это тот самый человек. Я не видела фотографии убитой девушки, потому ничего не могу сказать о ней, тем не менее сочла своим долгом довести вышеизложенное до вашего сведения. Конечно, моя информация может ничего и не прояснить, но мне не хотелось бы оказаться впутанной в неприятную историю, и потому буду вам весьма благодарной, если мое имя останется в тени. А также название моего отеля, который всегда обслуживал весьма почтенную публику. Макси останавливался у нас всего на одну ночь; вел себя очень спокойно, но мой муж считает, что наш долг сообщить вам эту информацию. Пишу вам без всякой предубежденности.

Искренне ваша
Лайли Бервуд (миссис)»

– Эта дама на удивление печется о своем долге, – сказал Далглиш, – правда, трудновато понять, что она имеет в виду под «предубежденностью». Чувствую, что над этим письмом изрядно попотел ее муженек, над формулировочками тоже, но предпочел его не подписывать. Я послал нашего шустрого юнца Робсона разузнать, что там да как, не сомневаюсь, он получил максимум удовольствия. Да к тому же ему удалось убедить их, что та самая ночь не имеет ничего общего с убийством и что самое лучшее для репутации отеля и для них самих – выбросить эту историю из головы. Хотя все не так-то просто. Робсон захватил с собой несколько фотографий, и они подтвердили одну мою небезынтересную версию. Как вы думаете, кто был соучастником грехопадения Макси?

– Мисс Бауэрз, сэр?

– Именно. А я-то надеялся удивить вас.

– Но кто же еще, сэр, если предположить, что это кто-то из местных. У нас нет никаких оснований считать, что доктор Макси давно крутит роман с Салли Джапп. Почти год прошел.

– Стало быть, вы не склонны придавать этому серьезное значение?

– Просто молодые нынче не относятся к этому так серьезно, как нас учили.

– Грешат-то они столько же, но просто легче относятся к греху. У нас нет оснований думать, что мисс Бауэрз такого же десятка. Ее, наверно, потрясло случившееся. Она не произвела на меня впечатления человека, чуждого условностей, она без ума от Макси и не настолько умна, чтобы скрывать это. Думаю, она спит и видит, как бы ей выйти замуж за Макси, и ее шансы после субботней ночи значительно выросли. Она присутствовала при той сцене в гостиной. Она знала, что ей предстоит потерять.

– Думаете, это еще продолжается, сэр? – Сержант Мартин никогда не мог заставить себя более конкретно формулировать все связанное с грехами плоти. Он такого наслушался и посмотрелся за тридцать лет работы в полиции, что пора бы ему лишиться иллюзий, но человек он был крепкой закалки, к тому же добрый, он так и не поверил, что люди такие злые или такие слабые, какими их постоянно представляли в суде.

– Вряд ли. Этот уик-энд, не исключено, был единственным путешествием в страсть. Может, и совсем неудачным. Может, как вы уже достаточно сурово определили, – минутный каприз. Но это осложняет дело. Любовь, такого рода любовь, всегда

осложняет дело. Кэтрин Бауэрз относится к типу женщин, которые говорят своему мужчине, что они готовы на все ради него, и так иногда и оказывается.

– А она знала о таблетках, сэр?

– Никто не сознается, что сказал ей, думаю, она не кривила душой, настаивая, что ничего о них не знала. Ей могла сказать Салли Джапп, но они не очень-то ладили, вернее, насколько я выяснил, они просто не выносили друг друга. Но из этого ничего не следует. Мисс Бауэрз должна была знать, что в доме есть какое-то снотворное и где оно может храниться, знал и Херн.

– Странно, что он остался, а не уехал.

– Думаю, объяснение одно: убийство совершено кем-то из членов семьи, и он не уезжает, чтобы постараться отвести наши подозрения. Он даже, может быть, знает, кто убийца. Если так, боюсь, он не совершит промашки. Я попросил Робсона последить за ним. Его рапорт, если отбросить психологические домыслы – а он очень любит их высказывать, – подтверждает мои ожидания. Вот он. Досье на Феликса Херна. В годы войны – отличные отзывы. Бог знает как он их добился, или же все-таки война добила его. С 1945 года он болтается без дела, немного пишет. Он совладелец издательства «Херн энд Иллингворт». Его дед, Мортимер Херн, основал это издательство. Его отец женился на француженке, мадемуазель Аннет д'Апприус в 1919 году. Этот брак укрепил их материальное положение. Феликс родился в 1921 году. Получил образование в обычных и закрытых дорогих учебных заведениях. С Деборой Рискоу его познакомил ее муж, его школьный товарищ, который был намного его младше, в Мартингейле: судя по словам Робсона, он никогда не видел Салли Джапп до того, как посетил этот дом. У него самого очень приятный домик в Гринвиче, похожий на этот, за хозяйством приглядывает его бывший денщик. Ходят сплетни, что он и миссис Рискоу любовники, но доказательств у нас нет, а из слуги хоть калеными щипцами тащи – не вытащишь ничего. Да я и не знаю, есть ли что выяснять. Миссис Рискоу, конечно же, лгала, когда сказала, что они провели всю субботнюю ночь вместе. Полагаю, Феликс Херн мог бы в принципе убить Салли Джапп, чтобы вызволить Дебору Рискоу из затруднительного положения, но присяжные этому не поверят, да и я тоже.

– Он не держит таблеток?

– Нет. Не думаю, что стоит сомневаться в том, что таблетки, которые подбросили Салли Джапп, извлекли из аптечки мистера Макси. Тем не менее такие таблетки были еще кое у кого. Мартингейлский пузырь мог закопать таким эффектным способом для отвода глаз. По словам доктора Эппса, он

выписывал это снотворное – соммейль – мистеру Макси, сэру Рейнольду Прайсу и мисс Поллак из приюта святой Марии. Ни один из этих страдающих бессонницей людей не может сказать с определенностью, сколько у него было таблеток. И неудивительно. Обычно все относятся к лекарствам весьма небрежно. Где это сообщение? Вот оно. О мистере Макси нам все известно. Сэр Рейнольд Прайс. Рецепт он получил в январе этого года, лекарство купил четырнадцатого января у Гудлиффа. У него было двадцать три таблетки в гранулах, говорит, что принял приблизительно половину, а потом бросил. Очевидно, он быстро отделался от своей бессонницы. Логика подсказывает, «что пузырек, найденный в кармане его пальто доктором Эппсом, принадлежит ему. Сэр Рейнольд готов признать это, хотя не помнит, когда сунул пузырек в карман. Не совсем подходящее место для снотворных, но он часто не ночует дома, так что, по его словам, вполне мог второпях положить его в карман. Нам хорошо известен сэр Рейнольд Прайс, местный бизнесмен, сит^[23] фермер, позволяющий себе небольшие убытки в сельском хозяйстве, которые он покрывает за счет прибыли со своего бизнеса. Он был вне себя, что кто-то, как он выражался, осквернил Чадфлит-Нью-таун, построив викторианский псевдозамок, да такой уродливый, что удивляюсь, почему никому не пришло в голову основать общество по его охране. Безусловно, сэр Рейнольд – обыватель, но, думаю, не убийца. Правда, у него нет алиби на прошлую субботу, от его слуг мы узнали, что он уехал на машине из дома около десяти вечера и вернулся только рано утром в воскресенье. Сэр Рейнольд чувствует себя таким виноватым, он так сконфужен из-за этой своей отлучки и так явно отмалчивается – как и положено истинному джентльмену, – что, думаю, тут кроется любовная интрижка. А когда мы надавим сильнее и он поймет, что ему грозит обвинение в убийстве, мы скорее всего узнаем имя леди. Он частенько отправляется куда-то на ночь, и, по-моему, эти экскурсии не имели отношения к Джапп. Он вряд ли рискнул бы поехать на своем «даймлере», если бы ему предстоял столь опасный визит в Мартингейл.

Нам все известно о мисс Поллак. Она, пожалуй, к таблеткам относится, как наркоман должен бы относиться к кокаину, но такого редко встретишь. Она долго сражалась с двумя дьяволами – искушением и бессонницей, и в конце концов пыталась бросить таблетки в унитаз, мисс Лидделл отговорила ее от этого и, может, вернула их доктору Эппсу. Доктор Эппс, по словам того же Робсона, не исключает, что она вернула их, но поручиться не может. Их было немного, и опасности они не

представляли, к тому же они были в запечатанной упаковке. Чудовищная небрежность, по-моему, но люди так уж устроены. И снотворное не значится в списке DDA^[24], к тому же Салли Джапп положили всего лишь три таблетки, и, по здравому рассуждению, они были взяты из мартингейлского пузырька.

– А это вновь возвращает нас к семейству Макси и их гостям.

– Безусловно. И преступник не так уж глуп. Если мы не найдем эти таблетки и не докажем, что кто-то из Макси имел к ним доступ, никакого шанса на то, что мы сможем предъявить обвинение. Легко представить, что нас ждет. Салли Джапп знала о таблетках. Могла сама их принять. Их положили в кружку миссис Рискоу. Доказательств, что они были предназначены для Салли Джапп, нет никаких. Во время праздника любой мог проникнуть в дом и поджидать девушку. Просто так, без злого умысла. Кто угодно мог взять снотворное. И насколько я знаю теперь, убийца правильно рассчитал.

– Но если он нечаянно положил лишнюю дозу и тем самым убил девушку, это непреднамеренное убийство.

– Это невозможно. Эти барбитураты слишком медленно действуют, так что они плохое орудие смерти. Девушка могла быть в состоянии комы несколько дней, а потом прийти в себя. Любой врач это знает. С другой стороны, попробуй удуши сильную, здоровую девушку, да просто поберись к ней в спальню, если она не под действием наркотика. Комбинация довольно рискованная для убийцы, но менее рискованная, чем если бы прибегнуть к одному из способов. К тому же не думаю, чтобы кто-нибудь смог проглотить смертельную дозу, даже не заподозрив, что он глотает. Сомнейль не такой горький, как большинство снотворных, но не совсем безвкусный. Может, потому Салли Джапп мало выпила какао. Вряд ли сон одолел ее от такой мизерной дозы, но она приняла смерть не сопротивляясь. Вот что любопытно. Джапп или ждала своего ночного гостя, или не испугалась его. А если так, зачем надо было подбрасывать таблетки? Может, эти два события и не связаны одно с другим, но слишком уж странное совпадение – некто подложил опасное лекарство ей в ту же ночь, когда ее решили задушить. Да и следы от пальцев в неожиданных местах. Некто спустился по сточной трубе, но на трубе – только следы от пальцев Джапп, и весьма свежие. В мусорном ведре мы нашли банку из-под какао, но без бумаги, которой она была выстелена. На банке следы пальцев Джапп и Балтитафт. На задвижке в спальне только следы пальцев Джапп, хотя они почти стерты. Херн говорит, что брался за задвижку носовым платком, когда открывал дверь, что – учитывая обстоятельства – сви-

детельствует о присутствии выдержки у него. Можно сказать, даже слишком большая выдержка, Херн – единственный из всех, кто не теряет голову в момент опасности и не забывает о самом важном.

– Тем не менее что-то его здорово выбило из колеи к тому времени, как он пришел на допрос.

– Верно, сержант. Я бы спокойно отнесся к его выпадам, если бы не считал, что это он со страха. Люди иногда со страха именно так себя ведут. Бедняга просто жалкое зрелище собой представлял. Учинил какой-то дикий спектакль. Даже Проктор, и тот классом выше представление устроил, один Господь знает, как он напуган.

– Мы знаем, что Проктор не мог совершить убийство.

– Это знает и Проктор. Но врал он без зазрения совести, только мы его расколем, когда придет время. Думаю, насчет телефонного звонка он не врал, во всяком случае, почти что не врал. Ему не повезло, что дочка подошла к телефону. Если бы он взял трубку, сомневаюсь, чтобы он упомянул об этом звонке. Он по-прежнему настаивает на том, что звонила мисс Лидделл, и Берил Проктор подтверждает, что звонившая представилась именно так. Сначала Проктор сказал жене и нам, что она звонила просто сообщить, как дела у Салли. Когда мы позднее вновь задали ему этот вопрос, прибавив, что мисс Лидделл отрицает, что звонила ему, он продолжал стоять на своем: сказал, что то была или она, или кто-то, притворившийся ею, но добавил, что она поделилась с ним новостью – Салли помолвлена и собирается замуж за Стивена Макси. Это уже безусловно более резонный мотив, чем просто желание рассказать, как поживает его племянница.

– Удивительно, как много людей знали о помолвке еще до того, как она состоялась.

– Или до того, как она состоялась по версии Макси. Он по-прежнему утверждает, что сделал Салли предложение под влиянием минуты, когда они повстречались в саду без двадцати восемь вечера, в ту субботу, и что раньше он и не думал просить Салли стать его женой. Это не значит, что она не думала о замужестве. Не строила планы. Но слов нет, говорить о радостном событии заранее не надо, можно сглазить. А что могло толкнуть ее сообщить об этом своему дяде, если не злорадство и стремление досадить ему? Коли так, зачем было притворяться мисс Лидделл?

– Вы готовы признать, сэр, что звонила Салли Джапп?

– Нам же говорили, что она умела великолепно подражать другим. Думаю, мы можем с уверенностью считать, что звонила

Джапп, и немаловажно, что Проктор по-прежнему не хочет согласиться с этим. Еще одна небольшая тайна, которую, похоже, нам никогда не разгадать, – где была Салли Джапп после того, как уложила ребенка спать, вплоть до своего появления на парадной лестнице в Мартингейле. Никто ее в этот промежуток не видел.

– Разве нельзя допустить, что она была у себя в комнате с Джимми, а потом вышла взять какао на ночь, когда уверилась, что Марта легла спать и ей никто не помешает?

– Безусловно, это самое убедительное объяснение. Ее вряд ли встретили бы с распростертыми объятиями в гостиной и на кухне. Может, она хотела побыть одна. Право же, ей было о чем подумать.

Они помолчали. Далглиш размышлял о том, сколько разных нитей ведет к разгадке этого дела. Упорство, с которым Марта твердила об одном из недостатков Салли. Пузырек со снотворным, который кто-то второпях зарыл в землю. Пустая банка из-под какао, девушка с золотистыми волосами, смеявшаяся над Стивеном Макси, когда он снимал воздушный шар с вяза в усадьбе, анонимный телефонный звонок и рука в перчатке, блеснувшая на солнце, когда кто-то закрывал люк на сеновал в конюшне Боукока. А в самой сердцевине этой тайны – непонятный характер Салли Джапп, разгадка которого все упростила бы.

Глава 8

1

Утро в четверг в госпитале св. Луки выдалось на редкость светлым, и Стивен Макси вспомнил о Салли Джапп только за ленчем. Потом, как это всегда бывает, происшедшее словно ножом отсекло не требующую особых усилий приятную суету повседневности. Разговоры за столом казались сплошной фальшью, а его коллеги словно прятали неловкость, которую испытывали подле него, за потоком банальностей. Они слишком уж предусмотрительно отложили в сторону газеты, чтобы какой-нибудь заголовок ненароком не напомнил им, что среди них – человек, подозреваемый в убийстве. Как осторожно старались они втянуть его в беседу. Без излишнего нажима, чтобы он не подумал, что им жаль его. Но и не вяло, опасаясь, что он решит, будто они избегают его. Мясо дали отвратное, просто кусок картона. Он заставил себя проглотить несколько кусков – совсем никуда не годится коли подозреваемый отказывается от еды,

изобразил на лице отвращение к пудингу. Его буквально одолела жажда действия. Если полиции в голову не пришло, то он сообразил, что надо делать. Бормоча извинения, он оставил своих коллег – пусть себе голову ломают. А как же иначе? Что удивительного в том, что они хотят задать ему единственный роковой вопрос?! Его мать (рука ее лежала на его руке, когда он взял телефонную трубку, лицо, искаженное горем и отчаянием, повернуто к нему) хотела спросить то же самое. И он ответил: «Можешь не спрашивать. Я ничего не знаю, клянусь».

В его распоряжении был один час, и он знал, что он сделает. Разгадка смерти Салли – в ее жизни, вернее, в жизни до приезда в Мартингейл. Стивен был убежден, что ключ к тайне – в отце ребенка, если только удастся его найти. Он не задумывался над тем, что толкает его на эти поиски, рождено ли желание найти неизвестного мужчину логикой, любопытством или ревностью. Он искал облегчения в действии, сколь безуспешным оно ни оказалось бы.

Он помнил, как зовут дядю Салли, но точного адреса не помнил, пришлось поблуждать между разными Прокторами в поисках номера телефона обитателя Кэннинг-бери. Ему ответил неестественный, напряженный женский голос, видно, его обладательница не привыкла говорить по телефону. Когда он представился, наступило такое долгое молчание, что он решил – их разъединили. Он просто физически ощутил ее недоверие, словно оно передалось ему по проводу, и постарался рассеять его. Но она все еще мялась, и он поинтересовался, может, ей удобнее, чтобы он позвонил позднее и переговорил с мужем. Он вовсе не собирался ей угрожать. Представил себе, что она относится к тому типу женщин, которые не способны совершить даже пустяковый поступок самостоятельно. Реакция была неожиданной. Она выпалила:

– Ой, что вы! Нет! Во все не надо. Мистер Проктор не хочет говорить о Салли. Низачто не звоните мистеру Проктору. В общем-то ничего страшного не случится, если мистер Макси узнает, что ему надо узнать. Но лучше бы мистеру Проктору вовсе не знать, что он звонил.

И она дала Стивену адрес. Когда Салли забеременела, она работала в Клубе подбора книг, в Сити, на Фалькон-ярд.

Здание клуба стояло во внутреннем дворе рядом с собором св. Павла. Пройти к нему надо было узким темным проулком, нашел Стивен его с трудом, но сам двор был залит светом и был тихим, как площадь перед провинциальным собором. Скрежещущее крещендо городского транспорта здесь превратилось в

приглушенный стон, точно отдаленный шум моря. Воздух пропитали речные запахи. Он с легкостью нашел нужное ему здание. На солнечной стороне двора в маленьком окошке клуба были выставлены книжки, которые предлагал клуб; витрина эта была устроена с тщательно продуманной небрежностью, на фоне драпировок из алого бархата. Клубу неспроста дали такое название. Он обслуживал любителей остросюжетных повествований, которым не важно было, кто их придумал, главное – избавиться от скучной процедуры самостоятельного выбора, они были убеждены, что книжный шкаф с книгами одинаковой величины, объема и цвета придаст благородство любой комнате. Клуб предпочитал, чтобы добродетель торжествовала, а порок был наказан. Тут остерегались непристойностей, избегали двусмысленностей и, чтобы не рисковать, не держали книг безвестных авторов. Неудивительно, что сотрудникам частенько приходилось рыться в старых рекламных списках издателей, чтобы обеспечить текущий выбор. Стивен отметил только несколько книг с импринтом «Херн энд Ил-лингворт». Удивительно, что они тут очутились.

Ступени, ведущие к парадной двери, были стерты добела, открытая дверь вела в небольшой уютный офис, предназначенный для тех посетителей, которые предпочитали сами выбрать книги раз в месяц. Стивен услышал, как пожилой чиновник мучительно вспоминает подробности и неожиданную концовку какого-то романа, дежурная библиотекаря бесконечно долго, оживленно его пытается на этот счет, считая, что ему не следует удаляться, пока он не помянет все достоинства предложенной ему книги. После того как он справился с этой задачей, последовал вопрос относительно мнения его ближайших родственников, а также его мнения о книгах, предложенных в прошлом месяце. Стивен терпеливо ждал, пока с этим будет покончено, и женщина, освободившись, перевела на него свой решительный, ясный взор. Небольшая карточка на столе гласила, что это мисс Титли.

– Простите, бога ради, что задержала вас. Вы наш новый посетитель, верно? Я не имела удовольствия беседовать с вами раньше, если не ошибаюсь; со временем я со всеми нашими читателями знакоюсь. Вот тот человек, что сейчас был, – Кэнон Тэтлок. Очень милый. Наш постоянный клиент. Но его нельзя было торопить. Нельзя.

Стивен, пустив в ход все свое обаяние, объяснил, что хотел бы поговорить с кем-нибудь из администрации по очень важному личному делу. Он не собирается ничего продавать и, откровенно говоря, не может долго задерживаться. Он просит прощения, что

объясняет все скороговоркой, но дело действительно очень важное.

– По крайней мере для меня, – добавил он с улыбкой.

Улыбка ему удалась. Мисс Титли, естественно, пришедшая в волнение от непривычной ситуации, отошла в глубь кабинета и с кем-то тихо заговорила по телефону. Разговор затянулся. Она бросила на него несколько взглядов, словно хотела убедиться, насколько он внушает доверие. Наконец она положила трубку и вернулась сообщить, что мисс Молпас готова принять его.

Кабинет мисс Молпас был на третьем этаже. К нему вела узкая крутая лестница, покрытая дорожкой. Стивену и мисс Титли приходилось отступать в разные концы лестничной площадки, чтобы пропустить спускавшихся сотрудников.

Ни одного мужчины они не встретили. Наконец, Стивен попал к мисс Молпас, она облюбовала себе прекрасное местечко. Три крутых лестничных марша были просто мизерной платой за вид, открывающийся поверх крыш, за сияние серебряной ленты, бегущей от Вестминстера. Мисс Титли скороговоркой представила Стивена, – ее объяснение было столь почтительно, сколь и нечленораздельно, – и испарилась. Мисс Молпас грузно поднялась из-за стола и предложила Стивену сесть в кресло. Кургузая смуглая женщина, на удивление простецкая. Лицо круглое и большое, прямая густая челка до самых бровей. Очки в роговой оправе такие массивные, что кажутся просто карикатурными. На ней были короткая твидовая юбка и белая мужская рубашка с желто-зеленым плетеным галстуком, напоминавшим Стивену отвратительную раздавленную гусеницу. Но голос у нее был приятный, а рука, которую она протянула ему, – прохладная и твердая.

– Вы Стивен Макси, верно? Я видела вашу фотографию в «Эко». Поговаривают, что вы убили Салли Джапп. Это правда?

– Нет, – сказал Стивен. – И никто из членов моей семьи не убивал. Но я пришел не для того, чтобы обсуждать, кто убил. Я хочу узнать, что удастся, о Салли. Подумал, вы сможете мне помочь. Я беспокоюсь о ребенке. Теперь, когда у него не стало матери, я думаю, очень важно найти его отца. Никто не объявился пока, но мне вдруг пришло в голову, что этот мужчина просто не знает о случившемся. Салли была очень независимой. Если он не знает и готов помочь Джимми, думаю, ему надо дать такую возможность.

Мисс Молпас подвинула к нему лежавшие на столе сигареты.

– Вы курите? Нет? Тогда я закурю. Вы немного не о том, верно? Лучше выкладывайте все начистоту. Вряд ли этот мужчина не узнал о случившемся. Как он мог не узнать? Непременно

узнал. Ведь столько шуму в газетах было. И полиция сюда наведывалась насчет этого дела, но не припомню, чтобы ее волновала судьба ребенка. Искали, скорее всего, мотивы преступления. Они такие дотошные, предоставьте им этим заниматься.

Значит, полиция побывала здесь. Глупо, просто нелепо предположить, что не побывала, тем не менее известие мисс Молпас его очень расстроило. Так они все время будут его обгонять. Самонадеянность с его стороны полагать, что он разузнает что-нибудь важное о Салли, опытная полиция, упорная и бесконечно терпеливая, конечно же, уже сама все вызнала. На его лице, должно быть, проступило разочарование, потому что мисс Молпас расхохоталась.

– Не унывайте! Вы еще сможете их обскакать. Ничем особенным я вам не помогу. Все, что мне было известно, я рассказала полиции, а они записали самым аккуратным образом, но я видела – ничего это им не дало.

– Может быть, лишь одно – они окончательно утвердились в своей версии, что виновен кто-то из моей семьи.

– Но то, что никто из моих сослуживцев не виновен, – ручаюсь. Даже не могу представить себе, кто бы мог оказаться отцом ее ребенка. У нас здесь нет ни одного мужчины. Она, безусловно, забеременела, пока здесь работала, но можете не спрашивать меня, как это произошло.

– А какая она была, мисс Молпас? – спросил Стивен. Он выдавил из себя этот вопрос, понимая его абсурдность. Они все задают один и тот же вопрос, такое впечатление, что вдруг найдется человек, который в хаосе показаний и сомнений скажет: Салли была вот такой.

Мисс Молпас смотрела на него с любопытством.

– Вам самому следовало бы знать, какая она. Вы же были в нее влюблены.

– Если бы был влюблен, то знал бы ее хуже других.

– А вы не были.

То было утверждение, а не дерзкий вопрос; Стивен отреагировал на него с неожиданной откровенностью:

– Она мне нравилась, меня тянуло к ней физически. Думаю, это не назовешь любовью. Я никогда ничего другого ни к кому и не испытывал.

Мисс Молпас, отвернувшись от него, смотрела на реку.

– Верно. Сомневаюсь, способны ли вы вообще на подлинное чувство. Такой тип мужчины не способен.

– Она снова повернулась к нему и заговорила быстрее: – Но вам интересно, что я о ней думаю. И полиции было интересно.

Ответ у меня одинаков. Салли Джапп была хорошенькой, сообразительной, тщеславной, хитрой и ненадежной.

– Вы, похоже, знали ее очень хорошо, – сказал Стивен.

– Не совсем. Ее трудно было разгадать. Она проработала здесь три года, а я узнала о ее личной жизни не больше, чем в первый день ее прихода сюда. Вообще-то, взяв ее сюда, мы тем самым шли на риск. Вы, наверное, заметили, что молодежи у нас нет. Ее сюда не заманишь, если не будешь платить в два раза больше того, что они стоят, к тому же они меньше всего думают о работе. Я их не виню. В их распоряжении всего несколько лет на то, чтобы найти себе мужа, а в нашем клубе особенно не поживишься. К тому же они бывают жестокими, если их поставить с пожилыми женщинами работать. Видели когда-нибудь молодых кур – как они заклеывают больную птицу? А у нас здесь только старые птицы. Они, может, и медлительные, но зато методичные и на них можно положиться. Наша работа большого ума не требует. Салли слишком хороша была для нее. Никогда не пойму, почему она осталась у нас. Она работала после школы в агентстве по секретарским услугам и пришла к нам на время: из-за эпидемии гриппа нам рук не хватало. Ей у нас понравилось, и она попросилась остаться. Клуб наш разрастался, нам нужна была еще одна стенографистка. И я ее взяла. Как я уже говорила, мы рисковали. Она одна была моложе сорока пяти лет.

– Работа здесь не для честолюбивых, – сказал Стивен. – А с чего вы решили, что она была сообразительной девчонкой?

– Я наблюдала за ней, слушала ее. Мы здесь – коллекция бывших, она, должно быть, понимала это. Но она была умной, наша Салли. «Да, мисс Титли. Конечно, мисс Крум. Могу я достать вам это, мисс Меллинг?» Скромная, словно монашка, почтительная, словно викторианская горничная. Она совсем приручила бедняжек. Они говорили, как это замечательно, когда молоденькая девушка работает рядом. Делали ей подарки в день рождения и на Рождество. Обсуждали с ней ее будущее. Она советовалась с ними даже насчет своих нарядов! Будто ее хоть чуточку занимало, в чем мы одеты и о чем думаем! Я бы сочла ее дурой, если бы это было так. Очень мило все у нее получалось. И неудивительно, что спустя несколько месяцев после появления Салли у нас сложилась невыносимая обстановка. Вы, может, еще не наблюдали подобного. Поверьте, это не очень приятно. Все были взвинчены, перешептывались друг с другом, обменивались колкостями, ни с того ни с сего вспыхивали ссоры и вражда. Старые друзья переставали разговаривать. Возникали какие-то непонятные дружеские

связи. Началась чехарда и в самой работе, хотя некоторым, видно, все это было по душе. А мне – нет. Я понимаю, в чем крылась причина. Салли держала их в состоянии постоянной острой ревности, а бедняги не поняли этого. Они искренне привязались к ней. Мисс Меллинг, по-моему, полюбила ее. Если бы Салли призналась кому-нибудь, что она беременна, то именно Беатрис Меллинг.

– Можно мне переговорить с мисс Меллинг? – спросил Стивен.

– Нет, если вы не ясновидец, Беатрис умерла от неудачной операции аппендицита через неделю после ухода Салли. Ушла внезапно, даже не попрощавшись с ней. Вы верите, что можно умереть от разбитого сердца, доктор Макси? Нет, конечно, не верите.

– А что случилось, когда Салли забеременела?

– Ничего. Никто не узнал. Мы едва ли самая подходящая компания, чтобы заметить такую неприятность. А Салли! Кроткая, добродетельная тихоня Салли! Я обратила внимание, что она стала бледной, похудела за несколько недель. Потом просто расцвела. Свет излучала. У нее, наверное, была четырехмесячная беременность, когда она от нас ушла. Она вручила мне заявление об уходе за неделю и попросила никому не говорить. Ничего не объяснила, а я и не допытывалась. Откровенно говоря, мне стало легче. У меня не было удобного предлога избавиться от нее, но я очень скоро поняла, что мой эксперимент не удался. Однажды в пятницу она уехала домой, а в понедельник я сказала своим сотрудникам, что она уволилась. Каждый сделал собственное заключение, но, насколько мне известно, никто не догадался об истинной причине. Но шуму было много. Мисс Крум обвинила мисс Меллинг, что та выжила девочку – допекла ее своими собственническими инстинктами и приставаниями. Дабы не возводить на мисс Крум напраслину, скажу лишь, что она не имела в виду что-нибудь более зловещее, чем тот факт, что Джапп приходилось есть свои сэндвичи в компании Меллинг, вместо того чтобы ходить в кафе «Лайонз», что за углом, вместе с Крум.

– Так что вы не знаете, кто этот мужчина и где она могла с ним познакомиться?

– Понятия не имею. Знаю только, что они встречались по субботам, с утра. Нам сообщил полицейский. Мы работаем пять дней в неделю, а по субботам наш клуб всегда закрыт. Салли, видно, сказала дяде с тетей, что он открыт. Она приезжала в город почти каждую субботу, будто бы на работу. Ловкий трюк. Они вовсе не интересовались ее работой, но, если бы они ей стали звонить в субботу утром, они бы решили, что просто никто

не подходит к телефону. Она была девица не промах, эта Салли.

В голосе звучали неодобрение и горечь, не иначе как личная обида клокотала в мисс Молпас. Что же еще ему расскажут о работе Салли в клубе, гадал Стивен.

– Вас поразило сообщение о ее смерти? – спросил он.

– Да каждый нормальный человек в ужас приходит, когда среди бела дня случается такое чудовищное событие, как убийство, в него просто поверить невозможно. Я поразмышляла над случившимся и теперь не так ужасаюсь и удивляюсь. Она от природы не была жертвой. А вот что действительно поразило меня, так это известие, что она была матерью-одиночкой. Я-то знала, что она слишком осторожная, слишком расчетливая, чтобы попасть в такую переделку! Ей скорее не хватало сексуальности, чем наоборот. У нас произошел один забавный инцидент спустя несколько недель после ее появления в клубе. Книжки паковались в подвале, упаковщик был тихим мужчиной средних лет, коротышка, отец, кажется, шестерых детей. Мы его почти не видели, но один раз Салли послали вниз с каким-то сообщением для него. Он стал ней приставать. Так, ничего страшного. Его уволили, он не мог понять – за что. Верно, пытался поцеловать ее, и только. Я всех деталей не знаю. Но она такой шум подняла, что можно было подумать – ее раздели догола и изнасиловали. Ее реакция достойна уважения, конечно, но современные девочки сами справляются с подобными ситуациями и не впадают в истерики. А Салли не притворялась, она действительно была напугана. Истинные страх и отвращение ни с чем не перепутаешь. Мне очень жалко было Джелкса. У меня брат – бизнесмен в Глазго, а Джелкс сам из Глазго, и я смогла найти для него там работу. Он хорошо устроился и извлек, безусловно, урок из случившегося, но поверьте мне, Салли Джапп не была нимфоманкой.

Это Стивен и сам прекрасно знал. Кажется, больше ничего не выудишь из мисс Молпас. Уже больше часа прошло, как он ушел из больницы, Стэнден, верно, потерял терпение. Он распрощался и без провожатых спустился на первый этаж. Мисс Титли по-прежнему сидела в приемной комнате и усмирляла разбушевавшегося члена клуба, которому совсем не понравились три книги, что ему дали. Стивен подождал какое-то время, пока они закончат разговор. Аккуратные ряды темно-бордовых томов всколыхнули какие-то воспоминания. Кто-то из его знакомых выписывает книги из Клуба подбора книг. Но не его коллеги по больнице. Он методично пробежал мысленным взором книжные полки своих друзей и знакомых и наконец нашел ответ.

– Мне, к сожалению, совсем некогда читать, – сказал он мисс Титли. – Но книги у вас прекрасные. Если не ошибаюсь, один из моих друзей – член вашего клуба. Вы знакомы с сэром Рейнольдом Прайсом?

Мисс Титли и в самом деле знала его. Сэр Рейнольд их почетный член. Он сам приезжает раз в месяц за книгами, они всегда так интересно беседуют. Очаровательный человек во всех отношениях сэр Рейнольд Прайс.

– Интересно, он видел здесь мисс Салли Джапп? – спросил неуверенно Стивен. Он надеялся, что мисс Титли удивится, но ее реакция была неожиданной. Она оскорбилась. Очень мягко, но в то же время непререкаемо она сказала, что мисс Джапп не имела возможности видеть в клубе сэра Рейнольда. Она, мисс Титли, – старшая в отделе выдачи. Больше десяти лет она на этом месте. Все члены клуба знакомы с мисс Тигли, а она – с ними. В общении с клиентами необходимы такт и опыт. Мисс Молпас полностью доверяет ей, и в мыслях никогда у нее не было заменить ее кем-нибудь. Мисс Джапп, заключила мисс Титли, была всего лишь младшим библиотекарем. Неопытная девочка, не более того.

Стивену пришлось довольствоваться этой отповедью.

Он вернулся в больницу около четырех. Когда он проходил мимо привратницкой, его окликнул Колли – он наклонился через конторку с заговорщическим видом. В его старых добрых глазах сквозила тревога. Стивен вспомнил, что в больницу наведывалась полиция. Они наверняка беседовали с Колли. Интересно, здорово ли напортил старик в своей излишней преданности, изо всех сил стараясь не проболтаться. А проболтаться-то было не о чем. Салли только один раз была в больнице. Колли мог лишь подтвердить то, что полиция и так уже знала.

Привратник заговорил:

– Сэр, вам звонили. Из Мартингейла. Мисс Бауэрз просила вас немедленно с ней связаться. Дело срочное, сэр. \

Стивен поборол в себе панику и, прежде чем задать вопрос, заставил себя порыться на почтовой полке, будто ищет письма.

– Мисс Бауэрз что-нибудь пояснила?

– Нет, сэр.

Он решил позвонить из будки, что стояла в холле. Больше шансов, что тебя никто не услышит, хотя Колли мог без помех наблюдать за ним. Он специально отсчитал нужное число монет, не входя в будку. Как обычно, с Чадфлитом соединили не сразу, но Кэтрин, видно, сидела у телефона. Она взяла трубку чуть ли не раньше, чем зазвонил звонок.

– Стивен? Слава богу, ты вернулся наконец. Приезжай, если можешь, немедленно домой. Кто-то пытался убить Дебору.

2

Между тем в гостиной по Уиндермиер-Крисчент, дом 17, инспектор Далглиш вел допрос, неумолимо продвигаясь к истине. Вид у Виктора Проктора был как у загнанного зверя, который понял, что путь к отступлению перекрыт, но не может заставить себя повернуться и встретить свой конец. Его маленькие темные глазки беспокойно бегали по сторонам. Мирнолюбивые голос и улыбка исчезли. Ничего, кроме страха, не осталось. За последние десять минут морщины от носа ко рту словно стали глубже. На красном, тощем, как у цыпленка, горле конвульсивно подрагивал кадык.

Далглиш безжалостно наступал.

– Значит, вы признаете, что не возвратили деньги ассоциации «Помоги им немедленно», которой вы заявили, что ваша племянница – сирота, лишившаяся родителей во время войны?

– Вероятно, я должен был сообщить им о двух тысячах фунтах, но ведь это был капитал, а не доход.

– Капитал, который вы истратили?

– Я должен был ее содержать. Не отрицаю, мне эти деньги были переведены как ее опекуну, чтобы я их сохранил, но я должен был ее кормить, разве нет? Нам всегда было трудно с деньгами. Училась она в школе бесплатно, но мы ее одевали. Мне нелегко было, поверьте.

– И вы продолжаете настаивать, что мисс Джапп не знала, что ее отец завещал ей деньги.

– Она тогда совсем маленькой была. А потом уже смысла не было говорить ей об этом.

– Потому что к тому времени эти деньги вы растратили?

– Я тратил их на нее, говорю вам. Я был вправе тратить их. Мы с женой были ее опекунами и делали все, что было в наших силах. А надолго бы их хватило, если бы отдали их ей, когда ей исполнился двадцать один год? Мы все эти годы ее кормили, не получая ни от кого ни пенса.

– Если не считать тех пожертвований, которые вы получили от ассоциации «Помоги им немедленно».

– Но ведь она потеряла родителей во время войны, верно? Не больно-то они расщедрились. Хватало только на школьную форму.

– И вы продолжаете отрицать, что были в Мартингейле в прошлую субботу?

– Я уже сказал вам. Что вы прицепились ко мне? Не был я там, не был, что я там забыл?

– Может, вам захотелось поздравить племянницу в связи с ее помолвкой. Вы же сказали, что рано утром в субботу вам позвонила мисс Лидделл и сообщила об этом. А мисс Лидделл продолжает отрицать, что звонила.

– Ничем не могу помочь. Если это не Лидделл, значит, кто-то подделывался под нее. Откуда мне знать, кто это был?

– Вы абсолютно уверены, что не ваша племянница?

– Говорю вам, мисс Лидделл.

– Так, значит, под впечатлением от телефонного разговора вы решили поехать в Мартингейл, чтобы повидаться с мисс Джапп?

– Нет. Нет же, говорю вам. Я ездил весь день на велосипеде.

Далглиш неторопливо вытащил из портмоне две фотографии и положил их на стол. На них была запечатлена стайка детей, входящих в огромные кованые железные ворота усадьбы Мартингейл, личики – в гримаске, потому что каждый пытается убедить спрятавшегося фотографа, что именно он – «самый счастливый ребенок, пришедший на праздник». За ними возвышаются взрослые, являя собой менее привлекательное зрелище.

Неприметная фигура в плаще возле столика с входными билетами, руки в карманах; мужчина получился не очень четко, но ошибиться нельзя. Проктор протянул было левую руку, словно хотел разорвать фотографию, но опустил.

– Ладно, – произнес он. – Лучше уж я скажу. Я был там.

3

Он быстро закончил все дела. И не в первый раз Стивен позавидовал тем, для кого личные заботы отнюдь не всегда стоят на втором месте после профессиональных. К той минуте, как он все сделал и заказал машину, он просто ненавидел больницу и что-то требующих, ненасытных пациентов. Ему было бы легче, если бы доверился кому-то, рассказал о случившемся, но что-то его удерживало. Коллеги, верно, решили, что его вызывает полиция, что арест неминуем. Ну и пусть. Наплевать на них, пусть думают что хотят. Слава тебе Господи, он смоется отсюда, ведь здесь живые жертвуют собой ради полумертвых.

Потом он даже не мог вспомнить, как домчался до дома. Кэтрин сказала, что Дебора в безопасности, покушение не удалось, но Кэтрин дура набитая. Как они могли допустить такое? Кэтрин была спокойной, когда говорила по телефону, но подробности, которые она рассказала Стивену, хотя и весьма

толково, ровным счетом ничего не прояснили. Кто-то проник в комнату к Деборе рано утром и пытался задушить ее. Она вырвалась и начала звать на помощь. Первой прибежала Марта, чуть позднее Феликс. К тому времени Дебора уже пришла в себя и притворялась, что проснулась от кошмарного сна. Но она была смертельно напугана и скрыть этого не могла, остаток ночи просидела у камина в комнате Марты, заперев все окна и двери, подняв как можно выше ворот халата и закутав им шею. К завтраку она вышла, обмотав шею шифоновым шарфом; она была немного бледной и утомленной, но вполне владела собой. Феликс, сидевший рядом с Деборой за ленчем, заметил синяк над шарфом и вытянул из нее признание. Потом посоветовался с Кэтрин. Дебора умолила их не будоражить маму, и Феликс уступил ей, но Кэтрин настояла, чтобы послали за полицией. Далглиша в деревне не было. Констебль сказал, что он с сержантом Мартином в Кэннингбери. Феликс не стал оставлять ему никакой записки, а просто попросил, чтобы он как можно скорее приехал в Мартингейл. Миссис Макси они ничего не сказали. Старый Макси был совсем плох, они надеялись, что к тому времени, как ее мать что-то заподозрит, синяк у Деборы пройдет. Дебора, сказала Кэтрин, не столько боится, что на нее могут напасть, – ее в ужас приводит мысль, что происшедшее напугает мать. Они ждут Далглиша, но Кэтрин сочла необходимым поставить в известность Стивена. Она позвонила, не советуясь с Феликсом. Очень может быть, что Феликс не поддержал бы ее. Но пора кому-нибудь заняться этим делом серьезно. Марта ничего не знает. Дебора в ужасе еще и от того, что Марта, как только узнает, не захочет оставаться в Мартингейле. Кэтрин не разделяет точку зрения Деборы. Раз убийца на свободе, Марта имеет право позаботиться о собственной безопасности. Глупо рассчитывать, что происшедшее можно долго хранить в тайне. Но Дебора угрожает, что, если полиция сообщит о происшедшем Марте или матери, она будет все отрицать. Поэтому Стивену следует немедленно приехать и принять решение. Кэтрин больше не в состоянии все решать сама. Это не удивило Стивена. Херн и Кэтрин и так уж слишком много на себя взяли. Дебора совсем рехнулась – хочет скрыть такое. Если только у нее нет на то серьезных оснований. Если опасность во второй раз оказаться в лапах убийцы пугает ее меньше, чем перспектива узнать истину. Покуда его руки и ноги автоматически управлялись с переключателем скоростей, тормозом, рулем, мозг лихорадочно бился над вопросами. Сколько времени прошло между тем, как закричала Дебора и как у нее в комнате появились Марта и

Феликс? Марта спала за стеной. Естественно, она проснулась первой. А Феликс? Почему он согласился утаить происшедшее? Безумие – относиться к убийце и к попытке убийства так, точно это какие-то военные приключения. Они прекрасно знают, что Феликс проявил себя героем, черт бы его побрал, но кому нужен его героизм в Мартингейле? И вообще, что они, собственно, знают об этом Феликсе? Дебора ведет себя странно. Не похоже на Дебору – звать на помощь. Раньше, когда она дралась, то впадала в ярость, а не в панику. Но тут он вспомнил ее застывшее в ужасе лицо, когда они увидели труп Салли, как ее внезапно затошнило, вспомнил, как она неверными шагами побрела к дверям. Кто знает заранее, как человек поведет себя в тяжкую минуту?! Кэтрин была молодцом, а Дебора сдрейфила. Но Кэтрин больше довелось сталкиваться с жертвами насильственной смерти. И у нее, должно быть, крепче психика.

Массивная дверь в Мартингейле была открыта. В доме царила странная тишина. Из гостиной доносились приглушенные голоса. Когда он вошел, на него устремились четыре пары глаз, и он услышал, как с облегчением вздохнула Кэтрин. Дебора сидела в кресле с подголовником у камина. Кэтрин и Феликс стояли рядом, Феликс – выпрямившись, весь внимание, а Кэтрин – протянув руки над спинкой кресла и положив их на плечи Деборы, словно хотела ее защитить и утешить. Дебора, похоже, не противилась. Голова ее была откинута на подголовник. Рубаха с высоким воротом распахнута, желтый шифоновый шарф свисал с руки. Даже от дверей Стивену был виден пунцовый синяк над тонкой ключицей. Напротив Деборы в спокойной позе на краешке стула сидел Далглиш, но взгляд его был сосредоточенным и внимательным. Он и Феликс Херн напоминали разбежавшихся по разным углам комнаты оцетинившихся кошек, конечно же, вездесущий сержант Мартин со своим блокнотом тоже где-то здесь, не иначе. Эту немую сцену нарушил бой часов – небольшие позолоченные часы пробили три четверти часа, уронив в тишину чистые, как хрусталики, звуки. Стивен быстро подошел к сестре и поцеловал ее. Щека была ледяной. Выпрямляясь, он встретился глазами с ее взглядом, но смысла его он не смог угадать. Может, мольба – или предупреждение? Он повернулся к Феликсу.

– Что случилось? – спросил он. – Где мама?

– Наверху с мистером Макси. Она почти все время теперь с ним. Мы сказали ей, что инспектор Далглиш пришел к нам, как обычно, что-то уточнить. Не надо ее пугать, ей и так тяжело. И Марту тоже. Если Марта всполошится и решит взять расчет, придется искать другую опытную сиделку, а сейчас не до этого.

Даже если бы и смогли найти женщину, которая захотела бы к нам прийти.

– Вы кое о чем забыли, – оборвал его грубо Стивен. – Как насчет Деборы? Мы станем сидеть и ждать, когда убийца придет во второй раз?

Он решил сбить спесь с Феликса, – думает, что все в доме ему подчинены, мол, надо кому-то обо всем заботиться, раз у съезжающего хозяина дома на первом месте работа, а потом уж семья.

Ответил Далглиш:

– Я обеспечиваю безопасность миссис Рискоу, доктор. Пожалуйста, осмотрите ее шею и выскажите ваше мнение.

Стивен повернулся к нему:

– Мне трудно выполнить вашу просьбу. Эппс – наш домашний врач. Почему бы его не позвать?

– Ведь я прошу осмотреть, а не лечить. Не время пускаться нам в глубокомысленные профессиональные дискуссии. Делайте то, о чем вас просят.

Стивен снова наклонился. Через минуту выпрямился и сказал:

– Он душил обеими руками – спереди чуть повыше ключицы, сзади – над лопатками. Синяки довольно большие, но царапин от ногтей или следов от больших пальцев нет. Горлань не задета, я в этом уверен. Через день-два синяки сойдут. Ей особого вреда не причинили. – И добавил: – По крайней мере ее физическому состоянию.

– Другими словами, – сказал Далглиш, – попытка была любительской?

– Можете, если это столь важно, определить и так.

– Для меня важно. Не думаете ли вы, что убийца прекрасно знал свое дело? Знал, куда и как давить, чтобы не причинить слишком большого вреда? Может, нас хотели убедить, что человек, убивший мисс Джапп, обладая подобными любительскими навыками, на большее и не способен? А вы что думаете, миссис Рискоу?

Дебора застегивала блузку. Она высвободилась из хозяйских объятий Кэтрин и начала обматывать шарф вокруг шеи.

– Простите, что я разочаровала вас, инспектор. Может, в следующий раз он лучше справится со своей работой. Мне он показался мастером своего дела, спасибо.

– Почему вы так спокойно реагируете на случившееся? – возмутилась Кэтрин. – Если бы миссис Рискоу не удалось высвободиться и закричать, ее не было бы в живых. Совершенно ясно, что в темноте ему было трудно, схватил, как смог, а ее крик напугал его. Не исключено, что это не первая попытка. Не забывайте, что снотворное было подброшено в кружку Деборы.

– Я не забыл, мисс Бауэрз. Как не забыл и то, что пропавший пузырек мы нашли под колышком с ее именем. А где вы были прошлой ночью?

– Помогала ухаживать за мистером Макси. Мы были всю ночь вместе с миссис Макси, если не считать минут, когда уходили в ванную комнату. После полуночи мы просто не расставались.

– А доктор Макси был в Лондоне. Покушение было совершено в удобное для всех вас время. Вы не видели этого таинственного убийцу, миссис Рискоу? Может, узнали его?

– Нет. Я спала не очень крепко. И решила, что мне снится кошмар. Я проснулась, когда почувствовала его пальцы на шее. Ощутила дыхание на лице, но узнать его не смогла. А когда я вскрикнула и стала искать выключатель, он выбежал. Я включила свет и закричала. Я была в ужасе. Даже не со страху. Сон и явь слились каким-то образом вместе. Я не понимала, где начинается одно и кончается другое.

– А тем не менее, когда пришла миссис Балтитафт, вы ничего не сказали ей?

– Не хотела пугать ее. Мы ведь ни на секунду не забываем, что где-то рядом бродит убийца, но нам приходится выполнять свои домашние обязанности. Ей не стало бы легче, если бы она узнала о случившемся.

– Вы очень радуете за ее душевный покой, но не думаете о ее безопасности. Остается удивляться вашему беспечному отношению к маньяку. Совершенно очевидно, что мы имеем дело с маньяком. Но вы, надеюсь, не пытаетесь убедить меня, что мисс Джапп убита по ошибке, что ее приняли за миссис Рискоу?

Наконец заговорил Феликс:

– Мы ни в чем не пытаемся убедить вас. Это ваша работа – убеждать нас. Мы только знаем, что случилось. Я согласен с мисс Бауэрз: миссис Рискоу в опасности. Полагаю, вы готовы обеспечить ее безопасность всеми возможными способами, на какие она вправе рассчитывать.

Далглиш посмотрел на него:

– Когда вы пришли в комнату к миссис Рискоу?

– Сразу же после миссис Балтитафт, я думаю, и минуты не прошло. Я вскочил с постели, как только миссис Рискоу стала звать на помощь.

– И ни вы, ни миссис Балтитафт не видели непрошеного гостя?

– Нет. Вероятно, он успел сбежать с лестницы до того, как мы вышли из своих комнат. Естественно, я никого не искал, потому что только утром мне сказали, что в действительности произошло. Потом стал искать, но никаких следов не обнаружил.

– А как, по-вашему, этот человек забрался в дом, миссис

Рискоу?

– Вероятно, через балконную дверь в гостиной. Мы выходили в сад прошлой ночью и могли забыть запереть ее. Марта сказала, что утром она не была закрыта.

– Под словом «мы» вы имеете в виду себя и мистера Херна?

– Да.

– Вы были в халате, когда горничная пришла к вам в комнату?

– Да, я его надела как раз перед этим.

– И миссис Балтитафт поверила вашему рассказу о кошмарном сне и предложила вам провести остаток ночи у камина в ее комнате?

– Да. Она не хотела ложиться спать, но я заставила ее. Мы выпили чая у камина.

– Значит, вырисовывается такая картина, – сказал Далглиш. – Вы пошли вечером прогуляться с мистером Херном по саду вокруг дома, где недавно было совершено убийство, а вернувшись, оставили балконную дверь открытой. Ночью некий незнакомец явился к вам в комнату, совершил неумелую попытку задушить вас непонятно по каким мотивам – во всяком случае, ни вы, ни кто иной не может даже предположить, что это за мотивы, а потом исчез, не оставив следов. И горло не очень-то пострадало, раз вы смогли закричать так, что вас услышали в соседних комнатах. Когда миссис Балтитафт и мистер Херн прибежали к вам, вы достаточно уже оправились от испуга и смогли сочинить историю о случившемся, а чтобы она выглядела правдоподобной, вы встали с постели, надели халат с высоким воротом. Не кажется ли вам такая версия слишком рациональной, миссис Рискоу?

– Нисколько, – грубо оборвал его Феликс. – Все, что происходит в этом доме, начиная с прошлой субботы, не назовешь рациональным. Но даже вы вряд ли допустите мысль, что миссис Рискоу пыталась сама задушить себя. Такие синяки сам себе не поставишь, а если они есть, то кто же наградил ее ими? Неужели вы действительно считаете, что присяжные не свяжут эти два преступления в один узел?

– Не думаю, чтобы присяжным пришлось рассматривать такую возможность, – сказал спокойно Далглиш. – Я практически закончил расследование причин смерти мисс Джапп. Приключившееся прошедшей ночью вряд ли изменит мои выводы, разве что внесет еще одну подробность. Пора заканчивать это дело, и я предполагаю подвести итог. Если миссис Макси не возражает, я хотел бы повстречаться со всеми вами здесь в восемь вечера.

– Я нужна вам, инспектор?

Все повернулись к дверям: Элеонора Макси так тихо вошла в гостиную, что только Далглиш заметил ее. Она, не дожидаясь ответа, быстро подошла к сыну:

– Я рада, что ты приехал, Стивен. Тебе Дебора позвонила? Я и сама собиралась, если ему не станет лучше. Трудно судить, но, по-моему, наступила какая-то перемена. Пригласи мистера Хинкса. И Чарлза, пожалуйста.

Вполне естественно, подумал Стивен, что она зовет сначала священника, потом доктора.

– Я сперва сам поднимусь, – сказал он. – Конечно, если инспектор не возражает. Полагаю, дальнейшие обсуждения бесполезны.

– Но только до восьми вечера, доктор.

Возмущенному его тоном Стивену захотелось – уже в какой раз – сказать, что когда обращаются к хирургам, то обычно говорят «мистер». Но он воздержался от подобной педантичной мелочности, понимая, что это глупо, сейчас нужно помочь матери. И он уже несколько дней почти не вспоминал об отце. Надо немедленно пойти к нему. Далглиш и его расследование, ужасное убийство Салли отступили перед новой и более безотлагательной необходимостью. Тут он по крайней мере может выполнить свой сыновний долг.

Но внезапно дверной проем загородила Марта. Она стояла, беззвучно открывая и закрывая рот, бледная, ее била дрожь.. Из-за ее спины выступил высокий молодой человек. С ужасом взглянув на хозяйку и коротко махнув в сторону незнакомца – жест этот означал скорее, что она пытается помешать ему войти, чем приглашает в комнату, – Марта удалилась, издав какой-то звериный стон. Человек посмотрел ей вслед с любопытством, потом перевел взгляд на присутствующих. Он был очень высоким, больше шести футов, коротко стриженный, волосы светлые, выгоревшие на солнце. В коричневых вельветовых брюках и кожаном пиджаке. Загорелая, крепкая шея, мужественное лицо, пышущее здоровьем. Длинноногий, длиннорукий. Через плечо перекинут рюкзак. В правой руке – новенькая самолетная сумка с золотыми крылышками. В его огромном коричневом кулаке она выглядела до смешного маленькой, словно женская безделушка. Подле него сразу же поблек Стивен, а усталость и разочарования, которые пришлось испытать Феликсу за пятнадцать лет, мгновенно проступили морщинами на его лице. Он заговорил; в голосе его, безмятежном и уверенном, не было и тени робости. Мягкий голос, с легким американским акцентом, хотя сомневаться в его английском происхождении не приходилось.

– Я, кажется, напугал вашу горничную. Простите, что так вламываюсь к вам, но боюсь, Салли никогда вам обо мне не говорила. Меня зовут Джеймс Ритчи. Она меня ждет, это точно. Я ее муж. – Он повернулся к миссис Макси. – Она никогда не говорила мне, какая у нее здесь работа, и я вовсе не хочу причинять вам неудобства. Я приехал забрать ее.

4

Спустя годы Элеонора Макси, отдыхая в гостиной, часто вспоминала это долговязое, самоуверенное привидение, возникшее перед ней на пороге, и вновь ощущала пугающую тишину, наступившую после его слов. Молчание длилось с минуту, не больше, а теперь, когда она вспоминала это, ей казалось, что он долго-долго разглядывал их с уверенной непринужденностью, а они смотрели на него в ужасе. Они являли собой живую картину, изображавшую потрясение, думала миссис Макси. Сама же она не испытывала ничего. За последние дни ее так вымотало, что это открытие несколько не ошеломило ее, она стала бесчувственной, как бревно. Никакие новые подробности о Салли Джапп уже не могли ее удивить. В голове не укладывалось, она умерла, что ей сделал предложение Стивен, что столько людей оказались втянутыми в историю ее жизни и смерти. Тот факт, что она была не только матерью, но и женой, был любопытен, но ошеломирить не мог. Не испытывая того волнения, в коем пребывали все остальные, она перехватила быстрый взгляд, брошенный Феликсом Херном в сторону Деборы. Явление незнакомца явно поразило его, но в его молниеносной реакции были и любопытство, и торжество. Стивен был потрясен. Кэтрин Бауэрз вспыхнула пунцовым румянцем и в буквальном смысле слова разинула рот – весьма вульгарная форма изумления. Потом повернулась к Стивену, точно возлагая на него бремя спикера. Последним миссис Макси удостоила взглядом Далглиша, и на долю секунды их взгляды встретились. Она прочитала мимолетное, но явное сочувствие. И поймала себя на мысли: «Салли Ритчи. Джимми Ритчи. Так вот почему она назвала своего сына Джимми – в честь отца. А я понять не могла, почему он должен быть Джимми Джапп. И чего они на него уставились? Хоть бы кто слово из себя выдавил». И тут Дебора, побледневшая так, что даже губы побелели, заговорила, точно сомнамбула:

– Салли умерла. А вам не сообщили? Она умерла, ее похоронили. Считаю, что кто-то из нас убил ее.

Она задрожала как лист, Кэтрин подскочила к ней, опередив

Стивена, схватила, не дав упасть, и усадила в кресло. Картина было, нарушена. Внезапно всех будто прорвало. Стивен и Далглиш подошли к Ритчи. Кто-то из них тихо проговорил: «Пройдемте лучше в кабинет», – и они втроем быстро удалились. Дебора откинулась на спинку кресла, закрыв глаза. Миссис Макси наблюдала, как она страдает, со слабым чувством раздражения и вялым любопытством – что же за всем этим кроется? Ей выпали куда более тяжкие страдания.

– Мне надо идти к мужу, – сказала она Кэтрин. – Может, поможете мне? Скоро придет мистер Хинкс, я не рассчитываю особо на помощь Марты. Гость выбил ее из колеи.

Кэтрин могла бы ответить, что не одну Марту он выбил из колеи, но лишь что-то мрачно пробурчала в знак согласия и тотчас вышла. Конечно, она действительно очень помогла и от души заботилась о больном, но миссис Макси прекрасно понимала, что ее гостя добровольно взяла на себя роль бодрой помощницы, способной справиться со всеми трудностями. Для последнего происшествия и одной-то участницы много^[25], но в Кэтрин кипели жизненные силы, и чем слабее становилась Дебора, тем сильнее становилась Кэтрин.

Миссис Макси обернулась с порога к Феликсу Херну:

– После того как Стивен побеседует с Ритчи, думаю, ему следует подняться к отцу. Он без сознания, но Стивену надо быть там. Деборе тоже надо бы подняться, когда она придет в себя. Скажите ей, будьте так любезны. – И, отвечая на его немой вопрос, добавила: – Далглишу не надо сообщать. Он может не менять свои планы на сегодняшний вечер. К восьми вечера все будет кончено.

Дебора выпрямилась в кресле, шифоновый шарфик на шее ослаб.

– Что с твоей шеей, Дебора? – без особого интереса спросила миссис Макси.

– Опять на лошади дурила, – ответил Феликс. – Вот и наказана по заслугам.

Не удостоив больше дочь взглядом, Элеонора Макси вышла, оставив их вдвоем.

5

Полчаса спустя Саймон Макси умер. Кончилось его многолетнее полуживое прозябание. Чувства его и разум угасли еще три года тому назад. Последний вздох лишь механически отсек его от мира, который когда-то он знал и любил. Теперь не в его силах было встретить смерть мужественно и достойно, но

он умер тихо, без шума и суеты. Подле него были его жена и дети, священник прочитал должные молитвы, словно они могли быть услышаны и в них мог принять участие этот оцепеневший человек на постели. Марту не позвали. Потом ей скажут, что обошлись без нее. Просто они понимали, что не смогут выдержать ее душераздирающие рыдания. Этот смертный одр лишь последняя точка в медленном процессе умирания. Родные стояли вокруг кровати с побелевшими лицами и пытались скорбеть, предаваясь воспоминаниям и горю, но мысли их были заняты другой смертью; и думали они о восьми часах вечера.

Потом они собрались в гостиной, за исключением миссис Макси, которую то ли совершенно не интересовало появление мужа Салли, то ли она решила вдруг отстраниться от этого убийства и всего, что связано с ним. Она только распорядилась не сообщать Далглишу о смерти мужа, а потом пошла проводить мистера Хинкса.

Стивен разлил собравшимся напитки и сказал:

– Все очень просто. Конечно, я успел узнать пока самые главные подробности. Спешил к отцу; Когда я ушел, Далглиш остался с Ритчи, и, думаю, он-то выудил все, что хотел. Да, они были женаты. Познакомились, когда Салли работала в Лондоне, а за месяц до того, как он поехал в Венесуэлу на какую-то стройку, тайно обвенчались.

– Но почему она ничего не сказала нам? – спросила Кэтрин. – Почему держала все в тайне?

– Очевидно, если бы у него на фирме узнали о его браке, он не получил бы этой работы. Им нужен был холостяк. Зарплата была хорошей, они смогли бы потом построить себе дом. Салли непременно хотела, чтобы они поженились до его отъезда. Ритчи думает, это оттого, что ей хотелось досадить тетке и дяде. Ей никогда не было у них хорошо. Решено было, что она останется с ними жить и будет продолжать работать. Она собиралась скопить к его возвращению пятьдесят фунтов. Потом, когда она поняла, что ждет ребенка, она все равно решила выполнить условия их договора. Бог ее знает почему, но это не удивило Ритчи. Он сказал, что это очень похоже на Салли.

– Жаль, что он не знал до своего отъезда, беременна она или нет, – сказал сухо Феликс.

– Может, и знал, – парировал Стивен. – А может, спросил, а она солгала. Я не интересовался интимной стороной их жизни. Мне-то какое до этого дело? Я говорил с человеком, который, вернувшись на родину, узнал, что его жену убили в этом доме и остался ребенок, о существовании которого он даже не подозревал. Не хотел бы я снова пережить те минуты. Вряд ли

уместно упрекать его в том, что он не был достаточно предусмотрителен. И нам следовало быть более предусмотрительными.

Он залпом выпил виски. Рука, державшая рюмку, дрожала. Не дожидаясь, пока кто-нибудь заговорит, он продолжал:

– Далглиш вел себя с ним удивительно деликатно. Я мог бы проникнуться к нему добрыми чувствами после этой беседы, если бы он не явился к нам в дом в такой роли. Он забрал Ритчи с собой. Они поехали в приют святой Марии посмотреть ребенка, а потом рассчитывают снять для Ритчи номер в гостинице «Охотники за луной». – Он замолчал и снова налил себе виски. Потом продолжал: – Конечно, это многое объясняет. Салли сказала священнику в четверг, что у Джимми скоро будет отец.

– Но ведь она помолвилась с тобой! – воскликнула Кэтрин. – Она приняла твоё предложение!

– Собственно, она не сказала, что выйдет за меня замуж. Салли обожала тайны, из-за этой тайны я оказался в дураках. Не думаю, чтобы она сообщила кому-нибудь о нашей с ней помолвке. Это мы сами все так решили. Она любила Ритчи и продолжала его любить. Знала, что он скоро вернется. Как жалобно он заверял меня, что они горячо любили друг друга! Он плакал и пытался всучить мне её письма. Я не хотел читать их. Только Небесам известно, до чего я себе и без того противен! Господи, это было ужасно! Стоило мне взять одно, как пришлось прочитать все. Он вытаскивал их из сумки и совал мне в руки, а слезы градом текли по щекам. Они были трогательными, сентиментальными, наивными. Но полными жизни, их питали подлинные чувства!

«Неудивительно, что ты разнюнился, – подумал Феликс. – Ты-то сам никогда не испытывал подлинных чувств».

Кэтрин Бауэрз сказала рассудительно:

– Не стоит тебе себя клеймить. Ничего подобного не случилось бы, если бы Салли сказала, что она замужем. Притворяться в таких вещах – беду на себя накликаешь. Он, верно, посылал ей письма через посредника.

– Да, через Дерека Пуллена. Он их запечатывал во второй конверт, на котором значился адрес Пуллена. А тот отдавал их Салли во время встреч, о которых они заранее улаживались. Она никогда не говорила ему, что они от мужа. Не знаю, какую уж там легенду она сочинила, но наверно красивую. Пуллен дал клятву хранить все в тайне и, насколько мне известно, не нарушил её. Салли везло на простачков.

– Ей нравилось разыгрывать людей, – сказал Феликс. – Но иногда они оказываются опасными игрушками. Очевидно, один

из одураченных ею простаков решил, что игра зашла слишком далеко. Не ты ли это часом, Макси?

Феликс сказал это вызывающе-оскорбительным тоном, и Стивен шагнул к нему. Но прежде чем он успел ответить, у парадных дверей зазвонил колокольчик, а каминные часы пробили восемь.

Глава 9

1

Решили собраться в кабинете. Кто-то расставил стулья полукругом подле массивного стола, кто-то налил воды в графин и поставил справа от Далглиша. Далглиш сидел за столом, позади него – Мартин, и наблюдал, как входят в кабинет подозреваемые. Элеонора Макси выглядела самой собранной. Выбрала стул, на который падал свет, и села, отрешенная и спокойная, глядя на луг и деревья вдали. Казалось, тяжелые испытания позади. Стивен Макси вошел размашистой походкой, бросил на Далглиша взгляд, полный презрения и вызова, и сел подле матери. Феликс Херн и Дебора вошли вместе, но, не взглянув друг на друга, сели порознь. Далглиш понял, что их отношения несколько изменились после неудачно разыгранного прошлой ночью спектакля. Странно, что Херн позволил втянуть себя в такой явный обман. Поглядывая на темный синяк на шее девушки, лишь наполовину скрытый вязаным шарфиком, еще больше он удивлялся тому, с какой силой Херну пришлось душить Дебору. Самой последней появилась Кэтрин Бауэрз. Она вспыхнула под взглядами сидевших и поспешила к свободному стулу, словно взволнованный абитуриент, опоздавший на лекцию. Когда Далглиш открывал свою папку, он услышал медленные удары колокола. В его первый приезд в Мартингейл тоже звонили колокола. Звонили и когда он вел допросы, то была музыка убийства. Теперь это, похоже, был поминальный звон, и Далглиш, ни о чем не догадываясь, подумал: кто бы это мог умереть в деревне, по ком звонят колокола, по Салли они так не звонили.

Он оторвался от бумаг, голос его звучал спокойно:

– Одна из самых необычных особенностей этого убийства в том, что оно явно кем-то замышлялось. Но совершенно непреднамеренно. Об этом свидетельствуют медицинские показания. Жертву не душили долго и медленно. Имеется несколько классических симптомов асфиксии. Была применена сила, раздавили верхний хрящ гортани. Но все же смерть

наступила в результате защемления блуждающего нерва, наступила внезапно. Она могла наступить, даже если бы убийца применил меньшую силу. Учитывая эти факты, мы должны сделать вывод, что совершено единичное непреднамеренное нападение. То же подтверждают действия убийцы. Когда кто-то намеревается убить свою жертву, он обычно пользуется веревкой, или шарфом, или чулком. Возможны и другие варианты, но мои рассуждения вам понятны. Считанное число людей могут быть уверены в своей способности убить голыми руками. В этой комнате лишь один человек, который может быть уверен в этом, но не думаю, чтобы он стал действовать подобным образом. Существуют более эффективные способы убийства без оружия, и он знает их.

Феликс Херн пробурчал еле слышно:

– Но то было в другой стране. К тому же девка умерла [\[26\]](#).

Может, Далглиш и услышал эту цитату или почувствовал, как слегка напряглись собравшиеся, чтобы подавить в себе желание взглянуть на Херна, но вида не подал и тихо продолжал:

– По контрасту с этим явно импульсивным поступком мы имеем доказательство предпринятой попытки подбросить девушке наркотики, чтобы она потеряла сознание. Это, вероятно, было сделано для того, чтобы потом легче было проникнуть в ее спальню, не разбудив ее, и убить во сне. Я отклоняю версию двух отдельных, не имеющих отношения одна к другой попыток покушения на нее в одну и ту же ночь. Ни у кого из сидящих в этой комнате не было причин любить Салли, а у некоторых были причины даже ненавидеть ее. Но трудно поверить, что два человека решили в одну и ту же ночь совершить убийство.

– Может, мы и ненавидели ее, – сказала тихо Дебора, – но не только мы.

– Еще этот Пуллен, – сказала Кэтрин. – Не убедите меня, что между ними ничего не было.

Кэтрин заметила, как Дебору передернуло от ее слов, но продолжала наступать:

– А как насчет мисс Лидделл? Да каждая собака в деревне знает, что Салли прознала о каких-то ее мерзостях и грозилась обнародовать их. Если она способна была шантажировать одного, то почему бы ей не шантажировать и другого?!

Стивен Макси сухо сказал:

– Мне трудно представить себе, как старушка Лидделл карабкается по приставной лестнице или крадется по черному ходу, чтобы застать Салли одну. У нее духу бы не хватило. И трудно представить, чтобы она задумала задушить Салли голыми руками.

– Могла бы, – сказала Кэтрин, – если бы знала, что Салли под наркотиком.

– Но откуда ей было знать! – сказала Дебора. – И положить таблетки в кружку Салли она тоже не могла. Она уходила от нас с Эппсом, когда Салли шла с кружкой в спальню. А взяла она мою кружку, вспомните. До того мисс Лидделл была с мамой в этой комнате.

– Она взяла твою кружку точно так же, как она надела такое же платье, как у тебя, – сказала Кэтрин. – Но снотворное можно было положить в нее позже. Никто не собирался тебе давать наркотики.

– Позже нельзя было, – отрезала Дебора. – Как? Кто-нибудь должен был прокрасться с пузырьком моего отца, прикинуться, что зашел к ней поболтать, потом подождать, пока она наклонится к ребенку, и бросить таблетку-другую ей в какао. Чепуха какая-то.

Раздался спокойный голос Далглиша:

– Ни одна из версий не имеет смысла, если связывать таблетки и убийство. Да, как я уже сказал, считать, что некто решил задушить Салли Джапп в ту же ночь, когда некто другой решил отравить ее, значит полагаться на маловероятное совпадение. Но может быть другое объяснение. А что, если эти таблетки – не единичный случай? Предположим, кто-то регулярно клал их в ночное питье Салли. Тот, кто знал, что только Салли пьет какао, и снотворное соответственно мог подложить в банку какао. Тот, кто знал, где хранятся таблетки, и был в курсе, какая именно требуется доза. Тот, кто хотел подпортить репутацию Салли, чтобы ее уволили, кто мог пожаловаться: она, мол, вечно просыпает. Тот, кто, может, больше всех в доме страдал от Салли и с радостью хватался за любую возможность, пусть даже и не очень действенную, лишь бы обрести власть над девчонкой. В каком-то плане, как вы понимаете, это было равносильно убийству.

– Марта! – вырвалось у Кэтрин.

Макси молчали. Если они и поняли или догадались, о ком речь, никто из них и виду не подал. Элеонора Макси подумала об оплакивающей своего хозяина Марте, которую оставили на кухне, и ей стало не по себе. Марта поднялась, когда она вошла, и стояла на пороге, сложив толстые грубые руки на фартуке. Она не шелохнулась, когда миссис Макси сказала ей о случившемся. Слезы беззвучно катились по щекам, отчего еще горше за нее было. Она заговорила, прекрасно владея голосом, хотя слезы все текли по лицу и капали на руки. Без лишних слов и объяснений она сообщила о своем решении. Она хотела бы взять

расчет в конце недели. У нее есть приятельница в Херфордшире, у которой она остановится на время. Миссис Макси не возражала и не уговаривала. Это было не в ее правилах. Теперь же, бросив на Далглиша внимательный взгляд, она попыталась разобраться в мотивах, которые побудили ее удалить Марту от смертного одра ее хозяина, и удивилась своему открытию: преданность, которую все в семье принимали на веру, оказалась более сложной, менее податливой и послушной, чем они могли предположить, и вот теперь как далеко зашло дело.

Заговорила Кэтрин. Она явно не понимала, что происходит, и следила за объяснениями Далглиша, будто бы он рассказывал занимательную, нетипичную историю преступления.

– Марта, конечно, в любую минуту могла взять снотворное. У вас в семье все возмутительно беспечно относились к лекарству мистера Макси. Но зачем ей надо было давать снотворное Салли именно в эту ночь? После эпизода за ужином миссис Макси следовало бы больше беспокоиться по иному поводу, нежели из-за того, что Салли не просыпается вовремя. Слишком поздно было избавляться от нее таким путем. И зачем Марте было прятать пузырек под колышек Деборы? Я-то всегда считала, что она предана вашей семье.

– И мы так считали, – сказала сухо Дебора.

– Она снова подбросила таблетки в какао прошлой ночью, потому что ничего не знала о помолвке, – сказал Далглиш. – Ее не было в столовой в те минуты, и никто не сказал ей. Она пошла в комнату к мистеру Макси, взяла снотворное, а потом в панике спрятала его, потому что решила, что это она убила Салли таблетками. Если вы все припомните, то поймете, что миссис Балтитафт единственная из домочадцев, кто не входил в комнату к Салли. Пока вы все стояли вокруг ее постели, ее единственным желанием было спрятать пузырек. Зря, конечно, она это сделала, но она была не в состоянии поступить разумно. Она выбежала в сад и закопала его на первом попавшемся газоне. Думаю, она хотела потом поменять тайник. Поэтому и пометила колышком, что валялся поблизости. Случайно он оказался вашим, миссис Рискоу. Потом она вернулась на кухню, выбросила остатки какао и бумагу из консервной банки в печь, вымыла банку и выкинула в мусорное ведро. Только она могла это сделать. Потом на кухню пришел мистер Херн проверить, как себя чувствует миссис Балтитафт, и предложить ей помощь. Так мне сам мистер Херн сказал.

Далглиш перевернул лист в папке и прочитал:

– «Она была в трансе и все причитала, что Салли, верно, сама на себя руки наложила. Я растолковал ей, что с анатомической

точки зрения это не представляется возможным, отчего она еще больше стала убиваться. Она как-то странно взглянула на меня и зарыдала в голос».

Далглиш посмотрел на собравшихся.

– Думаю, можно согласиться, – сказал он, – что миссис Балтитафт приняла это сообщение с облегчением. Я также подозреваю, что до того, как мисс Бауэрз пришла накормить ребенка, мистер Херн научил миссис Балтитафт, что говорить на допросе, которому ей предстояло подвергнуться. Миссис Балтитафт сказала мне, что она не призналась – ни ему, ни кому другому – в том, что давала Салли снотворное. Может быть, это и правда. Но из этого не следует, что господин Херн сам не догадался. Его цель была запутать все как можно больше, сбить полицию со следа. К концу расследования, когда он разыграл нападение на миссис Рискоу, он и сам принялся действовать, стремясь обмануть нас.

– Это я придумала, – тихо сказала Дебора. – Я попросила его. Заставила.

Херн, не обращая внимания на Дебору, сказал:

– Я, может, и догадывался о Марте. Но вроде бы она была вполне искренней. Ничего не сказала мне, а я не допытывался. Не моего это ума дело.

– Да, – с горечью констатировал Далглиш. – Не вашего это ума дело.

Он перестал контролировать себя, голос потерял свою бесстрастность, и они с изумлением смотрели на него, пораженные его гневом.

– Это ваша жизненная установка, не так ли? Не совать нос в чужие дела. Не проявлять пошлого любопытства. Если так случилось, что произошло убийство, будем относиться к нему, соблюдая правила хорошего тона. Даже ваши усилия помешать полиции были бы более плодотворными, если бы вы удосужились разузнать побольше друг от друга. Миссис Рискоу не пришлось бы уговаривать мистера Херна имитировать покушение на нее, пока ее брат находится в Лондоне, если бы братик сказал ей, что у него есть алиби. Дереку Пуллону не пришлось бы терзаться – надо ему или нет защищать убийцу, если бы господин Стивен Макси потрудился объяснить, что он делал в саду в субботу вечером. В конце концов мы добились признания от Пуллена, но нам пришлось попотеть.

– Пуллен вовсе не хотел выгородить меня, – сказал спокойно Стивен. – Просто он не мог нарушить джентльменский кодекс. Слышали бы вы, как он мне бубнил по телефону, что намеревается вести себя как верный товарищ. «Ваша тайна при

мне, Макси, но почему бы и вам не вести себя благородно?!»
Каков наглец!

– Я думаю, не мешало бы и нам узнать, зачем тебе понадобилась лестница, – поинтересовалась Дебора.

– Бога ради. Я взял ее у дома Боукока. Мы брали ее днем, доставали воздушный шар с вяза. Вы же знаете Боукока. Он бы назавтра с утра пораньше потащил ее сюда, а она тяжелая. Мне, видно, хотелось себя; маленько поистязать, вот я и понес ее на плече. Я не знал, что встречу Пуллена, притаившегося в конюшне. Наверное, у него в привычке было там прятаться. И что Салли убьют, я тоже не знал, и что Пуллен со своими куриными мозгами додумается до того, что эти факты связаны между собой, и решит: я взял лестницу, забрался в комнату к Салли и убил ее. А зачем мне было забираться?! Я мог и в дверь войти. Да к тому же я нес лестницу в обратном направлении.

– Может, он решил, что вы хотите сделать так, чтобы подозрение пало на другое лицо, – предположила Дебора. – К примеру, на него.

Зазвучал ленивый голос Феликса:

– А вам не приходило в голову, Макси, что парень искренне мучается и не может найти выхода?

Стивен заерзал на стуле:

– Я не лишился из-за него сна, могу вас заверить. Он не имеет никакого права вторгаться в наши владения, и я сказал ему об этом. Не знаю, сколько времени он там караулил, должно быть, видел, как я брал лестницу. Потом вынырнул из тени как фурия и накинулся на меня – мол, я обманываю Салли. Он весьма странно понимает классовые барьеры. Любой бы мог сообразить что за мной – *droit de seigneur*^[27]. Я посоветовал ему не вступать в чужие дела, правда не так вежливо, и тут он полез в драку. Я старался не отвечать, но потом все-таки врезал ему и сбил очки. Глупо получилось. Мы были совсем близко от дома, старались не шуметь. Шипели друг на друга, ползая в пыли в поисках очков. Он без них ничего не видит, и я решил проводить его до поворота на Нессингфорд-роуд. Он решил что я выпроваживаю его из своего парка, но ему и так досталось, обижаться еще и на это не стоило. Когда мы стали прощаться, он заставил себя снова держаться приличествующих, по его разумению, манер. Он даже пытался пожать мне руку! Я не знал – то ли рассмеяться, то ли еще разок его стукнуть. Мне очень жаль, Деб но он такой.

Впервые заговорила Элеонора Макси:

– Жаль, что ты нам раньше об этом не рассказал. Бедному парню не пришлось бы так страдать.

Казалось, они забыли о присутствии Далглиша, но вот вступил в разговор он:

– У Макси были основания молчать. Он понимал: для всех вас важно, чтобы полиция убедилась, что лестницу к окну Салли принести ничего не стоит. Он знал, когда приблизительно наступила смерть, и не боялся, что полиция выяснит, что лестницу до двадцати минут первого не отнесли к конюшне. А может, даже, мы решим, что она была под окном всю ночь, это было бы и вовсе хорошо. По той же самой причине он не называл точного времени, когда он ушел от Боукока, и сказал неправду насчет того, когда он лег спать. Если Салли убил кто-то из находившихся под крышей этого дома в полночь, он боялся, что подозрение упадет на многих. Он понимал, что большинство преступлений раскрывается методом исключений. С другой стороны, я полагаю, он назвал верное время, когда он запер южную дверь. Это было приблизительно в двенадцать часов тридцать три минуты, а мы теперь знаем, что к двенадцати тридцати трем минутам прошло полчаса, как убили Салли Джапп. Она умерла до того, как Макси ушел от Боукока, и приблизительно в то время, как владелец деревенского магазина Уилсон встал с постели, чтобы закрыть скрипевшее окно, и увидел Дерека Пуллена. Тот, опустив низко голову, шел быстрым шагом по направлению к Мартингейлу. Пуллен, возможно, надеялся повидаться с Салли и узнать от нее, что произошло. Он успел дойти до конюшни, как там появился Макси с лестницей. А Салли Джапп была уже мертва.

– Значит, это не Пуллен? – спросила Кэтрин.

– Ну как он мог! – грубо обрезал ее Стивен. Конечно же, не он; он в это время со мной беседовал, а после того, как мы расстались, он и до своей калитки-то неведомо как добрался – ничего не видел.

– А если Салли была убита до того, как Стивен вернулся от Боукока, значит, и Стивен не мог ее убить, – заключила Кэтрин.

Впервые, отметил Далглиш, кто-то из них заговорил о возможной вине или непричастности одного из членов их семьи.

– Откуда вы знаете, что к тому времени она была убита? – спросил Стивен. – Она была жива в десять часов тридцать минут, а утром – мертва.

– Не совсем так, – ответил Далглиш. – Два человека могут назвать более точное время. Один из них – убийца Но есть и второй, кто мог бы нам помочь

В дверь постучали: на пороге стояла Марта – в чепце и фартуке, как всегда флегматичная и бесстрастная. Из-под высокого старомодного чепца выбились волосы, над черными

башмаками выпирали лодыжки. Может, Макси и представили в эту минуту, как эта несчастная женщина, зажав пузырек, который мог стать уликой, пробирается к себе на кухню, подобно напуганному зверю, но виду они не подали. Она выглядела как обычно; да, она стала им теперь чужой, но не настолько, насколько они теперь были чужими друг для друга. Она произнесла только: «Мистер Проктор – к инспектору», – и без лишних слов удалилась. Из полутьмы на свет вышел мужчина. Проктор был в таком бешенстве, что не обратил внимания на лаконичную рекомендацию и на столь многочисленное собрание явно чем-то обеспокоенных людей. Он, казалось, вообще никого не замечал, кроме Далглиша, и с воинственным видом направился к нему.

– Инспектор, оградите меня! Это ж черт знает что такое! Я пытался отловить вас на вокзале. Они не захотели сказать мне, где вы там отсиживались, но этот сержантик не на того напал. Вот я напрямик сюда и приехал. Надо что-то делать.

Далглиш с минуту наблюдал за ним.

– А что случилось? – спросил он.

– Да этот парень. Муж Салли. Бегает вокруг дома и угрожает мне. Напился, если хотите знать. Я-то не виноват, что ее убили, я ему так и сказал. Не позволю, чтобы он мою жену допекал. Да и соседей тоже. Слышали бы, как он орал на всю улицу. Дочка дома. Зачем ребенку крики слушать?! Я не имею ни малейшего отношения к этому убийству, вы прекрасно знаете, оградите меня от хулигана.

Вид у него был такой, словно оградить его следовало бы не только от Джеймса Ритчи. Тощий краснолицый маленький человечек походил на растревоженную курицу и дергал головой при каждом слове. Одет был опрятно, но во все дешевое. Серый плащ, перчатки, в одной руке зажал мягкую фетровую шляпу с новенькой лентой. Кэтрин вдруг сказала:

– Вы были в этом доме в день убийства. Мы видели вас на лестнице. Вы, очевидно, спускались из комнаты Салли.

Стивен бросил взгляд на мать.

– Лучше присоединяйтесь к нашему молебну, мистер Проктор, – сказал он. – Общая исповедь облегчает душу. Вы отлично рассчитали время вашего визита. Вам, как я полагаю, хочется услышать, кто убил вашу племянницу?

– Нет! – внезапно закричал Херн. – Не валяйте дурака, Макси. Ему здесь делать нечего.

Этот возглас напомнил Проктору, где он и кто вокруг него. Он воззрился на Феликса, и вид его, похоже, не доставил ему удовольствия.

– Ах, мне нечего здесь делать?! А если я захочу остаться? Я имею право узнать, что происходит. – Он обвел горящим взглядом напряженные, неприветливые лица. – Вы бы предпочли, чтобы я был убийцей. Все вы. Можете не убеждать меня в обратном. Вы бы с радостью приклеили мне это дело, если бы смогли. Мне несдобровать, если бы ее отравили или ударили по голове. Жаль, что кто-то из вас не удержался и не окоротил себе руки. Но одно вы мне не приклейте – что я ее задушил. Почему? Вот почему!

Он сделал резкое движение, раздался щелчок – и будто в гротесковой комедии на стол перед Далглишем со стуком упал протез правой руки. Они впелись в него глазами, он лежал перед ними как непристойный реликт, резиновые пальцы полусогнуты, точно просят о помощи. Тяжело дыша, быстрым толчком левой руки Проктор подпихнул под себя стул и торжествующе водрузился на него, а Кэтрин вскинула с укоризной свои светлые глаза, словно он был трудным пациентом и позволил себе больше, чем обычное раздражение.

Далглиш поднял руку:

– Мы, конечно же, знали об этом, и мне приятно сообщить, что отнюдь не столь эффектный трюк привлек мое внимание в первый раз. Проктор потерял правую руку во время бомбежки. Протез сделан из льна и клея. Рука светлая, сильная, у нее три искусственных пальца с суставами, как у настоящих. Двигая левым плечом и верхней частью руки, обладатель протеза может натянуть шнур, который идет от плеча к большому пальцу. Тем самым он освобождает палец от зажима пружины. Как только натяжение на плече ослабляется, пружина автоматически накрывает большим пальцем твердый, зафиксированный указательный палец. Очень удачная, как вы можете убедиться, штукавина, Проктор многое мог ею делать. Справлялся с работой, ездил на велосипеде, у протеза весьма натуральный вид. Но одно он не в состоянии был им сделать – задушить человека.

– А если бы он был левша?

– Если бы, но он не левша, мисс Бауэрз, а экспертиза показывает, что Салли задушила сильная правая рука. – Далглиш повернул протез и толкнул его через стол Проктору.

– И совершенно очевидно, что именно эту руку, когда она открывала люк на конюшне у Боукока, увидел тот мальчишка. Лишь один человек, имеющий отношение к нашему делу, мог прийти в жаркий летний день на праздник в кожаных перчатках. Это – один ключ к установлению его личности, но есть и другие. Мисс Бауэрз абсолютно права. Проктор был в Мартингейле в тот

день.

– Ну и что с того? Салли меня попросила прийти. Она мне как-никак племянница.

– Да будет вам, Проктор, – сказал Феликс. – Только не надо нас дурачить, убеждать, что вы ее просто решили проведать, просто заглянули посмотреть на малыша! Сколько она просила?

– Тридцать фунтов, – ответил Проктор. – Тридцать фунтов, что ей толку теперь от них.

– И поскольку ей нужны были тридцать фунтов, – продолжал безжалостно Феликс, – она, естественно, обратилась к своему ближайшему родственнику, от которого можно было ждать помощи. Трогательная история.

Проктор не успел ответить – вмешался Далглиш:

– Она просила тридцать фунтов, потому что хотела запастись деньгами к возвращению мужа. Они так условились – она пойдет работать и экономит, сколько получится. Салли хотела сдержать слово – хотя и появился ребенок. Она решила выманить у дядюшки деньги, прибегнув к обычной уловке. Сказала ему, что собирается выходить замуж, не сказала за кого, и что, если он не заплатит ей за молчание, они с мужем расскажут всем, как он с ней обращался. Угрожала, что выведет его на чистую воду: его хозяева и соседи в Кэннингбери, люди все приличные, узнают, какой он прохвост. Говорила, что он воспользовался тем, что был ее опекуном. А если он заплатит отступного, ни она, ни ее муж никогда в жизни не напомнят о себе Прокторам.

– Но это же шантаж, – воскликнула Кэтрин. – Ну и рассказала бы, что она там придумала. Кто бы ей поверил? От меня бы она пенни не получила!

Проктор молчал. Все, казалось, забыли о нем. Далглиш продолжал:

– Полагаю, Проктор с радостью бы последовал вашему совету, мисс Бауэрз, если бы его племянница не произнесла одну фразу. Она сказала, что он воспользовался своими правами опекуна. Может, она имела в виду, что к ней не так относились, как к ее кухне, хотя Проктор станет отрицать это. Не исключено, она знала больше, чем мы думаем. Но по причинам, которые нам нет необходимости обсуждать здесь, эта фраза очень насторожила дядюшку. Реакция, вероятно, была весьма неожиданной, а Салли, девица сметливая, тут же ухватилась за эту ниточку. Проктор – плохой актер. Он пытался выведать, что же именно знает его племянница, и чем больше выводывал, тем больше уступал. К тому времени как они расстались, Салли поняла, что тридцать фунтов, а может, и больше, у нее в кармане. Вмешался Проктор.

– Я сказал, что мне нужна от нее расписка, – скрипучим голосом заговорил он. – Я-то понимал, куда она гнет. Я сказал, что всей душой готов ей помочь, раз она собралась замуж и у нее будут расходы. Но на этом точка. Если она попытается еще раз ко мне приставать, я обращусь в полицию, так что мне нужна ее расписка.

– Больше она не попытается, – сказала тихо Дебора. Все посмотрели на нее. – Салли я имею в виду. Она просто играла вами, дергала за ниточки и забавлялась, наблюдая, как вы пляшете. А уж коли к забаве еще и тридцать фунтов прибавится – совсем хорошо, но главное развлечение – посмотреть, как вы пыхтите. Но она не стала бы снова так забавляться. После первого раза новизна пропадает. А Салли любила пожирать свои жертвы свеженькими.

– Нет, нет, – Элеонора Макси протестующе развела руками, – она не была такой. Мы просто не знали ее по-настоящему.

Проктор оставил ее слова без внимания и вдруг улыбнулся Деборе, словно принимая ее в союзники.

– Это правда. Вы ее раскусили. Я был у нее на удочке. Она продумала весь трюк со мной. Я должен был принести тридцать фунтов тем вечером. Она заставила меня проводить ее до дома и подняться к ней в комнату. Отвратительно себя чувствовал – пробирался как вор. Тогда-то мы и повстречались с вами на лестнице. Она показала мне дверь на черный ход и сказала, что откроет ее для меня к полуночи. Я должен был спрятаться в деревьях, что за лугом, пока она не включит и не погасит свет в спальне – подаст сигнал.

Феликс расхохотался:

– Бедняжка Салли! Ну что за страсть к спектаклям! Она не могла жить без представлений, даже если это и обернулось бы смертью.

– В конце концов так и вышло, – сказал Далглиш. – Если бы Салли не пускалась в игры с людьми, она была бы жива по сей день.

– Она была сама не своя в тот день, – вспомнила Дебора. – Обезумела просто. Мало того что платье, как у меня, надела, еще притворилась, будто принимает предложение Стивена. Она, точно ребенок, норовила все сделать назло. Получала, видно, от этого удовольствие.

– Она отправилась спать в прекрасном настроении, – сказал Стивен.

И все замолкли, вспоминая. Где-то мягко и чисто пробили часы, затем прошелестела бумага – Далглиш перевернул страницу. Где-то там в прохладе и тишине тянулась вверх лестница, по

которой Салли поднималась со своей кружкой в последний раз. Они прислушались – почти явственно раздались ее мягкие шаги, шорох халата по ступеням, раскаты смеха. Вдали в темноте чуть поблескивал луг, и свет от настольной лампы отражался в нем бликами, подобно ряду китайских фонариков в наполненной ароматами ночи. Мелькнуло белое платье, копна волос. Или это почудилось? Где-то там, над ними – детская, теперь опустевшая, белая и стерильная, точно морг. Мог ли кто из них решиться сейчас подняться, открыть дверь в детскую, не боясь, что на кровати лежит кто-то? Дебора, поежившись, сказала:

– Прошу вас, пожалуйста, скажите нам, что же случилось на самом деле!

Далглиш поднял на нее взгляд. И снова зазвучал его спокойный, глубокий голос.

– Думаю, убийца отправился к мисс Джапп, поддавшись внезапному желанию до конца разобраться в чувствах и намерениях девушки, понять, насколько она опасна. Может, хотел попросить ее о чем-то, хотя не думаю, что мое предположение обоснованно, более вероятно, он хотел заключить с ней какую-то сделку. Гость или просто вошел в комнату Салли, или постучал, и его впустили. Как видите, этот человек ничего не боялся. Салли была раздета и лежала в постели. Должно быть, уже дремала, но она отпила самую малость из кружки, и снотворное не подействовало, просто была слишком усталой, чтобы думать о каких-то там тонкостях, да просто думать, что делает. Она даже не удосужилась встать с постели и надеть халат. Вы можете сделать вывод, учитывая особенности ее характера, о которых мы сейчас слышали, что она вела себя так, потому что гость был мужчиной. Но эти доводы вряд ли стоит принимать во внимание.

Мы до сих пор не знаем, что произошло между Салли и гостем. Знаем только, что, когда гость ушел, закрыв за собой дверь, Салли была мертва. Если мы сойдемся на том, что это было непреднамеренное убийство, то можем предположить, что же случилось. Теперь мы знаем, что Салли была замужем, любила своего мужа, ждала, когда он вернется и заберет ее из Мартингейла, ждала его со дня на день. Мы можем предположить, исходя из того, как она обращалась с Дерексом Пулленом и как блюла тайну своего брака, что она черпала силы и радость в этой тайне. Пуллен сказал: «Она любила все держать в тайне». Женщина, с которой Салли работала, сказала мне: «Она была такой скрытной девчонкой. Проработала у меня три года, но я знала о ней под конец ровно столько, сколько знала, когда она появилась у нас. Салли Джапп хранила

молчание насчет своего замужества, даже когда ей очень трудно было. Конечно, ничего умного в этом не было. Муж был за тридевять земель, преуспевал. Фирма вряд ли отравила бы его домой. Фирме ни к чему было знать об этом браке. Если бы Салли сказала правду, кто-нибудь помог бы ей. Думаю, она хранила тайну частично для того, чтобы доказать свою верность и умение держать слово, а частично потому, что такой уж она была – ореол тайны был для нее слишком притягателен. Благодаря ей она могла допекать дядю и тетку, которых не любила, и получала от этого удовольствие. Благодаря ей она приобрела на семь месяцев прибежище. Ее муж сказал мне: „Салли всегда твердила: „Лучше всех устраиваются матери-одиночки“. Не думаю, чтобы кто-нибудь из присутствующих согласился со мной, но Салли Ритчи была убеждена, что мы живем в обществе, которое утешает себя, помогая с большей охотой заблудшим, попавшим в переплет, чем тем, кто действительно заслужил эту помощь, но судьба его неприметна; она смогла проверить свою теорию на практике. Думаю, ей нравилось в приюте святой Марии. Думаю, она не теряла присутствия духа, теша себя мыслью, что она не такая, как все. Какой она, наверно, испытывала восторг, представляя себе удивленную мину мисс Лидделл, когда та узнает правду, и как она веселилась, изображая мужу своих подружек по приюту. Вроде того: «А теперь пусть Сал расскажет вам о том, как она была матерью-одиночкой». Думаю также, что она наслаждалась властью и силой, которые ей давала ее тайна. Наслаждалась, видя ужас, который охватил Макси перед лицом опасности, – ведь только она одна знала, что опасность ложная.

Дебора заерзала на стуле:

– Вы, судя по всему, много чего о ней знаете. Если она знала, что помолвка – блеф, почему же она приняла предложение Стивена? Она бы всех нас сберегла от ненужных треволнений, если бы сказала Стивену правду.

Далглиш посмотрел на нее:

– Она сберегла бы собственную жизнь. Но разве это похоже на нее – говорить правду? Ждать оставалось недолго. Муж возвращался домой через день-два. Предложение доктора Макси явилось очередным осложнением, которое добавило лишь волнений – и возможность поразвлекаться – во всей этой истории. Вспомните, ведь она не больно-то серьезно приняла его предложение. Я считаю, что она вела себя сообразно своей натуре. Она не выносила миссис Рискоу и не таясь выказывала ей свою неприязнь, поскольку близился час возвращения мужа. А это предложение дало ей новые шансы поразвлекаться. Думаю,

что, когда к ней пришел гость, она лежала в постели сонная, счастливая, уверенная, что у нее в руках семейка Макси, она будет крутить ею, как захочет. Ни один из десятков людей, которых я допрашивал, не сказал, что она была доброй. Не думаю, чтобы она любезно обошлась и с гостем. Но она недооценила степень гнева и отчаяния, с которыми ей пришлось столкнуться. Может, она принялась смеяться. И тут-то сильные пальцы замкнули кольцо на ее шее.

Наступила тишина. Феликс Херн нарушил ее, резко бросив:

– Вы не ту выбрали себе профессию, инспектор. Это драматическое представление заслуживает куда большей аудитории.

– Не глупите, Херн. – Стивен Макси поднял мертвенно-бледное, изможденное лицо. – Неужели не понятно, что ему достаточно и того, как мы реагируем на этот рассказ? – Он повернулся к Далглишу в мгновенном приступе гнева. – Чьи пальцы? – спросил он требовательно. – Сколько можно разыгрывать этот фарс? Чьи руки?

Далглиш оставил его слова без ответа.

– Наш убийца подошел к двери и включил свет. Надо было бежать. Но тут, быть может, на него нашло сомнение. Может, решил: удостовериться, действительно ли Салли, Джапп умерла. А может, нулся во сне, и, повинувшись движению души, он захотел оставлять подле мертвой матери. Не исключено, что им руководили более эгоистические соображения – ребенок своими криками мог поднять на ноги весь дом. Словом, не важно, по какой причине он на мгновение снова включил свет. Включил и выключил. Виктор Проктор, который поджидал в тени деревьев на краю лужайки, принял это за условный знак. У него не было часов. Он ждал сигнала. И он пошел вдоль газона, по-прежнему прячась в тени деревьев и кустов, к черному ходу.

Далглиш выдержал паузу, а его слушатели посмотрели на Проктора. Он выглядел куда увереннее, перестал нервничать и изображать из себя свирепое чудище. Он спокойно и просто рассказал эту историю словно воспоминания той жуткой ночи напряженный, острый интерес собравшихся помогли ему избавиться от смущения и вины и теперь ему не надо было оправдываться перед ними, и он уже не вызывал такого раздражения. Они в общем-то были товарищи по несчастью – он тоже оказался жертвой Салли Джапп. Они слушали его, испытывая такие же отчаяние и страх, которые гнали его к дверям Салли.

– Я подумал, что не заметил, когда первый раз вспыхнул свет. Она ведь сказала, что должно быть две вспышки, ну, я и подождал маленько. Потом подумал, лучше уж я попытаю судьбу.

Смысла не было тянуть. Я и так уж слишком далеко зашел, глупо отступать. Пусть убедится, что я не наврал. Тридцать фунтов раздобыть – дело нешуточное. Взял сколько смог со счета на почте. Там только десять было. Дома кое-что было – собирал на новый телевизор. Прихватил и эти деньги, а еще заложил часы в Кэннингбери. Хозяин магазинчика увидел, что я сам не свой, и дал мне меньше, чем они стоят. И все-таки у меня было достаточно, чтобы она заткнулась. Приготовил для нее расписку. После нашего скандала в конюшне не хотел рисковать. Я так решил – отдам ей деньги, заставлю ее расписаться и отчалою домой. А если еще раз попробует со мной шутки шутить, припугну, что подам на нее в суд за вымогательство. Тогда-то мне расписка и пригодится, я, конечно, не думал всерьез, что до этого дело дойдет. Ей просто нужны были деньги, а потом она оставит меня в покое. Какой смысл еще раз ей пытаться меня выставить?! Не могу я деньги раздобывать по первому свистку, она это прекрасно знает. Наша Салли была неглупой девчонкой. Дверь была отперта, как она и говорила. Я прихватил с собой фонарик, так что без труда нашел лестницу и поднялся к ней наверх. Она еще днем показала мне дорогу. Я в два счета сориентировался. В доме стояла гробовая тишина. Точно все вымерли. Дверь в комнату Салли была закрыта, из замочной скважины и из-под двери свет не пробивался. Я удивился. Подумал – стучать или нет, но побоялся шуметь. Так тихо было, что мороз по коже продирает. Все-таки я открыл дверь и тихонько позвал ее. Она не ответила. Я пошарил фонариком по комнате. Она лежала на постели. Сначала я решил, что она спит, – ну, вроде как отсрочку смертельному приговору дал. Подумал, может, на подушку положить деньги, а потом решил: какого черта? Ведь это она просила меня прийти. Ее забота – сидеть и ждать меня. К тому же хотел поскорее выбраться из этого жуткого дома. Не знаю, когда я понял, что она и не спит вовсе. Подошел к постели. Вот тут-то меня и шарахнуло: ба, она мертва! Странное дело, почему ошибиться нельзя в таких вещах. Понял, что она не заболела и не потеряла сознание. Салли была мертва. Один глаз закрыт, а другой чуть-чуть приоткрыт. Она словно смотрела на меня, и я закрыл веко левой рукой. Не пойму, почему я дотронулся до нее. Глупость какая-то. Просто решил закрыть ей глаз. Простынку ей подоткнули под самый подбородок, точно кто-то хотел, чтобы ей уютнее было. Когда поправлял простыню, увидел, что у нее на шее синяк. До того слово «убийство» не приходило мне в голову. А когда до меня дошло, я совсем перепугался. Мне бы сообразить, что работа сделана правой рукой и что меня никто не заподозрит, но, когда

душа в пятках уже ничего не соображаешь. В руках ведь у меня фонарик был, так вот, меня такой колотун взял, что вокруг ее головы маленькие пятна света заскакали. Не мог дрожь унять. Пытался успокоиться, решить, что же мне делать теперь. Потом сообразил – она мертва а я в ее комнате с пачкой денег. Дураку ясно, что обо мне подумают. Главное – унести ноги. Не помню, как у двери очутился, но не тут-то было. Услышал в коридоре шаги. Тихие шаги. Может, у меня уши заложило. До того взвинчен был что слышал только, как сердце колотится В ту же секунду замкнул дверь и прислонился к ней, сдерживая дыхание. С той стороны остановилась женщина. «Салли! Ты спишь, Салли?» – спросила она тихонько. Уж не знаю, кто это был, но она зря рассчитывала, что Салли ее услышит. Может, она и не больно хотела, чтобы та ее услышала. Я гадал над этим уже потом, а тогда не стал ждать. Начнет барабанить в дверь, разбудит мальчишку или поймет, что что-то стряслось, и поднимет весь дом на ноги. Надо сваливать. Я, к счастью, всегда в форме, высоты не боюсь. Да там и не так уж высоко. Вылез из бокового окна, его деревья прикрывают, за сточную трубу держаться можно было. Руки не поцарапал, да и в кедах легко было цепляться за трубу. Напоследок, правда, сорвался, вывихнул лодыжку, но в тот момент даже не почувствовал. Стремглав бросился к деревьям, потом обернулся – комната Салли была по-прежнему в темноте, вроде бы я был в безопасности.

Я припрятал свой велосипед в живой изгороди у газона, а когда нашел, скажу вам, обрадовался до смерти. Только на велосипеде я понял, что вывихнул ногу. Не мог нажать на педаль. И все-таки поехал. Принялся думать, что мне делать. Нужно алиби. У Финчуорти инсценировал катастрофу. Совсем нетрудно было. Там есть тихий отрезок дороги, по левую сторону – стена. Я со всего размаха врезался в нее, переднее колесо погнулось. Потом порезал перочинным ножом шину. О себе беспокоиться не надо было. Я и так смахивал на жертву катастрофы. Лодыжка распухла, чувствовал себя погано. Видно, недавно дождик шел, убей меня бог не заметил, хотя промок и продрог. Пришлось, конечно, попытеть, пока я доволок велосипед до Кэннингбери, домой попал около двух ночи. Старался не шуметь, так что оставил велосипед в палисаднике. Боялся разбудить миссис Проктор до того, как переставлю часы внизу – их у нас двое. В спальне-то нет ни будильника, ни простых часов. Я обычно завожу каждый вечер свои золотые наручные и кладу на тумбочке у постели. Если бы удалось войти, не разбудив жену, все было бы в порядке. Но не везло

мне! Она, видно, не спала и прислушивалась, потому что подошла к лестнице и позвала меня сверху. Тут уж терпение мое лопнуло, я заорал, чтоб немедленно ложилась, я скоро поднимусь. Послушалась – она всегда слушается, – но я-то знал, что очень скоро она вниз пожалует. Все-таки какое-то время я выиграл. Пока халат свой нацепит да спустится в шлепанцах по лестнице, я переведу часы на двенадцать ночи. Ей, видите ли, обязательно надо меня попоить чаем. Я-то дергался, как бы мне ее в постель отправить, пока городские часы не пробили два часа ночи. И как она не заметила мой жуткий вид! Все-таки мне удалось прогнать ее назад в спальню довольно скоро, и она успокоилась. А уж мне-то было не по себе, доложу я вам! Не дай бог вторую такую ночь пережить! Можете что угодно говорить о нас и о том, как мы относились к Салли. Но она не очень-то с нами бедовала, сдается мне. Нашла сука себе могилу.

Он выкрикнул грязное слово, а потом еще что-то пробормотал – может, извинения – и закрыл лицо своей жутковатой правой рукой. Какое-то время все молчали, потом Кэтрин сказала:

– Вы не приходили на дознание. Нас это удивило, но кто-то сказал, что вы нездоровы. Боялись, что опознают? Но вам была известна причина смерти Салли, и вы понимали, что вы вне подозрений.

Пока Проктор рассказывал о своих приключениях, он очень волновался, отчего говорил легко и свободно. А теперь надо было оправдываться, и он снова ошетинился и стал грубить.

– Почему это я должен был идти? Да я чувствовал себя неважно, не до разговоров было. Я-то знал, отчего она умерла. Полиция нам свою версию изложила – в воскресенье утром прислала ко мне парня. Он долго не тянул, сразу спросил, когда я ее в последний раз видел, ну, а у меня все уже готово. Вы небось считаете, что я должен был выложить ему все начистоту. Нашли дурака! Салли, пока жива была, помучила нас изрядно, ну а теперь от нее, мертвой я не хотел неприятности иметь. Не считав нужным свои личные дела на всеобщее обозрение в суде выставлять. Как вам объяснить? Люди ведь все выворачивают.

– А еще хуже, когда они понимают слишком хорошо, – сказал сухо Феликс

Худое лицо Проктора вспыхнуло. Поднявшись, он повернулся спиной к Феликсу и обратился к Элеоноре Макси:

– Простите я пойду. Не хотел вам мешать. Мне просто надо было повидать инспектора. Уверен, все закончится благополучно, но я вам тут не нужен.

«Говорит так, словно тут кто-то рожает», – подумал Стивен. Желание доказать свою независимость от Далглиша и дать по-

нять, что один из Макси чувствует себя ко всему этому непричастным, заставило его спросить:

– Хотите, я отвезу вас домой? Последний автобус уехал в восемь вечера

Проктор, не глядя на него, отрицательно покачал головой:

– Нет. Спасибо. Я на велосипеде. Они хорошо поработали, во всем разобрались. Не надо меня провожать, не беспокойтесь.

Он стоял, опустив руки в перчатках – странная, жалкая фигурка, но было в нем и некое достоинство.

«По крайней мере, – подумал Феликс, – у него хватает ума понять, что он здесь лишний».

Внезапно Проктор дернул левой рукой – неестественным, быстрым жестом протянул ее Элеоноре Макси, и она ответила на рукопожатие.

Стивен проводил его до дверей. Пока его не было, все молчали. Феликс чувствовал, как все в нем напряглось, ноздри стали подрагивать от знакомого запаха страха. Они должны узнать правду. Им сказали все, не назвали только имени. Но хотят ли они узнать правду до конца? Он наблюдал за ними из-под полуприкрытых век. Дебора была на удивление спокойной, словно конец лжи и обману принес ей умиротворение. Он не верил, что Дебора дает себе отчет в том, что происходит. У Элеоноры Макси лицо стало землистым, но руки спокойно лежали на коленях. Он готов был поверить, что в мыслях своих она где-то далеко. Кэтрин Бауэрз сидела зажавшись, сомкнув губы в недовольной гримаске. Раньше Феликсу казалось, что происходящее ее развлекает. Теперь он не был в этом уверен. С мрачным удовлетворением он смотрел на ее сцепленные пальцы, нервный тик в уголках глаз. Стивен вернулся быстро, и Феликс заговорил:

– Не слишком ли затянулось это представление? Мы слышали показания. Дверь с черного хода была открыта, Макси запер ее в половине первого ночи. А до этого кто-то успел войти и убить Салли. Полиция никого не нашла. Думаю, ни один из нас ничего к этому не добавит.

Он оглядел сидящих. Он, без сомнения, предостерегал их. Далглиш сказал мягко:

– Вы предполагаете, что незнакомец явился в дом и, не собираясь ничего украсть, отправился напрямиком, не петляя, к мисс Джапп в комнату, задушил ее, а она даже не попыталась поднять тревогу, послушно ждала своего конца в кровати?

– Она могла пригласить его войти, кто бы то ни был, – сказала Кэтрин.

Далглиш повернулся к ней:

– Но она ждала Проктора. Не можем же мы вообразить, что она еще пригласила гостей, чтобы отметить эту сделку? И кого она могла пригласить? Мы проверили всех ее знакомых.

– Господи, умоляю, прекратите же! – закричал Феликс. – Неужели вам не понятно, чего он добивается от вас?! У него нет доказательств!

– Нет? – спросил мягко Далглиш. – Посмотрим.

– Но мы знаем, кто не совершил убийства, – сказала Кэтрин. – Ни Стивен ни Дерек Пуллен не могли убить, потому что у них алиби. И Проктор не убийца – рука. Салли не мог убить ее дядя.

– Нет, – сказал Далглиш. – И не Марта Балтитафт; она узнала о том, как умерла девушка, только когда ей сказал Херн. И не вы, мисс Бауэрз, вы стучались к ней в дверь, хотели поговорить с ней уже после того, как она умерла. И не миссис Рискоу, у нее такие ногти, что на шее обязательно остались бы царапины. За ночь такие ногти не отрастишь, а убийца был без перчаток. И не мистер Херн, в чем бы он ни стремился меня убедить. Мистер Херн не знал, в какой комнате спала Салли. Ему пришлось спросить господина Макси, куда нести лестницу.

– Да только дурак признался бы, что знает. Может, я притворялся?!

– Но вы не притворялись, – оборвал его Стивен. – Оставьте при себе свою чертову привычку опекать всех. Вы-то меньше всех были заинтересованы, чтобы Салли умерла. Как только Салли поселилась бы здесь, Дебора могла бы выйти за вас замуж. Поверьте мне, при других условиях вам ее не заполучить. Теперь вам ее как своих ушей не видать, и вы это прекрасно знаете.

Элеонора Макси подняла глаза и спокойно сказала:

– Я пошла к ней поговорить. Если она действительно любила моего сына, она должна была понять, что этот брак погубит его. Я хотела узнать, что у нее на уме. Я извелась совсем, ждать до утра не было сил. Она лежала на постели и распевала. Все бы кончилось благополучно, если бы она не проделала две вещи. Она стала смеяться надо мной. И сказала, Стивен, что ждет от тебя ребенка. Все произошло мгновенно. Она была живой и смеялась. Мгновение – и она мертва под моими пальцами.

– Так это вы! – прошептала Кэтрин. – Это вы!

– Конечно, – тихо подтвердила Элеонора Макси. – Сами подумайте. Больше никому.

Макси считали, что в тюрьму садиться – все равно что лечь в больницу, только уж совсем помимо собственной воли. И то и другое – из ряда вон выходящий и достаточно страшный опыт, к которому жертва относится с клинической отстраненностью, а наблюдатели – с преднамеренным весельем, чтобы создать атмосферу уверенности, а не бессердечия. Элеонора Макси в сопровождении спокойной, тактичной женщины-сержанта полиции отправилась в последний раз принять дома ванну. Она настояла на своем, ведь этим заканчиваются обычно сборы в больницу, и никто не решился сказать, что первая процедура во время поступления в казенный дом – ванна. Интересно, существует ли разница между тем, кто находится под арестом, и тем, кто признан виновным? Феликс, может, и знал, но спрашивать у него никто не хотел. Водитель полицейской машины ждал их на заднем дворе, внимательный и скромный, как больничная сиделка. Последние распоряжения, записки друзьям, телефонные звонки, торопливые сборы. Приехал мистер Хинкс, запыхавшийся и невозмутимый, он точно закаменел, – не мог давать советов, утешать, но явно сам отчаянно нуждался в утешении, так что Феликс взял его под руку и проводил домой. Дебора смотрела из окна, как они скрылись из вида, интересно, о чем они говорят. Пошла наверх к матери, увидела Далглиша, он звонил из холла. Их взгляды встретились. Ей казалось мгновение, что он собирается заговорить, но он снова склонился над аппаратом, а она пошла своей дорогой, внезапно подумав и несколько не удивляясь этой мысли, что, сложись все по-другому, она бы инстинктивно потянулась к этому человеку за поддержкой и советом.

Стивен сидел один, он теперь только понял, что несчастье – это адская боль не имеющая ничего общего с недовольством и тоской, которые он раньше считал синонимами несчастья. Он сделал два глотка, но почувствовал, что выпивка плохой помощник. Ему нужно излить кому-то свое горе, чтобы его уверили в несправедливости обрушившихся на него несчастий. И он пошел искать Кэтрин.

Она стояла на коленях у маленького чемоданчика в комнате Элеоноры – заворачивала какие-то кувшинчики и флаконы. Подняла к нему заплаканное лицо. Этого еще не хватало. Он обозлился – повсюду страдания Кэтрин жутко противная делается, когда плачет. Может, это было одной из причин, по которой она с детства научилась переносить горе – и все прочее – стоически. Стивен решил не обращать внимания на это вторжение в его собственное горе.

– Кэти, – сказал он, – какого черта она создалась? Херн

абсолютно прав Они никогда не доказали бы ее вины, если бы она молчала.

Он за все это время один раз назвал ее Кэти, тогда тоже ему что-то надо было от нее. Даже если он называл ее так, когда целовал ее, имя это было проявлением любви. Она посмотрела на него:

– Разве ты ее не знаешь? Она ждала, когда умрет отец, потом – создалась. Не хотела оставлять его; она ведь обещала не отдавать его в больницу. Она только поэтому молчала. Она сегодня сказала Хинксу о Салли, провожая его до дома.

– Но она сохраняла невозмутимость на протяжении всего разбирательства.

– Думаю, хотела узнать, что же все-таки случилось. Ведь никто из вас ничего ей не сказал. Ее, видно, мучила мысль, что последним посетителем у Салли был ты, что это ты запер дверь.

– Да, я знаю. Она пыталась выведать это у меня. Я-то решил, она спрашивает – не я ли убил Салли. Они должны будут смягчить приговор. Преступление непреднамеренное. Какого черта Джефсон не едет! Мы ведь звонили ему.

Кэтрин разбирала книги, которые достала из тумбочки, и раздумывала – упаковывать их или оставить. Стивен продолжал:

– Они в любом случае отправят ее в тюрьму. Мама – в тюрьме! Кэти, я не переживу этого!

Кэтрин, всю жизнь испытывавшая к Элеоноре Макси любовь и почтение, чувствовала, что и ей не пережить этого.

– Тебе не пережить! Подумать только! – взорвалась она. – Тебе и не надо переживать. Это испытание ей предстоит. И запомни – она из-за тебя туда попала!

Кэтрин не могла остановиться, в бешенстве она стала ему припоминать и свои собственные обиды.

– И еще, Стивен. Не знаю, как ты ко всем нам относишься – ко мне, например. Больше не буду к этому возвращаться, но знай: между нами все кончено. Господи, да не наступай на бумагу! Я же складываю вещи.

Она рыдала теперь не на шутку, как ребенок. Слова вылетали с такой скоростью, что он едва разбирал их.

– Я любила тебя, а теперь кончено, не люблю. Не знаю, на что ты рассчитываешь, мне безразлично, Все кончено.

А Стивен никогда и не хотел, чтобы их роман продолжался, он смотрел на покрытое пятнами лицо, на опухшие веки, на выпученные глаза и со злостью ощутил, как его сдавили досада и печаль оттого, что кончается все так скверно.

Месяц спустя после того, как Элеоноре Макси был вынесен приговор по обвинению в убийстве при смягчающих обстоятельствах, Далглиш в один из своих редких выходных дней заехал в Чадфлит по пути из Эссекса в Лондон – там у реки он держал свою парусную шлюпку. Конечно, крюк пришлось сделать не очень большой, да он особенно и не задумывался, что именно заставило его сделать эти три лишние мили по извилистым, затененным деревьями дорогам. Проехал мимо дома Пулленов. В окнах гостиной горел свет, на фоне занавесей темнели очертания гипсовой овчарки. Миновал приют св. Марии. Дом словно вымер, у входа притулилась коляска – единственное доказательство, что там кто-то живет. Деревня обезлюдела, в дремотной тишине и покое обитатели пили послеполуденный чай. Когда он проезжал мимо магазинчика Уилсона, занавеска на входной двери отодвинулась и вышел последний покупатель. Это была Дебора Рискоу. Она несла тяжеленную корзину с продуктами, и он, повинуясь мгновенному порыву, остановил машину. Он взял у нее корзину, а она скользнула на сиденье подле него, прежде чем он успел испугаться собственной наглости или удивиться ее уступчивости. Глянув украдкой на ее спокойное лицо, он отметил про себя, что она избавилась от скованности и напряженности. По-прежнему была красива, но выражение безмятежной отрешенности напомнило ему о ее матери.

Когда повернули на подъездную аллею к Мартингейлу, он притормозил, но она едва заметно кивнула головой, и он пока-тил дальше. Буки стояли в золотой листве, но полумрак приглушил краски. Первые опавшие листья хрустели в пыли под колесами. А вот и дом, такой же, каким он увидел его в первый раз, только стал темнее и мрачноватей в меркнувшем свете. В холле Дебора сбросила кожаную куртку и размотала шарф.

– Спасибо. Я так обрадовалась. Стивен уехал на машине в город, а Уилсоны развозят продукты сами только по вторникам. Я вечно забываю что-нибудь заказать, а на неделю не хватает. Может, выпьете вина или чашку чая? – Она усмехнулась с ехидцей. – Ведь вы же не при исполнении служебных обязанностей. Или я ошибаюсь?

– Нет, – ответил он, – не при исполнении. Решил проветриться.

Она не стала расспрашивать, он последовал за ней в гостиную.

Здесь не так все блестело, как раньше, меньше мебели, но наметанным глазом он отметил, что особых перемен нет, пусто казалось оттого, что исчезли безделушки, личные вещи

обитателей дома.

Словно угадав, о чем он думает, она сказала:

– Я здесь почти все время одна. Марта ушла, вместо нее у меня теперь две приходящие женщины, живут в пригороде. Это они называют себя приходящими, а я никогда не знаю – придут они в следующий раз или нет, что придает нашим отношениям особую остроту. Стивен, конечно, проводит дома почти все выходные, спасибо ему. До маминого возвращения еще уйма времени, я успею прибраться. Сейчас занимаюсь бумагами – завещанием отца, налогами на наследство; адвокаты замучили.

– А хорошо ли, что вы здесь одна? – спросил Далглиш.

– Мне не страшно. Кто-то из нашей семьи должен жить здесь. Сэр Рейнольд предлагал мне свою собаку, но они у него такие шумные. К тому же он их не приучил изгонять духов.

Далглиш взял бокал, который она ему протянула, и спросил о Кэтрин Бауэрз. Уж о ней можно было спокойно расспрашивать. Его совершенно не занимал Стивен Макси и слишком занимал Феликс Херн. А спрашивать о малыше – значит вспоминать о золотокудром привидении, чья тень и так витала где-то рядом.

– Я иногда встречаюсь с Кэтрин. Джимми сейчас в приюте, Кэтрин частенько наезжает туда с его отцом и забирает домой. Думаю, она выйдет замуж за Джеймса Ритчи.

– Как неожиданно дело обернулось, не находите?

Она засмеялась:

– Не думаю, что Ритчи догадывается об этом. Но было бы очень хорошо. Кэтрин любит ребенка, искренне заботится о нем. Мне кажется, Ритчи будет с ней счастлив. Вряд ли кто-то рассказывал вам о моей маме. У нее все хорошо. Она держится, не падает духом. Феликс Херн в Канаде. А брат пропадает в больнице, он страшно занят. Но говорит, что его там все опекают.

«Еще бы, – подумал Далглиш. – Мать отсидивает свой срок, сестра платит по счетам, ведет хозяйство, сражается с враждебностью или, что еще нестерпимее, – сочувствием соседней».

Видно, она догадалась по его лицу о чем он думает: '

– Я рада, что он страшно занят. Ему куда тяжелее было, чем мне.

Они помолчали. Им было легко друг с другом, но Далглиш мучился, подбирая каждое слово. Ему так хотелось сказать ей что-нибудь утешительное, подбодрить ее, но он, что называется, с порога отметал начавшие было выстраиваться во «Я сожалею, что мне пришлось так поступить». Вовсе он не сожалел, она была достаточно умна и честна, чтобы понять это. Никогда раньше он не извинялся за свою работу и сейчас не станет

оскорблять ее фальшью. «Я понимаю, вы не выносите меня за то, что мне пришлось сделать». Слащавая, сентиментальная, неискренняя фраза, да еще пронизана высокомерной уверенностью, что она равнодушна к нему. Они молча дошли до дверей, она смотрела ему вслед, пока он не исчез из вида. Он повернулся, увидел ее одинокую фигурку контур которой вдруг проступил в свете льющемся из холла, и понял – внезапно и радостно – они снова встретятся. И тогда он найдет нужные слова.

Сноски

Примечания

1

Школа для детей от 11 до 18 лет, программа которой предусматривает изучение классических языков. (Здесь и далее примеч. перев.)

2

Один из рыцарей Круглого стола, воплощение рыцарских добродетелей.

3

Фирменное название порошка для приготовления шоколадно-молочного напитка.

4

Сокращенно: от Седраха, см. притчу о трех отроках. Седрахе, Микахе и Авденаго – товарищах пророка Даниила: «И даровал Бог четверем сим отрокам знание и разумение всякой книги и мудрости, Даниилу еще даровал разуметь всякие видения и сны». (Книга Пророка Даниила, 1, 17.)

5

Болезнь (фр.)

6

Галлиполийская операция (1915) – высадка англо-французского десанта на Галлиполийский полуостров, окончившаяся поражением десанта.

7

Марнское сражение (1918) – сражение между войсками Антанты и США и германскими войсками, окончилось поражением немцев, и инициатива окончательно перешла в руки союзников.

8

Один из видов архитектурной композиции, в классической архитектуре различается несколько ордеров, среди них – коринфский.

9

Стиль архитектуры, отличающийся плоскими арками и деревянной обшивкой стен. Конец XVI – начало XVII в.; назван в честь династии Тюдоров.)

10

Трупные пятна (лат.)

11

Разновидность клавикордов

12

1 гран = 0, 0648 г.

13

Прозвище жителя графства Уилтшир. (По преданию, уилтширцы, достававшие граблями из пруда бочонки с контрабандным бренди, ответили на вопрос акцизных чиновников, что ловят луну.

14

Новый Завет. (От Матфея, 10, 22.

15

Организация, объединяющая женщин, живущих в сельской местности.

16

Следователь, производящий дознание в случаях насильственной или скоропостижной смерти.

17

Семейное бомбоубежище (такие сооружались во время Второй мировой войны; названо по имени Дж. Андерсона, министра внутренних дел

18

Рагу по-тулузски (фр.).

19

Пулярка в соусе (фр.).

20

Департамент на юге Франции

21

Центральный уголовный суд (от названия улицы, где находится здание суда}

22

В правление короля Эдуарда VII (1901 – 1910 гг.) англичане несколько отступили от ханжеской викторианской морали.

23

Здесь в значении «он же» (лат.)

24

Dangerous Drag Act – список опасных лекарств

25

Обыгрывается шекспировское выражение: Ишь, сколько вызвал баб, как сущий заклинатель! Тут много и одной, проваливай, приятель! («Комедия ошибок», III акт, 1-я сцена. Перев. П. И. Вайнберга.)

26

Слова Вараввы из трагедии «Мальтийский еврей» Кристофера Марло (1564 – 1593), IV акт.

27

Право хозяина (фр.)